

В. Шелике

ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ?

МОСКВА
1997

В.Шелике. Что такое любовь?
М., ЛА "Варяг", 1997. – 144 с.
ISBN 5-87943-037-5
© В. Шелике, 1997

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	2
НО РАЗВЕ КАРМЕН НЕ ПРАВА?.....	4
ФОРМУЛЫ ГАРМОНИЧНОЙ ЛЮБВИ	6
Формула первая: <i>"Без тебя я не могу жить!"</i>	6
Формула вторая: <i>"С тобой мне ничего не страшно!"</i>	10
Формула третья: <i>"Найдена моя вторая половина"</i>	15
Формула четвертая: <i>"Ты меня понимаешь!"</i>	18
Формула пятая: <i>"Я – это ты, ты – это я"</i>	27
СОЗВЕЗДИЕ ЧУВСТВ, ЖЕМЧУЖНАЯ РОССЫПЬ ПОСТУПКОВ.....	35
О КРИЗИСАХ ЛЮБВИ.....	39
О головастиках и солнечном зайчике.....	39
Театр любви	53
Немного о ревности.....	57
НА ПУТИ К ГАРМОНИЧНОЙ ЛЮБВИ	63
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.	
ЛЮБОВЬ КАК ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К МИРУ.....	68

ВСТУПЛЕНИЕ

"Краше солнца – нету в мире бога, нет огня – огня любви чудесней," – эти поэтические слова М.Горького широко известны, школьники заучивали их наизусть. Великий писатель отводил любви столь глобальное место в жизни человека, что однажды даже сказал так: "Жизнь без любви – не жизнь, а существование. Без любви жить невозможно, для того и дана душа человеку, чтобы любить."

И действительно, в каждом человеке, даже самом крохотном и уже совсем старом, заложена потребность любить – маму ли, кормящую теплой грудью, шелудивого ли щенка, доверчиво лижущего старческую руку, Родину ли, со всеми ее счастьями и несчастьями, поля ли, леса ли, или степи да горы. Много может человек любить, многое не любить – мир вокруг бесконечно широк, но его можно и бесконечно сузить. Можно восторженно крикнуть людям: "Только влюбленный имеет право на звание человека", как сделал это А.Блок, а можно зло или равнодушно сказать: "Любовь? Что за чушь! Ее вовсе и нет на свете". И оба житейски будут правы – ибо сегодня любовь для одних действительно существует, а для других – ее никогда не было и в помине. Люди разные, одни доносят природой подаренную чашу потребности в любви до самого смертного часа, по дороге жизни наполняя ее новым и новым вином, а другие еле-еле доходят с нею до отрочества или юности и бросают на полпути, отказываясь пить уксус вместо вина. Ведь любви надо учиться, она величайший труд души, который сегодня еще не каждому под силу, как не каждый постигает сегодня и наслаждение в труде повседневном, к сожалению. Но если трудовым навыкам мы худо-бедно, но все же как-то обучаем (хотя зачастую вместо любви к труду воспитываем к нему отвращение), то разве учим мы друг друга любви? Сфера общения в нашем обществе катастрофически запущена, и от этого многие, в общем-то, более несчастны, чем от восьмичасового, часто безрадостного бдения на нелюбимом рабочем месте или от круглосуточной ныне погони за хлебом насущным, намазанным маслом. И умирает у многих способность любить: у матери – своего ребенка, у взрослого дяди – кошку или собаку, у мужчины и женщины – друг друга. Неузнанной проходит мимо юноши и девушки Любовь, мелькнувшая мечтой, растаявшая невидимкой. Не у каждого, конечно, но все же у многих.

Чтобы этого не происходило, надо для начала хотя бы знать – "Что такое любовь?"

Хорошо известно, что любовь может стать всем смыслом жизни иного человека, чаще женщины, реже – мужчины. В XIX веке Герцен утверждал, что женщина буквально загнана в любовь. И пусть в той клетке жила тогда только женщина, а мужчина в большинстве своем упрямо защищал свою свободу, пусть женщина сама позволяла эксплуатировать свою любовь, все же хочется понять: что находила она там, в любовной клетке? Счастье, как Кити? Или несчастье, как Анна? Ведь обе любили! И имели право на звание человека! Обе – одна счастливая, другая несчастная: разве не парадокс?

И может ли любовь действительно стать всем смыслом жизни? Иллюзия это, или, все же, заложена в любви способность полностью заполнить жизнь человека? И вовсе не рабство она, а подлинная цель бытия человека? И та, и другая точка зрения – диаметрально противоположные – не раз высказывались великими и невеликими умами человечества, и спор продолжается по сей день. И сегодня в мире есть люди, уверенные, что только любовь спасет человечество, а рядом живут убежденные в том, что любовь настолько личное отношение, что заниматься ею всерьез общественному деятелю не только смешно, но и постыдно. А в трудные и трагические годы нашей истории, когда юному поколению внушали, что общественные интересы всегда и во всем неизбежно выше интересов личных, писать любовную лирику считалось впадением в мещанскую узость, "утоплением" себя самого в болоте обывательщины с ее занавесочками и канареечками. (О, Господи, чем канарейки не угодили лжедрузьям народа? Живое ведь существо, прелестно поющее птичьей песней?) Сегодня мы расплачиваемся за ханжество дефицитом книг о любви и избытием эротических журналов и пособий по сексу.

И чтобы разобраться в вечном споре о месте любви в жизни человека и противостоять ныне модному сведению ее к сексу (техника которого сама по себе архиважна в любви, но еще не

гарантирует любовь), надо знать – "Что такое любовь?"

Сегодня место любви в жизни человека еще не найдено так, чтобы не преувеличить или не преуменьшить значимость этого лелеемого или гонимого чуда.

В чем тайная сила любви, которая заставляет видеть в ней то панацею от общественных бед, то вражью силу, мешающую общественной деятельности людей?

Кто она – ведьма или прекрасная фея, выдумка или реальность?

Можно ли найти ее всеобщие формулы?

НО РАЗВЕ КАРМЕН НЕ ПРАВА?

В предлагаемой книге я собираюсь понять что такое любовь. Но сразу, при написании первых строчек, слышу голос Кармен:

Любовь свободна, мир чарует,
Законов всех она сильней!

Теперь можно поставить точку и сразу положить ручку на место. Ведь на самом деле разве не бессмысленны любые абстрактные рассуждения о любви и тем более поиски каких-то всеобщих формул любви? И если я за это берусь, то, по всей видимости, предстоит мне сизифов труд, не более.

Разве возможно поймать Синюю птицу счастья и начать пытливо ее разглядывать, такую живую, трепетную, неуловимую? И разве существует искусство препарировать, не убивая? А рассуждать о любви мертвой что за смысл, когда она живет живого, и только такая нас и чарует?

Сомнения – писать или не писать? – мучили меня давно. Но особенно тревожно стало мне, когда я однажды представила свои мысли о любви на суд и совет юной аудитории. На лекцию пришли тогда целой толпой студенты нескольких курсов в надежде узнать, что такое любовь, и... были почти убиты моими четырехчасовыми рассуждениями.

– Значит, я никогда еще не любил? – вскричал на весь зал один из старшекурсников, и я поняла: он выдал общую растерянность.

Тогда я испугалась. Разве я хотела разрушать чары? Отнимать радость?

Нет, нет и – нет! "Законов всех она сильней!" – и это правда! Сильней!

Но почему-то те, кто не попали на мою злополучную лекцию, даже два года спустя все еще спрашивали: "А когда вы повторите свою лекцию о парных формах общения? Когда?" И они тоже были разочарованы, потому что еще раз прочитать лекцию я не обещала.

Чего они ждали? Я знаю, они упрямо жаждали постичь законы любви – законы той, что всех законов сильней.

Ведь каждому, кто хоть раз попадал в любовные сети, хотелось понять: любовь ли это, дружба ли это, иль мимолетное виденье?

Любящий – хочет он того или не хочет – но сто раз задает себе вопрос: "А что такое любовь?" И ждет ответа – от поэтов, писателей, ученых, друзей, веря и не веря, что кто-то уже нашел философский камень любви.

И совсем неслучайно идут нарасхват появившиеся в последние годы на прилавках книги о том, как быть любимой, что надо знать о мужчинах, о наслаждении женщины, о секретах красоты и многое другое о правилах любовного или просто сексуального общения. Книги помогают людям сохранить любовь в браке и вне его. Авторы пособий по преодолению типичных поведенческих ошибок, как правило, американцы, французы, немцы. Они в массе своей психоаналитики и с высот своей науки и практики делятся советами и наблюдениями с читателем. И мы им за это благодарны.

Но моя задача в данной книге несколько иная – я хочу в меру своих сил и возможностей включиться в многовековой поиск человечеством формул любви, чтобы встретив незнакомку на жизненном пути, человек не обознался, не пропустил, а угадал в ней любовь земную.

Я хочу поискать своего рода всеобщую модель любви, отраженную в любящих душах определенными, многим знакомыми словами. И в этом смысле узнаваемыми в качестве признаков любви.

Но чтобы начать поиск всеобщей модели любви, надо четко представить себе – где, в какой области человеческого бытия будут вестись поиски.

Можно обратиться к личному опыту и предложить свои индивидуальные открытия любви.

Исследование любви можно осуществить и через анализ художественной литературы и поэзии и таким образом выявить литературно-поэтические определения любви и дать им

соответствующие формулы.

И, наконец, можно попытаться найти всеобщую модель любви, используя определенную, научно обоснованную методологию, пригодную для распознавания любви.

Книга, которую предлагает автор, не обобщение личного опыта, хотя личное неизбежно вторгнется в авторские рассуждения о любви.

Книга автора не литературоведческое исследование описаний любви, хотя литература и поэзия тоже войдут в рассуждения как иллюстрация и для доказательств.

Книга – не научное исследование любви, хотя автор и будет пользоваться определенной методологией.

Предлагаемая книга – результат прожитого и продуманного, чем автор делится с читателем, впервые вкушающим от плода любви, а также с тем, кому плод показался недостаточно сладким.

ФОРМУЛЫ ГАРМОНИЧНОЙ ЛЮБВИ

Формула первая: *"Без тебя я не могу жить!"*

Любовь в первую очередь жизненная потребность – потребность человека в человеке ради того, чтобы жить по-человечески.

Родившееся на свет дитя уже нуждается не только в пище и тепле, но и в любви своей матери (хорошо бы и отца!), нуждается в общении, основанном на любви. Равнодушие матери, кормление без ласки и нежности порождает даже у новорожденной обезьянки, вскормленной не обезьяной-мамой, а технически сконструированной кормилкой – грудью, холод в душе, лишает ее способности в будущем испытывать чувство материнской любви. Это доказали сегодня ученые.

Мальчикам и девочкам, воспитанным равнодушной матерью, неспособной испытывать чувство тепла в ладонях своих, грозит во взрослой жизни опасность постигнуть только сексуальные желания, но не чувства нежности и любви – так полагают сегодня многие психологи. В объятиях такого мужчины будет несчастна нежная, жаждущая тепла и защищенности женщина, которой не дано растопить холодный лед в душе возлюбленного мужчины, не понимающего, чего, собственно, хочет от него сексуальная партнерша, желание к которой он испытывает в избытке. "Все бабы – дуры" – скажет он себе в конце концов, и пойдет искать по свету ту, которая не претендует на какую-то непонятную, вовсе не существующую, дурацкую "любовь".

Если уже в начале жизни убита в человеке потребность в любви, если ее не лелеяли и не развивали нежным воркованием у постели ребенка, если сладкими поцелуями не покрывали беспомощное тельце, не брали, чтобы утешить, ребенка на руки, словом, если не удовлетворяли первейшую жизненную потребность ребенка в человеческом общении, то порождаются на белый свет легионы людей – мужчин и женщин, -лишенных способности чувствовать потребности другого человека как свои собственные, ощущать чужую боль как свою, радость другого как свою собственную. Потому что с детства приучался такой человек эмоционально обходиться без других, научился выживать в душевном одиночестве как нормальном своем бытии. Спасал такой несчастный человек свою физическую жизнь ценой очерствения собственной души. Не случайно даже некоторые первобытные племена уже знали: настоящего, агрессивного воина, сеющего смерть, можно вырастить, только если отнять его у матери, а взрослым лишить женщины. Неприкаянные, бродят такие люди среди людей, холодные и равнодушные, возбуждаясь часто только в состоянии агрессии, сеющие не радость жизни, а опасность смерти.

Любовь потому и нужна людям для человеческой жизни, что она антипод смерти, она – сила, рождающая жизнь, преодолевающая омертвление души.

В этом одна из тайн любви.

Конечно, любовь не единственная жизненная потребность людей.

Чтобы жить, людям надо производить пищу, одежду, строить жилище, производить на свет других людей, формировать между ними определенные отношения. И если во всех людях убить потребность производить необходимые им условия их жизни – пищу, одежду, потомство, – то кончится человеческая жизнь.

Равно, людям, чтобы жить необходимы другие люди, общество в целом. Не могут люди жить в гордом одиночестве -один на одном необитаемом острове, другой на другом; жить без общения друг с другом, посредством которого они делятся (добровольно или насильственно) пищей, одеждой, жилищем, знаниями, чувствами, идеями, опытом. Без потребности в общении люди на земле тоже вымрут, все до одного.

Любовь как жизненная потребность вбирает в себя лишь определенные грани потребностей в производстве на свет людей и потребности общения между ними. Но вместе с тем любовь проникает любовными отношениями во все сферы жизни людей – индивидуальной и общественной. Она вездесуща, хотя и не всеохватывающа. Но именно поэтому она может стать единственной целью жизни какого-то конкретного человека, даже многих людей – многим мужчинам хотелось бы, чтобы так было у всех женщин. Но любовь не может стать единственной

целью жизни всего человечества, всех людей на земле, потому что человеческих целей у людей гораздо больше, чем только счастливая любовь мужчины и женщины.

Любовь – жизненная потребность, но не единственная. И это следует знать. Особенно тем, кто впервые вступает на зыбкую почву самых сладостных и самых горестных из человеческих отношений, существующих между людьми.

Любовь – жизненная потребность. а потому потребность сильная, а главное разносторонняя, в чем мы убедимся в дальнейших своих рассуждениях о любви и в поисках ее "формул", по которым ее можно узнать и отличить от "нелюбви".

Но сперва проверим себя, действительно ли ощущают любящие свое чувство любви как жизненную потребность, и какой "формулой любви" чаще всего это откладывается в их сердцах.

В скобках заметим, что ученые обычно называют жизненные потребности витальными, (от латинского слова – жизнь), и в дальнейшем мы не станем нарушать это установившееся научное правило.

Каждому. кто хоть раз любил, нетрудно обнаружить, что на уровне витальных потребностей у любящих возникает чувство, отражающееся в сознании в виде четкой и щемящей формулы: "Без тебя я не могу жить!"

Любящий человек, чтобы жить, выжить, не умереть нуждается не только в пище и воде, и не только во всем обществе в целом. но и в ком-то одном, единственном человеке, кого он любит.

На уровне витальных потребностей человек любящий не то добровольно могилу себе роет, не то спасательным кругом запасается – это как у кого в жизни получится.

Без Джульетты Ромео жить не мог. Отелло убил себя, ибо мертва была Дездемона. А герой фильма "Романс о влюбленных" шел сквозь лед, без пищи и огня к любимой, ибо верил: без него она жить не сможет.

Ф.Энгельс, знавший толк в женщинах, подчеркивая силу человеческой любви, измеряющую любовь жизнью и смертью, писал: "...сила и продолжительность половой любви бывают такими, что невозможность обладания и разлука представляются обоим сторонам великим, если не величайшим несчастьем; они идут на огромный риск, даже ставя на карту свою жизнь, чтобы только принадлежать друг другу..." (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.21, с.80)

Витальная потребность выражается в любви в горячем желании любящего жить друг для друга, быть вместе. Формы реализации желанного "вместе" могут быть различными, это доказала история не одной любви. "Вместе" – порой не обязательно под одной крышей. Жили, например, в разных домах знаменитая мадам Рекамье и писатель Шатобриан, и любили друг друга до гроба. "Вместе" – не обязательно в одном городе, так любили друг друга Бальзак и мадам де Берни, встречаясь не каждый день, но любя друг друга долгие, долгие годы. В Москве – она, в Ялте – он: так, любили Чехов и Книппер-Чехова. "Вместе" – не обязательно порою в одной и той же стране, но сегодня пока обязательно хотя бы на одной планете: быть друг для друга, знать друг о друге – мы вместе. Само наличие любимого существа, возможность жить друг для друга при самых порой различных конкретных формах осуществления любовного "вместе" создает у любящих ощущения радости жизни, прилива сил, понимания смысла своей жизни.

Не может любящий жить без любимого – так это чувствуется, если любовь.

Я не могу без тебя жить!
 Мне и дожди без тебя – сушь,
 мне и жара без тебя – стынь,
 мне без тебя и Москва – глушь.

Мне без тебя каждый час – в год,
 если бы время мельчить, дробя;
 мне даже синий небесный свод
 кажется каменным без тебя.

Я ничего не хочу знать –

слабость друзей, силу врагов;
я ничего не хочу ждать,
кроме твоих драгоценных шагов.

/Н. Асеев/

Однако "Без тебя я не могу жить" – в любви только ощущение, и оно вовсе не обязательно ведет к роковому концу -смерти как исходу любви, если приходится "жить без тебя". Выживают любящие, несмотря на мощное "не могу!". Но чувство все равно бьет в набат на весь мир, "Без тебя я не могу жить!" И так до самой смерти, пока жива любовь.

На страницах журналов и с экрана телевизора нередко встречается и такая формула любви – "Любовь, это когда жизнь другого тебе дороже своей собственной". Слов нет, любящие действительно часто испытывают именно такое чувство, особенно в начале своей любви. Да и в материнской любви много подобного самопожертвования, когда "все для тебя, а мне ничего не нужно". Думаю, однако, что предлагаемая формула все же лик не гармоничной, а скорее жертвенной любви, на алтарь которой любящие готовы положить самих себя. При такой установке любящие ожидают от себя полного забвения собственных потребностей жизни, полной отдачи своей жизни другому, растворения в нем. И даже если в идеале такая жертвенная духовная установка предполагается у обоих любящих, все же полное забвение собственных интересов во имя интересов другого не может быть действительным условием саморазвития и самореализации каждого из любящих.

До поры до времени двое любящих, конечно, вполне могут быть счастливы на основе взаимных добровольных жертв, во имя счастья другого, и не стоит клясть такой период любви, если любящие довольствуются им. Но тем не менее неудовлетворенная потребность в самореализации, если жертв приходится приносить все больше и больше, станет источником недовольства и раздражения у одного, а возможно и у обоих любящих, скованных любовный союзом.

Кроме того, для многих людей, реалистически оценивающих и уважающих собственные потребности, жертвенная любовь изначально не может принести счастья, и они станут избегать ее во имя собственного блага. Но установка "Любовь, это когда жизнь другого тебе дороже собственной", – утвердись она общественным стереотипом, – вызовет у таких людей ненужные сомнения в собственной способности к действительной любви. Ни у кого, конечно, не надо отнимать права на жертвенную любовь, но никому не стоит и навязывать ее как образец истинной любви. От принесения себя в жертву во имя любви, по моему, веет дымком тех далеких погребальных костров, в пламени которых сжигали вместе с мертвым мужчиной и его живых жен.

А потому я за формулу гармоничной любви – "Без тебя я не могу жить!". Но обязательно стоит мысленно добавить: "Но если придется жить без тебя – выдюжу". Последнее остается на уровне сознания, как спасательный круг, которым пользоваться вовсе и не надо, пока живо чувство любви, но к которому придется прибегнуть, если корабль любви наткнулся на риф.

Ведь любовь – это потребность жизни, а не отчаянный зов смерти. И такой она останется, коль скоро она счастливая, гармоничная любовь мужчины и женщины.

Диалектику непростой сущности любви выразил непростыми словами Гегель: "Истинная сущность любви состоит в том, чтобы отказаться от сознания самого себя, забыть себя в другом "я", однако, в этом исчезновении обрести самого себя и обладать самим собой".

Всю глубину этой мысли мы, может быть, постигнем, когда продолжим дальнейшие поиски формул гармоничной любви. А пока продолжим наши рассуждения и попробуем сравнить чувство любви, дружбу, легкую связь и брак без любви, используя формулу "Без тебя я не могу жить!" как отражение витальной потребности у обоих любящих.

Такое сравнение поможет отличить любовь от других парных форм общения между мужчиной и женщиной, которые встречаются в жизни не реже, чем любовь.

На уровне удовлетворения витальных потребностей обнаружится первая линия разграничения любви от нелюбви. В других парных формах общения между мужчиной и женщиной витальные потребности столь оголенно и неистово знать о себе не дают.

Так, при дружбе лиц разного пола друзья, как бы они ни были привязаны друг к другу, изначально ощущают, что друг без друга жить они могут, если судьба ими так распорядится. Разлука друзей, при всей горечи и печали, не вызывает чувства жизненной катастрофы.

А легкая связь мужчины и женщины – именуемая сегодня "секс", при которой оба знают, а порой даже откровенно заранее договариваются – о любви и речи быть не может – такая легкая связь тем порой и бывает притягательна, что в сердцах обоих звучит весьма веселая песенка: "Без тебя я жить могу, тра-ля-ля!" У легкой связи нет жизненных капканов, хотя иной, быть может, даже слезу прольет потому, что может жить без другого и никак не испытывает тех чувств, о которых стонут поэты. Однако, факт остается фактом – двое, соединенные только сексом, осознают: друг без друга они в конце концов вполне обойдутся. И может быть именно поэтому в легкой связи у партнеров редко возникает ощущение единственности, внутренняя потребность в верности, чувство принадлежности друг другу.

На свете живет немало людей, которым такие отношения по вкусу, или "по росту". То ли характер у них такой, то ли форма защиты от пережитого такая, но именно на легкую сексуальную связь они более всего и ориентированы. Поэтому и здравствует легкая связь наряду с любовью и дружбой в жизни людей. И с ней придется сравнивать гармоничную любовь, поскольку легкая связь сегодня одна из распространенных разновидностей парных форм общения между мужчиной и женщиной. И сколько бы мы ее ни гнали и ни кляли, сколько бы на нее ни закрывали глаза, или громогласно ни вытаскивали бы на белый свет, всячески позоря или вознося, – она есть, даря людям радость и нам придется иметь ее ввиду.

Кроме легкой связи, при которой двое регулярно или одноразово встречаются, не накладывая на себя особых обязательств и не заводя детей, существуют в жизни и отношения брака без любви. Поженились, притерпелись, народили детей и продолжают жить друг с другом под одной крышей. Спокойно живут, или ссорясь – это уж как у кого получится. В отношениях брака без любви витальные потребности подключены и даже удовлетворяются, но не в той мере, как в любви. Нет в браке без любви щемяще пронзительного ощущения невозможности жить друг без друга. Это чувство, как правило, возникает только по отношению к детям. Формула "Без тебя я не могу жить!" обращена, по сути, к ним и связывает обоих родителей угрозой потери ребенка. Друг без друга родители, в общем, вполне обойдутся, а вот без детей – нет. В браке без любви, таким образом, тоже есть любовь, но не мужчины и женщины, а – родителей к детям. И эта любовь связывает двоих тысячью жизненных нитей, бытовых и духовных, хозяйственных и психологических, даже порой создавая иллюзию невозможности жить друг без друга, особенно если отсутствие любви не осознается.

Брак без любви – способ жизни, примеров которому миллион. И с браком без любви тоже придется сравнивать любовь.

Выведенная формула любви на уровне витальных потребностей дает определенную возможность взглянуть и на различия видов любви у разных людей. Так, эгоистически ориентированные люди превратят "Без тебя я жить не могу" в самые различные действия, направленные на подчинение жизненных потребностей любимых своим собственным, вплоть до терроризирования своих избранников. Разве редки ситуации, когда, исходя из чувства любви, не оставляют любимых в покое, следуют за ними по пятам, постоянно, ежесекундно пытаются быть вместе, совершенно не учитывая жизненных потребностей своего партнера, нуждающегося, как и все люди, например, в часах одиночества. В свою очередь, утрированно альтруистически ориентированная личность нередко превращает "Без тебя я не могу жить" в готовность полностью растворить собственные жизненные потребности в потребностях своего любимого, даже тогда, когда последнему это вовсе не нужно. "Что тебе надобно, любимый?" – вопрошает молча или вслух готовая выполнить роль золотой рыбки любящая женщина, напрочь забывая, – правда, до поры до времени, – что и ей самой тоже немало надобно. Но это уже из области негармоничной любви, о чем речь пойдет ниже.

"Без тебя я не могу жить!" – так осознается чувство возникшей любви обоими любящими, если любовь обоюдна и если она гармонична. По этой формуле многие люди сегодня тысячу раз проверяли себя в "любит – не любит", "люблю – не люблю". Открытий я не делаю, просто

обращаю внимание на то, что большинству любящих ясно и так, А коль скоро это действительно так, то одну из всеобщих формул любви мы нашли. Нашли то, что годится всем, кто любит и любим. А к этому мы и стремились.

Необходимо, однако, заметить, что первая формула и самая всеобъемлющая, и недостаточно конкретная. Дело в том, что потребности жизни, из которых мы вывели первую формулу любви, сами являются исходным основанием, от которого веером расходятся более конкретные потребности людей, удовлетворение которых необходимо им для жизни. А жизнь человечества и каждого отдельного человека бесконечно многогранна, исторически меняется, да и у отдельного человека претерпевает существенные изменения на протяжении всей его жизни. И в этом хаотическом порядке жизни, переплетясь со всеми нитями, связывающими одних людей с другими, существует тугой клубок межличностных отношений общения между мужчиной и женщиной – гордиев узел любви.

Его-то мы и хотим распугать, ухватившись в клубке жизни за ниточку общения. И пусть именно она ведет нас теперь к тем потребностям, которые заставляют людей искать общения вообще, в том числе и общения глубоко интимного, очень личностного, общения между мужчиной и женщиной, в волнах которого рождается Афродита – богиня любви.

Многие ученые бьются сегодня над проблемами выявления и классификации всеобщих потребностей людей, и потребностей общения в частности. При этом сегодня каждый ученый, как правило исходит из своих представлений об истинных потребностях людей и строит на их основе свои теоретические и практические выводы. Об этом надо честно предупредить. Вместе с тем многие придерживаются классификации, предложенной Маслоу, внося те или иные уточнения. В этом случае можно отметить, что общаясь друг с другом, образуя временные или постоянные общности общения, люди удовлетворяют свои жизненные потребности в **безопасности и защите**, потребности в **эмоциональном контакте** и потребности в **признании и самовыражении**, а также свои **сексуальные** потребности. Можно, конечно, назвать и много других потребностей, удовлетворяемых посредством общения – потребность в преодолении страха и потребность в познании (любопытство), эстетические потребности и потребность в наслаждении и т.д. и т.п. Но нам по ряду причин ближе всего та классификация, которую мы выделили, и именно ее мы возьмем за основу как рабочую гипотезу. А далее посмотрим, какие из названных потребностей общения люди удовлетворяют в любви, в дружбе, в легкой сексуальной связи и в браке без любви и поищем различия, позволяющие добраться до слагаемых гармоничной любви.

Формула вторая: "С тобой мне ничего не страшно!"

Были времена, когда человек искал и находил удовлетворение **потребности в защите и безопасности** не в интимном межличностном общении. Чувство потерянности в жизни не возникало, если рядом был род, если жил человек в общности большой семьи, был связан о людьми общинными связями. Но новые отношения между людьми в современном мире, когда круг общения внешне становится гораздо более обширным, чем в прошлом, но вместе с тем теряет в близости и теплоте в силу урбанизации, в силу гонки каждого за заработком или "сладкой жизнью", пожирающей свободное время в больших мегаполисах и оставляя все меньше времени для глубокого личностного общения многое изменили. Часть человечества, чтобы хоть как-то прийти себе на помощь, изобрело сегодня "телефон доверия" и даже "секс по телефону." В таких новых, по сравнению с прошлым, условиях человеку нетрудно потерять себя среди миллионов себе подобных, ни в одном из них не найдя защиты и ощущения безопасности своего существования. Неслучайно в такое время гармоничная любовь обретает новую ценность.

Когда двое любят друг друга гармоничной взаимной любовью у обоих возникает блаженное чувство обоюдной защищенности. "С тобой мне ничего не страшно!" – под таким девизом ликует сердце счастливого в любви. И случись беда на работе, навались неожиданно тяжелая болезнь, умри кто-то из близких – горько горюя, человек, связанный с другим разделенной любовью, все

есть друзья, работа, дети, задачи в жизни, наконец. Как смеешь ты ощущать одиночество, неблагодарный ты человек?" И все-таки, и все-таки... Люди созданы любить и быть любимыми. И если в те горькие ночные часы, и потом, по утрам, когда воля снова берет верх над растрепанной душой, ни сегодня, ни завтра рядом нет и не будет любимого, к которому можно молча прислониться, если никто не погладит, утешая, по волосам – будут в жизни человека часы, когда обречен он на борьбу с тоскливым ощущением своей незащищенности, что гложет и давит. Потому что жизнь без любви – аномалия.

Так люди устроены.

И А.Пушкин, гениальный, признанный обществом поэт, напишет однажды:

"На свете счастья нет, но есть покой и воля", –

выразив свое чувство одиночества щемящей гордой строкой, ударяющей в сердце.

Власть любви над людьми в том и состоит, что спасает она от одиночества, вытесняет жгучую боль из души и тела и вселяет в человека тихое, ласковое и очень живое чувство безопасности и защиты. Трудно выразить словами то чувство гнезда, уюта, защищенности, которое несет любовь нашедшим друг друга счастливым существам.

У моей матери на письменном столе многие годы стояла маленькая статуэтка немецкой скульпторши Игнеборг Гунцингер. Невольными натурщиками композиции стали двое неизвестных – мужчина и женщина, случайно замеченные скульпторшей во время экскурсии в Коломну. Свою маленькую статуэтку автор назвала "Любовь".

Высокий мужчина обнял большими руками маленькую женщину, спиной прислонившуюся к нему. Впрочем – нет, она не прислонилась, она вся укрыта его грудью, руками, торсом. И голову свою мужчина склонил так, что щекой касается макушки ее головы, которая вся откинута к нему, ему. Та женщина сейчас в гнезде, в защите, в любви. Но и он, всю ее укрывший, он, защищающий, сам защищен ею. Его голова не только склонена к ней, нет, сам он нашел опору в ней, что прильнула к нему. В ней его отдохновение, ей он может доверить свою усталость, свои думы, свою нежность. И тогда я замечаю ее ноги – крепкие, сильные, маленькие ноги женщины твердо, очень твердо стоящие на земле. Нет, не только он, -если надо, то и она придет на помощь, вытащит из огня, спасет от пуль. Опора она ему, как и он ей.

Я не знаю лучшего выражения чувства защищенности в любви!

Сила любви состоит в том, что снимает она боль зачастую без единого слова. Она спасает от одиночества присутствием любимой, ласковым прикосновением, теплотой голоса, мягкостью взгляда. Любовь наводит порядок в смятенной, больной душе как гениальный лекарь. Ей даже диагнозы ставить необязательно, если она любовь.

Дружбе труднее. Друг вынужден и расспросить, и выслушать. Ему надо точно понять, что за беда, и откуда она. Другу предстоят часы и часы труда душевного, чтобы вытащить терпящего бедствие из трясины одиночества, из отчаяния. Нет в утешениях дружбы той магии волшебства, что присуща любви. Полного чувства защищенности дружба не дает.

Ну, а легкая сексуальная связь в сражениях с бедами и одиночеством для уставшего – что стакан вина. Спасает без глубинного сочувствия, спасает, но только на время. И нередко потом, с похмелья, она же поднимает со дна души такой мутный осадок разочарования, недовольства собой, что трудно сказать, спасение в ней, или погибель. Ибо легкая связь – иллюзорное средство защиты, она лишь суррогат любви, а потому нет в ней силы подлинности.

Находясь в отношениях легкой связи, человек все равно обречен на приступы одиночества. И происходит это от того, что при легкой связи удовлетворение потребности в защите чаще всего вовсе и не происходит. Двое так и остаются друг подле друга один на один со своими бедами, осознанно или неосознанно даже не предъясняя высоких притязаний быть защищенным. "Забыться!" – вот формула защиты, доступная отношениям легкой связи.

Но не будем осуждать человечество за открытие такого дешевого, не самого лучшего в мире вина. Все же дарит и оно тепло, таит в себе капельки спасения. Уходила вот шолоховская Аксинья в руки Левицкого, уходила в чужую ласку, не гришкину, но уходила, чтобы найти хоть временную

защиту, выжить для жизни.

Холодная замкнутость и недоброта к людям никем никогда не согретых женщин и мужчин – нередкий исход праведников, не захотевших стать грешными, как грешна была Аксинья. Душевное отвердение – как реакция самозащиты одинокого, не защищенного и потерявшего надежду на защиту человека – итог жизни многих негрешных. Женская сварливость и мужская агрессивность оттуда же – от беззащитности. Но злые реакции – это еще и искаженные крики о помощи, в них еще скрыта вера, надежда, пока не сомкнутся губы в твердом и упрямом изломе, пока не научит себя человек привычно воздвигать китайскую стену между собой и чувствами других людей, между собой и будущей любовью. Так погибает способность любить мужчину, женщину, детей.

И, потому все же лучше так, как Аксинья, защитить себя, лучше живая к живому, чем окаменелость души и тела. Ведь обретением способности ни в ком уже больше не нуждаться, ни в ком уже больше не искать защиты, люди уходят от людей. Там, в своем каменном гнезде, человек может так одичать от одиночества, ставшего принципом, что кроме железной воли и злости к людям ничего уже больше в себе не сохранит. Защищать такую статую трудно, да и теплоты от нее уже никому не дожидаться.

И, наверное, вовсе не случайно в наш век люди многих стран, и нашей тоже, исподволь или сознательно меняют отношение к легкой сексуальной связи, идя от полного ее осуждения к приятию и даже к признанию ее необходимости в жизни – молодых и женатых. Литература, которая стала нам сегодня доступной, реалистически берет отношения между полами такими, какими они существуют в действительности, а не в морализаторских книгах о браке и семье, только и доступных нашему читателю десять лет тому назад. Новые для нас книги учат без лишних душевных мук идти навстречу легким сексуальным связям как источнику радостей, пусть мимолетных, учат не предъявлять друг другу претензий, которые "просто секс" удовлетворить не может, учат избегать СПИД. Но думаю, что многие, очень многие люди – и вовсе не старики и старухи – не приемлют "новой морали", и не позволяют ни себе, ни близким вступать в отношения легкой связи, вовсе не считая их легкими. И это не только их право, но и в чем-то правы и они тоже.

Много лет назад в "Литературной газете" была помещена весьма любопытная статья Л.Жуховицкого. Автор, приведя демографическое уравнение о том, что в нашей стране на 100 неженатых мужчин приходится 170 незамужних женщин, не захотел призвать к умерщвлению у одиноких женщин потребности в любви и защите. Л.Жуховицкий предложил попытаться признать за каждой "лишней" женщиной право на любовь, любовь земную, реальную, со стиркой мужских рубашек. Пусть не ежедневную стирку, но хотя бы тогда, когда дефицитные неженатые мужчины, а порой и чьи-то мужья, приходят к тем "лишним". И если общество еще не доросло до такой жизни втроем, то, подумал вслух Л.Жуховицкий, пусть общество попробует пересмотреть свои взгляды.

Какой тут поднялся шум! В какие штыки были встречены рассуждения автора! И жены били в набат, и не-жены были оскорблены. И мужья были озабочены.

А если открыть глаза и честно посмотреть вокруг? По существу, 170 свободных женщин и 100 свободных мужчин сегодня вовсе не минуют друг друга, и тому, кому хочется встреч, – у того они есть, тайные, или открытые. Любовь не отринула 70 из 170, и вовсе не старыми девами проходит большинство из них сквозь жизнь. А мужчины, во всяком случае многие из них, весьма исправно выполняют двойную демографическую нагрузку по продолжению рода человеческого. Кто хочет родить – родит. Так сложилось на практике, стихийно и не по вине Л.Жуховицкого, который лишь придал фактическому положению дел иную, положительную моральную оценку.

Ну, а что, если и на самом деле прислушаться к автору статьи? Счесть вполне приемлемым, что одни женщины любят своих любимых в браке, с общим ведением хозяйства, с ежедневным и еженощным пребыванием друг подле друга, а другие любят любимого в дни и ночи, когда он приходит к ним, иногда стирают ему рубашки и даже детей себе рожают. Как остроумно было предложено в одной из пьес такой третьей, "лишней" любящей женщиной: "По понедельникам, вторникам и средам ты у нее, по четвергам, пятницам и субботам у меня, а в воскресенье у тебя

выходной". Так вот, счесть все это и нормальным, и вполне допустимым – ну, мысленно, хотя бы?

Однако тут сразу и выскочит черт из табакерки. Именно неудовлетворенная потребность безопасности, отсутствие чувства защищенности оказываются тем камнем преткновения, который мешает быть счастливыми этим 70 "лишним" и женам, от которых мужья уходят всего-то на час, оставаясь при своей семье, и никуда от нее всерьез и не собираясь уходить. Вариантов таких отношений в действительности превеликое множество. Художественная литература пестрит примерами таких ситуаций, пошлых и возвышенных. Но в большинстве случаев, известных и неизвестных соседям и человечеству, счастье участников таких трио омрачено неудовлетворенностью потребности в безопасности. Возникают настороженность, недоверие, напряженность ожиданий, и отрицательные эмоции ломают в конце концов чувства одного или всех троих. И дело не только в тех общественных стереотипах, которые царят в душах многих людей в виде установки на семейное счастье, основанное на незыблемом владении до конца дней своих тем человеком, который хоть раз полюбил тебя, ибо любить он обязан теперь вечно.

Можно и не придерживаться таких установок, даже проповедовать вслух взаимную свободу, а страдание вместо счастья все равно тут как тут. Отчего?

Дело в том, что любящий человек нуждается в контакте с любимым. И ему, чтобы обрести чувство уверенности, чувство принадлежности другому, нужно общение не только тогда, когда один может прийти, но и тогда, когда другой хочет, чтобы к нему пришли. Любящим хочется быть уверенными – дома можно встретиться вечером и никто не уйдет, тайно или явно, дарить свою любовь еще и другому.

Как это нужно человеку!
 Флоты и то стекаются к гавани.
 Поезда – и то к вокзалу гонит.
 Ну, а меня к тебе и подавней
 – я же люблю! –
 тянет и клонит.
 Скупой спускается пушкинский рыцарь
 подвалом своим любоваться и рыться.
 Так я
 к тебе возвращаюсь, любимая.
 Мое это сердце,
 люблюсь моим я.
 Домой возвращаетесь радостно,
 Грязь вы
 с себя соскребаете, бреясь и моясь,
 Так я
 к тебе возвращаюсь, –
 разве
 к тебе идя,
 не иду домой я?!
 Земных принимает земное лоно.
 К конечной мы возвращаемся цели,
 Так я
 к тебе
 тянусь неуклонно,
 еле расстались,
 развиделись еле.

/В. Маяковский/

А если нет той защиты, нет возможности быть вместе по зову любви, то пулю запустит себе

человек.

Не чувствуют люди себя защищенными, если у любимого человека они не единственные. Так многие люди сегодня устроены.

Быть может, некоторые оттого и решаются на брак без любви, что, нуждаясь в защите, страстно нуждаясь в защите, ищут в семейной жизни, ищут и находят – вот что главное – удовлетворение своей потребности защищать и быть защищенным. Заботы о семье, чувство принадлежности к ней, пусть при отсутствии той любви, что воспета поэтами и пригрезилась в юности – вот тот цемент, что закрепляет отношения брака без любви. Двое обретают спасательный круг, что держит из над пучиной жизни и сохраняет людей для людей.

Формула третья: "Найдена моя вторая половина"

Потребность в защите, желание быть вместе тесно связано и с другим уровнем потребности общения – с потребностью в эмоциональном контакте.

Человек – существо общественное. И сколько бы ни было в мире сторонников индивидуализма, сколь упорно ни возрождались бы идеи о фатальной, якобы, некоммуникабельности представителей человеческого рода – люди все равно стремятся к общению и не могут жить вне общества. Потребность общения – это потребность в живых, невыдуманных, насыщенных эмоциями, приятных контактах с живыми людьми. Доверяя другому – любимому ли, соседу ли, или другу – очередную драму своего сердца, – маленькую или великую, – люди в результате облегчают свою душу. И когда соседка по очереди горестно делится разочарованием по поводу неудачного рисунка на уже купленных обоях, то и в этом проявляется потребность в общении, поиск эмоциональной помощи у оказавшегося рядом незнакомого человека. Поделиться радостью, разделить горе, сообщить новость, рассказать о себе – это так человечно...

Вместе с тем, если в общении со случайным соседом по очереди можно оставаться, по существу, глубоко равнодушным к чужим огорчениям, сочувственно отгораживаясь от чужих проблем стеной психологической самозащиты, то соседка по очереди такая позиция не очень ранит, ибо многого он и не ждет. Просто ему надо, чтобы кто-то по-доброму его выслушал. И если такое же отгораживание удастся порой и с более близкими, родными людьми, то в отношениях любви человек ожидает не отгороженности, а полного совпадения и слияния душевных настроев, той абсолютной контактности на интуиции, которая приводит к стиранию эмоциональной грани между "Я" и "не-Я".

Возникает ощущение: "Найдена моя вторая половина". Такова еще одна формула любви.

Теперь – "Твое горе – это мое горе, твоя радость – моя". И не умом это понимаемо, а всем существом ощущаемо, даже помимо собственной воли. И в этом вся суть.

Любящие – два камертон, что настроены на одну волну, передающие друг другу свое состояние. Это очень хорошо, когда настрои счастливый. Ну, а если горестный? Тоже заражаться? Каждая любящая женщина знает, как болит ее сердце, когда на лице дорогого ей человека – следы скрываемой боли. Отзывается душа, чует беду и горюет. А надо бы помочь, вытащить родного, – а как, если ты сам тоже уже весь печаль и тревога? Люди очень различны. Для кого-то разделенное горе полгоря, а для кого-то только попробуй его раздели – оно тут же становится горем "в квадрате".

Но у гармоничной любви на то и есть волшебная палочка, невидимая, умеющая превращать руки любящего в лекарство от боли, голос – в эликсир нежности и доброты, взгляд – в бальзам жизни и счастья.

Любящий человек привыкает опираться в своей душевной жизни уже не только на себя. Он разрушает скорлупу своего отчуждения и самозащиты и отдает свои эмоциональные состояния, если не во власть, то во всяком случае на сотрудничество, соучастие другому, любимому. Человек как бы перестает быть целостной системой, замкнутой в себе, ориентированной на себя. Теперь

только "я и ты" составляют в идеале целое.

"Я дарю тебе сердце" – так каждый из любящих ощущает это стремление к эмоциональному единству. "Обменяться душами" – говорят о себе любящие.

Отсюда в отношениях гармоничной любви возникает ощущение, что любимый человек – моя вторая половина, частица меня самого, без которой – тоска и боль. И только вместе, только вдвоем обеспечивается состояние душевного комфорта, счастья. Присутствие любимого или уверенность в возможности встречи с ним и становится средством достижения душевного равновесия, потребностью души, условием счастья.

...Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я...

Так выражает поэт извечное стремление любящих к эмоциональному контакту со своей половиной.

Писательница И.Грекова назвала эффект присутствия, понимаемый ею как психологическое ощущение постоянного присутствия другого человека в себе или рядом, невольные мысленные обращения к нему, внутренние разговоры с ним, первым признаком любви. Это верно. Ибо эффект присутствия кого-то одного из великого множества общающихся с нами людей говорит о том, что кто-то выделен и поднят в общении на много рангов выше остальных – с ним разговаривают даже тогда, когда его рядом нет!

Особенностью любви и является то, что потребность в общении, потребность в духовном контакте доведена до стремления к полному слиянию эмоциональной жизни двух людей в одно единое целое.

Конечно, эта желанная цель не может быть достигнута в полной мере и в любую минуту, но мгновения ощущения совершеннейшей слитности чувств и эмоций двоих – любовь любящим дарит. И в этом ее сила, ее преимущество перед остальными формами парного общения мужчины и женщины.

Можно сказать, что любовь меняет слух любящих людей, одаривая их способностью слышать такие звуки голоса, улавливать такие полутона, которые неведомы не любящему. Стоит приглядеться как слушают друг друга влюбленные, как внемлют даже пустой болтовне, ибо для них она не пуста.

В каждом слове чуткое ухо улавливает целую симфонию звучаний. Музыка, музыка и музыка, особая музыка сопровождает любящих, и они ее слушают, общаясь друг с другом. Быть может, каждый любящий человек становится немного телепатом, без слов умеющим читать в сердце другого. И одним из признаков конца любви или ее кризиса становится глухота к эмоциональному миру прежде любимого человека, неспособность или нежелание впускать в себя чужую музыку души. Неинтересно становится ее слушать, надоедает все время одно и то же.

Но если жива любовь – оба играют на инструментах своего сердца друг для друга, сочиняют одну общую мелодию.

Иначе проявляются люди в дружбе. Она чаще всего предполагает сохранение определенной эмоциональной дистанции между друзьями. В дружбе каждый из друзей воспринимает другого не как свою половину, а как целостную самостоятельную единицу. В дружбе общение не строится в расчете на эмоциональное совпадение, и когда от друга ожидается эмоциональная помощь, то как бы со стороны. От друга, конечно, тоже ждут сопереживания, но иначе.

В любви полярное эмоциональное состояния двух любящих людей может быть чревато катастрофой – "Я плачу, а ты смеешься". Вынести смех любимого при собственных слезах трудно.

А другу не только позволено, иной раз от него и ожидается: "Я плачу, а ты, пожалуйста, посмейся, чтобы мне полегчало". Эмоциональные контакты в дружбе облегчены более низким уровнем притязания, и, возможно, именно поэтому друзья ссорятся реже, чем любящие.

Однако, помочь в горе, помочь увидеть земной шар повернутым снова светлой стороной, друзья тоже умеют. И неслучайно еще Пифагор советовал: "Избери себе друга; ты не можешь быть счастлив один: счастье есть дело двоих".

Интересное разграничение любви и дружбы проводит французский психолог Ж.Мезоннен, сравнивая любовь и дружбу с параметрами времени и пространства. "Любовное время" несоизмеримо со "временем дружбы". Первое быстротечно, это время, когда "забывают в времени". "Любовное время" не измерить временем повседневности. Иначе обстоит дело в дружбе. "Дружеское время" не импульсивно, а спокойно, равномерно, оно не оторвано от повседневности. Любовное время легко прерывается, время дружбы – более постоянно.

Пространство любви также отличается от пространства дружбы. По существу, любовь жаждет уничтожения расстояния между любящими. Напротив, дружба предполагает некую отдаленность, некое духовное расстояние между друзьями. На это различие обратил внимание И.Кон, известный специалист по проблемам любви и дружбы.

Стоит сказать и вот о чем. Жизнь являет нам немало случаев, когда притязания на уровень чувств, соответствующий любви, подсознательно переносятся на отношения дружбы. Особенно характерно это для подросткового возраста, когда между друзьями эмоциональное общение нередко достигает такого уровня притязаний, который соответствует лишь любви. Жан Кристоф так любил Отто. Дружба на грани любви связывала мальчика Герцена и мальчика Огарева. Примеров тому много. Нередко одинокие, уже немолодые женщины или мужчины, лишённые гармоничной любви, тоже предъявляют друзьям притязания такого уровня эмоциональной контактности, который недостижим при дружбе. Но большинство людей все же избегает таких несоответствий. Люди хорошо знают, что нуждаются кроме любимого еще и в друзьях. И большую ошибку совершают те ревнивые мужья или жены, что пытаются отлучить своих любимых от друзей. К тому же и себе самим такие разлучники невольно наносят вред. Ведь иной раз любящему просто необходимо "на стороне" эмоционально разрядиться от обиды, нанесенной любимым. И в этом друзья – лучшие помощники. "Дружба удваивает радости и сокращает наполовину горести", – писал Ф. Бэкон.

А вот в отношениях легкой сексуальной связи эмоциональная жизнь двоих – это веселая оперетта, игра в счастливость. Каждому так легко быть самим собой, так легко ничего не ждать и все же получать порой простые, незатейливые радости. В легкую связь вступают люди, легко друг с другом контактирующие, эмоционально друг друга не ранящие, идут – на время, без обязательств, с условием: "Легко начали, – так и продолжим, так и расстанемся".

Люди, которым трудно общаться, не легко пойдут на легкую связь. Только в любви влюбленные, охваченные страстью, очертя голову соединяют судьбы в надежде преодолеть все тернии и ссоры, как только будут соединены две жизни. Эмоциональные озарения близости закрывают влюбленным черные тучи психологической несовместимости, которые громом среди всего не бывшего ясным неба омрачают потом существование двоих, некогда любивших друг друга людей.

А в легкой связи ни озарений, ни ослеплений нет. Оба глядят друг на друга без пелены и с обоюдной симпатией из-за легкости общения и совместимости эмоциональных состояний.

Легкие связи не выдерживают, однако, испытаний, как только становятся тягостными, и, как правило, прекращаются, если двое начинают портить друг другу настроение. Расстанутся мужчина и женщина без трагического разочарования друг в друге. Скажут еще: "Спасибо за радость", и лучезарно улыбнутся на прощание. А перед горем, уже если оно появится в чьих-то глазах, решительно захлопнут дверь.

Брак без любви – на уровне удовлетворения потребности в эмоциональном контакте – подобен легкой связи. Сознательно без вмешательства родни или корысти, решатся соединить свою судьбу, родить детей только люди, которые хотя бы друг другу симпатичны и эмоционально совместимы. Ради того, чтобы иметь рядом человека, с которым и поговорить можно, который и горю твоему посочувствует, и если заболеешь поможет, – выходят замуж и женятся многие люди на белом свете. И если выбор супругов оказался верным, то потребность в эмоциональном контакте в браке без любви удовлетворяется как и при дружбе, или при отношениях легкой связи, с большей или меньшей долей сердечной привязанности друг к другу.

Сложность состоит, однако, в том, что в отличие от легкой сексуальной связи брак без любви прекратить не так легко и просто, если супруги начали эмоционально друг друга угнетать или

раздражать. И плен, добровольно устроенный себе и другому вовсе не из плохих побуждений и намерений, может превратить эмоциональные контакты двух людей, соединенных в браке без любви, живущих под одной крышей и имеющих детей, в непрекращающуюся ежедневную войну. Тогда наступает трагедия, из которой тысячи и тысячи людей найти выхода не умеют. Ни прекратить портить кровь ближнему своему, ни наладить свои отношения с ним, ни разойтись – ничего не могут, так и маются всю жизнь между тремя соснами, разрастающимися в дремучий лес. И положение совсем осложняется, если к нарушениям эмоциональной близости присоединяется непонимание и непризнание идеалов, системы ценностей, жизненных установок со стороны одного или обоих супругов. Ведь моя вторая половина нужна мне не только для совместного веселья и разделения горя, не только для блистательных минут высочайшего чувства счастья, переживаемого вдвоем, но и для понимания меня, притяжения моей жизни, моих устремлений, и для признания меня достойным любви, хорошим, значительным человеком. Любящий ищет в любимом человека, который примет его способ самовыражения, – и не только примет, но и одобрит.

Любящие ищут того, кто действительно становится их неотъемлемой половиной, так, чтобы и вправду: "мы эхо, мы эхо, мы нежное эхо друг друга..."

Формула четвертая: *"Ты меня понимаешь!"*

Притязая на абсолютное совпадение эмоциональных состояний, двое любящих по неведению совершают, все же, немалую ошибку, а как следствие – обрекают себя на неминуемое разочарование, на выяснение отношений, сопровождаемых всплеском отрицательных эмоций. Почему? Да потому, что существуют различия между эмоциями и чувствами. Эмоции всегда переменчивы и противоречивы, такова их природа и таков их статус в душевной жизни человека. Каждая эмоция – и нежность, и гнев, и радость, и горе – есть только сиюминутная реакция на сиюминутную ситуацию. И порождаются эмоции более подсознанием, чем сознанием. Можно, например, очень хотеть откликнуться вот сейчас, сию минуту на ласковое прикосновение рук любимого человека, но заплакавший в соседней комнате малыш тут же перебьет наплыв нежности и желания. Тревога за ребенка в одну секунду вытесняет нахлынувшие эмоции радости любви. Значит ли это, что раз любимая не готова откликнуться на любовь любящего в любое, удобное для него, определяемое его эмоциональным состоянием время, что ее любовь угасает, что ребенок ей теперь дороже его отца? Так иногда кажется молодым папам, начинающим ревновать к собственным первенцам, еще не вызвавшим в юных мужчинах ответственного горячего чувства отцовской любви.

Любящим надо бы знать, что чувство, – а любовь это чувство, – тем и отличается от эмоции, что оно устойчиво и не подвержено сиюминутным ситуациям. Постоянство определяет направленность душевной жизни и поступков любящего человека и в этом смысле подвластно и сознанию.

И если юная мать обогащена еще одной любовью – любовью материнской, – то это вовсе не означает, что в ней угасает любовь женская, любовь жены к своему мужу, отцу ребенка, к человеку, одарившему ее чудом материнства. Женщина не делит себя между мужем и ребенком, она лишь по-новому распределяет время, отдаваемое любви, учится им управлять, привнеся в свою любовь к мужчине глубокую благодарность за дарение ей ребенка.

Различия между эмоциями и чувствами стоит запомнить и тем юным влюбленным женам, которые готовы ежесекундно спрашивать своих любимых "Ты меня любишь?". Задающая вечный вопрос ожидает в ответ повторения того же состояния счастья, которое моментально возникает в ней, когда нежно и страстно звучит его мужской ответ: "Да, больше жизни". Но может случиться, что однажды, когда в очередной раз возвращается он домой озабоченным с трудного заседания, и его очередной раз с порога встречают стандартным нежным вопросом, он буркнет сквозь зубы "Люблю". И это правда – он действительно любит, но эмоционально выражает всем своим

существом в эту минуту сплошную досаду из-за неуместности вопроса и немую мольбу: "Оставь меня, ради бога, в покое! У меня забот полон рот. Что спрашивать о том, что и так ясно?" У него ведь тоже есть своя, "не домашняя" сфера жизни – его работа, где он переживает самые разные эмоции, испытывает страсть, если увлечен трудом, и все эти состояния он несет за порог своего дома. Он еще весь там, но уже в предвкушении душевного раскрепощения, отдыха, тепла от любимых -жены и детей. А тут она со своим дурацким вопросом, а ребенок – с ревом!

В общем, эмоции нас нередко подводят. Но страшного в этом ничего нет, если знать что не стоит слишком долго "застрывать" на тех отрицательных эмоциях, которые, как говорят психологи, порождены нашим собственным адом. Если этому научиться, то райские кущи любви не будут вырублены острым топором мимолетных эмоций гнева, раздражения, неприязни. Любовь – это чувство, чувство счастья. Оно, конечно, может погибнуть в схватке с атакующими ее отрицательными эмоциями, но любовь можно и защитить, как защищают мать, отца, – защитить, не сдаваясь в плен собственному аду. Рай ведь нам тоже дан, рай положительных эмоций – доброжелательности, юмора, доброты и многого другого, из чего складываются в нас силы защиты собственной и чужой любви.

Одним из видов таких мощных орудий, необходимых любящим для победы любви является **понимание**, потребность в котором тоже есть одна из ведущих потребностей человека, вступающего в общение с любимым существом.

Общаясь друг с другом, любящие обмениваются не только эмоциями, они делятся друг с другом своими мыслями, взглядами на жизнь, планами на будущее, своими представлениями о себе самих и об окружающих людях, своими самими сокровенными мечтами, делятся каждодневным и вечным. Во всем своем духовном богатстве любящие сознательно раскрывают себя, не прячут свой внутренний мир перед любимыми и ожидают понимания своего самовыражения, жаждут признания своего духовного "Я".

Потребность признания и самовыражения – одна из ведущих социальных потребностей человека, она – стержень формирования личности. От кого я жду признания, от какой социальной группы – от этого зависит строй моих мыслей, мое мировоззрение, мое поведение, моя социальная значимость. Психологи давно установили, что у каждого человека есть своя референтная группа, реальная или воображаемая, общественные установки которой определяют характер социальной деятельности человека. Референтной группой могут стать соседи по квартире, родственники, отец, мать, теща и тесть. Референтная группа может быть и глобальной по масштабам – все человечество прошлого и будущего. Ну, а любящий – обязательно отведет любимому роль референтной группы. Именно поэтому любовь можно возвести в ранг высшего выражения потребности человека в признании и самовыражении. Как отмечает психолог В.Леви, инстинкт социального одобрения – главный инстинкт человека: "В этом сходятся артист и ребенок, обыватель и гений, только разными путями и на разных уровнях. Апогей этой потребности есть поиск любви".

На уровне удовлетворения потребностей в признании и самовыражении у любящих возникает стремление быть понятыми любимыми. Мнение другого – любящего – становится в периоды взлета любви высшим критерием самооценки. "Ты меня понимаешь!" – ликует счастливый человек. "Лишь бы ты меня понимал!" – молит любящий, оказавшись в ситуации непризнания, непонимания себя окружающими. "Я-то себя понимаю, я знаю истинные мотивы своих поступков, и ты, меня любящий человек, также должен меня понимать, если действительно меня любишь" – так рассуждает тысяча из тысячи любящих людей. "Верь мне! Поверь в меня!".

И потому испытывает любовь удар в спину, если в трудную минуту любимый человек не сумел понять, поверить. Другим отступничество может проститься, любимым – нет. Любовь требует абсолютного понимания, безоголосного и постоянного.

Много лет назад на экранах шел веселый фильм "Смех в раю". В том фильме был такой эпизод. Немолодая уже, трудолюбивая секретарша пожилого писателя неожиданно врывается в зал заседаний суда, куда ее никто не приглашал, но где на скамье подсудимых оказался ее писатель, со словами: "Я не знаю в чем его обвиняют, но он не виноват!". Требовать от непрошеной защитницы доводов, относящихся к делу, было бессмысленно, судьи поняли, что в

женщине сработала женская логика. И в самом деле, то была железная логика любви, логика человека, который знал – совершить преступление любимым не мог.

Литература не раз описывала начало любви именно с понимания одного человека другим, с признания его в минуты самовыражения.

Она меня за муки полюбила,
А я ее за состраданье к ним.

Так начиналась любовь Отелло к Дездемоне. Не роскошные ресницы прекрасных глаз, не белокурые локоны, не томность взора – нет, не красота Дездемоны, не внешняя женская красота с самого начала пленила воина-Мавра, а понимание, сострадание, живой отклик женской души на прожитую Мавром жизнь, героическую и страдальческую. Признание Дездемоной духовной красоты Мавра – вот что покорило Отелло.

Не только согласия с внешним миром, опору в ситуациях непонимания себя другими людьми ищет и находит любящий через любовь. Дорогой любви человек идет к приятию себя самого, к пониманию себя через открытие себя другому.

"Кто я? Каким ты меня видишь?" – этот вопрос часто задают любящие друг другу, вслух или молча, и внемяют ответу с дрожью и благодарностью.

И, в порой крошечной тьме незнания самого себя, любовь дарует человеку волшебное зеркальце, в коем можно увидеть свое "Я" отраженным во взглядах любимого существа.

И как много хорошего видят глаза другого, когда они любят! Так много, что порой возникает сомнение: "Да полноте, зрячие ли они, ослепленные любовью? Ослеп или прозрел тот, кто полюбил?"

Я был груб –
ты слышала нежность,
Я был глух –
ты слышала верность,
Я был злым –
ты слышала робость,
Я был слаб –
ты слышала рокот!..
Я сам, как деталь, что послушна
резцу.
Я слышу, как сам из себя я расту!
В.Цыбин/

Любовь дарует любящим зрение, способное увидеть незримое очами. Любящий глядит на любимого сквозь призму своей любви, она – увеличительное стекло, высвечивающее все достоинства человека, все лучшее, чем он наделен. Образ человека, взлелеянный в душе чувством любви, прекрасен. "Тот человек, кого ты любишь во мне, конечно, лучше меня: я не такой. Но ты люби, и я постараюсь быть лучше себя," – писал М.М.Пришвин. И в этом сила любви, а не слабость ее. Она поднимает человека в собственных глазах, тащит его из ямы сомнений в своих способностях, дарит ему могущество богатырское, веру в себя?., надежду на себя, любовь к себе самому. "Истинная любовь очищает, возвышает всякого человека, совершенно образует его", – утверждал Н.Г.Чернышевский.

Аскезой любви назвал Евгений Богат эту творческую способность любви видеть то прекрасное, что скрыто от самого человека, растить в человеке человеческое.

У Маргариты Алигер есть стихотворение, повествующее о таком высоком видении любящими любимого. Поэтесса так и назвала это стихотворение "Высота":

Говорила мне жена о муже,

не могла сдержать сиянья глаз.
 Был он мне знаком, и был он хуже,
 много хуже, чем ее рассказ.
 Я его видала в разных видах,
 в передрыгах, в радости, в беде,
 плакался он о своих обидах,
 обижая зря других людей.
 Он бывал порою подхалимом,
 был к друзьям безжалостен подчас.
 И труслив подчас.

Но это все для нас.

А для женщины он был любимым,
 И меня увлек ее рассказ.
 Это был рассказ о человеке сильном,
 добром, смелом и большом.
 Я, наверно б, никогда вовеки
 не узнала этого о нем,
 если б не любовь ее живая,
 в слепоте и в зоркости своей.
 Я сидела, не перебивая,
 не дыша, почти поверив ей,
 не желая, да и не умея
 рассказать ей, чем была полна.
 Торопливо я простилась с нею.
 Вот и все. Будь счастлива, жена!
 Если ей положена награда,
 мне б хотелось – это не слова –
 я была бы всей душою рада,
 чтоб не я – она была права.
 Встань за правоту ее в ответе
 ты, который был и тем, и этим,
 пожелай, достигни высоты,
 на которой открывался ты
 хоть одной живой душе на свете.

Еще раз обратимся к В.Леви. Психолог рассказывает об интересной способности людей меняться в соответствии с ролевым ожиданием других: "То, чего ожидают от человека, - пишет Леви, – он начинает произвольно ожидать от себя сам. Именно поэтому мы стремимся общаться с людьми, которые нас одобряют и высоко ставят. Человек достаточно впечатлительный и внушаемый, на которого смотрят как на негодяя, может действительно ощущать себя негодяем и так поступать... Из роли выйти трудно. Это знают не только артисты. Ожидание людей как бы становится нами самими". И тогда получается, что ты во мне увидишь, такой я буду. И в волшебном зеркальце в твоих руках я тот, каким я существую для тебя и каким я становлюсь, если люблю тебя.

Гармоничная любовь, по определению публициста Евгения Богата, – это душевное творчество, духовное материнство. Двое делают себя подстать друг другу, стыкуют два миропонимания в одно, два духовных строя приспособливают один к другому.

Отдать свою душу – вот чего хотят и ждут двое любящих, перелить одну душу в другую и стать одним существом, единым "Мы". Поскольку оба они – две половинки.

Это трудный процесс, и пожалуй, самая сложная сторона любви, и ... самая опасная.

"Любовь носит такие очки, сквозь которые медь кажется золотом, бедность – богатством, а капли огня – жемчужинами," – предупреждал Сервантес.

И существует на свете такое явление, как слабохарактерность. Человеку, особенно когда он еще очень юн и сам себя почти не знает, когда все в нем кажется перемешанным и перепутанным, вовсе не так уж безразлично – кто предложит ему волшебное зеркало с его собственным отражением – Василиса Прекрасная, мудрость и незаурядность которой до поры до времени скрыта от нее самой, или Эллочка Людоедка, для которой соорудить модное гнездовище – первая и последняя мечта ее жизни?

Сильная личность в конце концов, конечно, пробьется, не без потерь, разбив оказавшееся кривым зеркало. Ну, а слабая?

Писатели не раз описывали процесс изменения человека, происходивший под воздействием того, кто избран любовью в соавторы творения собственной личности. Фейхтвангер прослеживает, как любовь Гойи к Каэтане делает из Гойи великого художника. У Достоевского любовь поднимает Дмитрия Карамазова до высот самоотверженного, всеохватывающего чувства.

А вот чеховский Андрей, брат трех сестер, мечтавший о судьбе ученого, реализуется вследствие своей любви к Наташе только в качестве подкаблучника.

Женские характеры меньше исследованы писателями в их изменениях под влиянием личности любимого мужчины, кроме чеховской душечки. Но влияние мужчины на женщину, влияние его установок, его шкалы ценностей, его ролевого ожидания, его понимания другого формирует в реальной жизни миллион самых различных женщин: терпеливых, неуверенных в себе; формирует статных хозяек дома, тружениц и помощниц в мужниных делах; счастливых и уравновешенных матерей семейств; нервных, злых и агрессивных; легкомысленных, которым все трин-трава; мужененавистниц. В общем, это совсем не все равно, кого человек выбирает в свои любимые, от кого ждет признания и кому предоставляет право самовыражаться и переделывать себя.

Но не так уж самовластно орудует любовь в душах людей, не так безрассудно и неразборчиво ломает и созидает человека в угоду его любимым. Чем значительнее личность, чем более она сложилась, тем сознательнее глядит человек в те зеркала, что предлагают ему на выбор. И первое, что он хочет увидеть в отражении, это себя, а не карикатуру на себя, и не себя в ангелоподобном облике. Он хочет быть понятым действительно таким, каков он есть. Именно себя, пусть в улучшенном и исправленном виде, но себя, а не Иисуса Христа и не Дьявола во плоти ищет любящий в волшебном зеркале.

Мужчине, увлеченному наукой, наверное, трудно будет с любимой, которая зрит в нем только доброго красавца и не хочет принять его одержимость делом, пусть даже ученый на самом деле красавец из красавцев и охвачен страстью Фауста к Гретхен. Не так Гретхен понимала Фауста. Ее зеркало отражало Генриха, а не Фауста. И наступил однажды день, когда Гретхен спросила:

Скажи ты мне прямой:

Как дело обстоит с религией твоей?

Вопрос Маргариты Фаусту оказался предвестником грозящей катастрофы непонимания. Слова Гретхен – символ различия жизненных позиций.

Что оставалось Фаусту, хорошо представляющему себе религиозность Гретхен, ответить на вопрос, из разъединяющий? Солгать? Но тогда Фауст перестал бы быть Фаустом, поскольку поиск истины во всем и вся – суть его существа. Сказать правду? Он и попытался, уклончиво, не в лоб, но сделал попытку разделить с Маргаритой свой взгляд на мир. А она? Она в ответ стала читать Фаусту проповедь, наставляя своего Генриха на пусть истинный, ибо чутко уловила за полунамеками любимого страшивший ее дух Мефистофеля. И Гретхен воспротивилась. Оба – и Фауст, и Гретхен – цельные личности. Он – весь устремленный в познание мира, она – всегда верная себе самой, непосредственная, искренняя, неспособная к фальши. И тоже сильная верностью себе самой. И в этом главном для обоих вопросе – "Как обстоит с религией твоей?" – ни Фауст, ни Маргарита не могли принять друг друга, изменить себе, не могли переделать один другого.

Вся женская одаренность, чуткость, самоотверженность Гретхен не были в состоянии заставить Фауста отказаться от своего мировоззрения, равно как и покоряющие Маргариту ум, красота и сила Фауста не оказались достаточными, чтобы заставить ее продать душу дьяволу.

Зеркальце, не сумевшее скрыть изъяны любимого, разбивается, и уничтожается гармония любви двух любящих существ. Меняться человек может в ответ на ролевое ожидание другого только в тех направлениях и рамках, которые свойственны ему самому. Прорасти могут только зерна, которые заложены в человеке.

В связи с этим стоит подумать, действительно ли неудачником, так и не ставшим ученым, сделала чеховского Андрея из "Трех сестер" его жена Наташа? Она его сотворила? Нет, оба вместе – и Андрей, и Наташа.

Сперва Андрей просто уступал жене, дабы избежать ссор, хотя остро чувствовал ее неправоту и довольствовался иллюзией понимания. А потом Андрей махнул рукой и поплыл по течению, предоставив женщине, которую он мечтал ввести в сокровищницу своих грез, беспардонной хозяйкой воцариться в его жизни. Все это происходило потому, что было ему, пусть неосознанно, но все-таки нужно и самому. Дело в том, что на фоне Наташиной примитивности, что выпирала и денно, и ночью, Андрей мог без всякого труда ощущать себя личностью мыслящей, тонкой и незаурядной, даже выдающейся, которую незаслуженно губят. Андрей тоже самоутверждался через любовь к жене, и его привязанность была не самоуничтожением, как казалось сестрам, а приобретением тайного права быть именно таким, каким он действительно только и был – несостоявшимся ни в науке, ни в жизни человеком. Андрей приобрел в Наташе удобную ширму, за которой он мог прятать от сестер, а главное – от самого себя, собственную никчемность.

Не каждого Андрея превратит такая Наташа в такого Андрея. Не будем забывать – через волшебное зеркальце любовь может увидеть то прекрасное, что любимому еще неизвестно, узреть талант в разуверившемся, силу в ослабевшем и помочь человеку подняться. Любовь способна стать повивальной бабкой поэта. "Последствия любви всегда одни и те же – новый человек! – писал Горький. – Я говорю не о ребенке, а о людях, которые любят, ведь это чувство обновляет душу, делает людей иными, лучше, красивее."

Удовлетворенность потребности признания и самовыражения – источник удивительной жизнестойкости людей, согретых взаимной любовью. Встретившие на своем жизненном пути признание и понимание себя другим человеком, такие люди способны сами дарить понимание другим, принимать людей такими, какие они есть – с их достоинствами и недостатками. Любимые и любящие, они способны любить людей. И потому любовь так жизненно необходима человеку.

На уровне удовлетворения потребностей признания и самовыражения дружба сродни любви. "Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу тебе, кто ты" – незряшая поговорка. В ней речь тоже о преобразующем зеркале в руках у дружбы. Но отметим, что накал общения ради признания и самовыражения при дружбе не столь высок как в отношениях любви, ожидания понимания не окрашены страстностью, стыковка характеров происходит постепенно, почти незаметно, без катаклизмов, а непохожесть и непонимание легко прощаются, если они не глобальны.

"Дружба довольствуется возможным, не требуя должного" – заметил однажды Аристотель. И в этом сильнейшая сторона дружбы по сравнению с любовью. Перефразируя Аристотеля, можно сказать и так: "Любовь не довольствуется возможным, она требует должного". А должное каждый любящий строит на том идеале, который чудится ему в любимой, на том, что он от нее ожидает. Но никогда воображаемый идеал возлюбленной или возлюбленного не может полностью, во всех деталях, в каждой черточке характера, в каждом движении души другого человека совпасть с тем, что пригрезилось влюбленным. И тогда неотвратимо наступает разочарование. Дело любящих принять или не принять друг друга в действительных обликах, или обиженно отвернуться, бросив вдогонку: "Ты меня обманул!" Но это уже тема другой главы, когда мы поговорим о кризисах любви и путях их преодоления.

Можно сделать важный вывод о различиях любви и дружбы: "Глаза дружбы редко ошибаются" – отметил Вольтер. И это правда. А вот "глаза любви часто ошибаются" – и эту

горькую истину познали многие любящие особенно в начале своей любви. Ведь глаза любви – особые глаза. Они видят и то, чего на самом деле нет, или, по крайней мере, еще нет -они видят идеал человека. Плохо ли это? Плохо, если глаза влюбленного ослеплены любовью и выдают желаемое за действительное. Дружба такую ошибку не делает. Но зато, когда любовь придает глазам влюбленного особую зоркость и с высоты Любви любящий видит будущее своей возлюбленной, зрит то идеально прекрасное, что в ней таится, но еще не обнаружено никем, даже ею самой, тогда глаза любящих наделены такой творческой силой, которой дружба не обладает. Сила любви богаче и многосторонней силы дружбы в творческом преобразовании человека именно потому, что дружба довольствуется возможным, а любовь требует должного.

В способности критически отнестись к любимому любовь всегда будет ходить в ученицах у дружбы. Любви трудно восставать против недостатков любимого, ибо бунт любви оборачивается для любящего бунтаря борьбой с самим собой. Любящие едины, и то, что натворил один, болью живет в другом. Зачастую человеку даже легче осудить собственные недостатки или промахи, чем сделать то же по отношению к любимому. Такова любовь. А дружбе такое недоступно.

Поддержку людьми друг друга в отношениях дружбы подчеркивал Гете: "Истинная активная дружба состоит во взаимном поддержании. Мой друг одобряет мои намерения, а я одобряю его, и мы вместе идем вперед, хотя бы наши мысли были различны." И в любви любящие поддерживают друг друга пониманием одного другим. Но если дружба допускает "различие мыслей", то любовь то и дело посягает на "одинаковость мыслей", на полное совпадение точек зрения на самые разные проявления жизни. И в этом снова обнаруживается хрупкость любви по сравнению с дружбой. Дружба устоит при разнице жизненных позиций, если они не глобальны. Вполне могут дружить между собой горячей дружбой люди, которые по-разному относятся, например, к любви – один любвеобильный ветреник, поклонник разнообразной женской красоты, а другой – однолюб, очарованный красотой только одной единственной женщины на свете. Дружбе такая разница позиций не помеха. А любви? Соедините узами любви ветреницу и однолюба, сердцеда и скромницу – и сразу услышите громы и молнии, увидите те ливни слез, которые неизбежно обрушатся на влюбленных, поражая их любовь, или даже их самих. А тогда о какой поддержке друг друга может идти речь? Не поддержкой, а напротив сплошным "потоплением" друг друга оказывается тогда любовь для двух влюбившихся.

А дружбе такие различия не противопоказаны. Она все равно выполняет свою роль душевной палочки-выручалочки.

Нельзя сказать, что дружба так уж совсем не переделывает людей. Есть и у нее такая способность. И не случайно предостерегает Шекспир: "Глупость и мудрость с такой же легкостью схватываются, как и заразные болезни. Поэтому выбирай себе товарищей". Но в еще большей, удесятеренной степени обладает этой возможностью любовь.

А в легкой сексуальной связи все по-другому. Ее участники не ищут друг у друга ни признания, ни самовыражения. И если нет понимания, то в принципе это вовсе не плохо. Так меньше ответственности, а главное – в душу никто не лезет, да и чужая душа останется потемками.

У легкой связи существует даже ходячая формула: "Уметь отделять душу от тела". И тот, кто переступает очерченную грань и вдруг начинает притязать на понимание и бережное отношение к своему внутреннему миру, – нарушает правила игры и из нее исключается.

Сегодня немало мужчин и женщин нацелены на отношения легкой связи, и общаются друг с другом сознательно не обмениваясь душами. Каждый сам по себе, на определенном расстоянии друг от друга – так и живут, порою целую жизнь, душу свою свято храня только для самого себя.

Отчего так?

Причины различны. Кто-то пережил драму негармоничной любви и отныне зарекся на всю оставшуюся жизнь – никакого больше доверия мужчине или женщине, ибо Он и Она столь различные и противоположные галактики, что понимания быть не может и не должно. И хотя притяжение тел существует, души заряжены только силами отталкивания – так оно и есть и так оно будет. Таков вывод, на котором держится теперь человек, не ведая, что закрывает себе путь к

любви.

Сколь часто мужчины или женщины говорят друг о друге одни и те же горькие слова: "Да разве они поймут?" Слова слышат дети от матерей, глотающих слезы обиды, слышат от отцов, громко в гневе хлопающих дверьми в разгар очередной ссоры, выпитывают, как говорится, с молоком матери, в родном доме. И если вырос ребенок в семье, в которой нет любви, нет признания родителями друг друга, то не надо удивляться, если установку на исходное непонимание мужчинами женщин и женщинами мужчин юноша и девушка несут в свои взрослые отношения, мечтая о любви, но нацеливая себя, по существу только на легкую (или нелегкую?) связь, поскольку души свои отдавать они и боятся, и не хотят.

Установка на легкую, только сексуальную связь досталась людям как идеал также и от прошлых столетий. И хотя XVIII -XIX века, например, знают вершины любви – духовное понимание женами декабристов своих ссыльных мужей, удивительную способность мадам де Варане дать возможность самовыражения гению юного Руссо, глубокое понимание Бальзаком любимой им женщины – мадам де Берни, – все же в массе своей рядовые мужчины чаще всего не понимали женщин, а рядовые женщины не понимали мужчин. И оба – и мужчина, и женщина – боялись отдавать свои души.

Да и на самом деле, светскую "львицу" попробуй, пусти в свою душу – она там такого натворит, что и костей не соберешь. Светскую красавицу предстояло покорить и обязательно бросить первым, пока не охладает она. Не признания своих действительных душевных качеств исхали светские баловни в любовных объятиях светских кокеток. В светском обществе легионы Растиньяков и де Марсе и легионы женщин высшего света устраивали охоту друг за другом, становясь добычей опытных хищников – в мужском и женском обличий. И не было для Растиньяков и де Марсе ничего страшнее, чем быть покоренным женщиной. От плена любви светские львы бежали как от чумы. Женщин такие Казаковы не уважали, но их и боялись, никому в том не признаваясь.

При таких установках не могла возникнуть забота о душевном состоянии друг друга, не могло появиться желания выразить себя во всей нежности и беззащитности, если такие чувства не были убиты ни в мужчине, ни в женщине.

Не любил женщин и хозяин лавки. У пухленькой жenuшки тогдашнего мелкого "бизнесмена" лишь шляпки на уме, да одна забота – выманить у скаредного мужа деньги на ленты да кружева и всяческие безделушки, а может быть перекинуться тайным взглядом с молодым приказчиком. Если женщина воцарялась в душе делового мужчины – разорить могла, по миру пустить. Боялся мужчина женщин, хотя и не уважал.

А крестьянскую бабу муж бил нещадно – за волосы таскал, за битье то не считая, головой об стенку колотил по случаю паскудного настроения, по поводу водки, а то и просто так, скуки ради, для души и, чтобы знала баба свое место. Лупили глупую бабу, во всем и всегда виноватую. На ней вымещал крестьянин злобу и ненависть к тяжелой доле забитого, замордованного существования, ее, – жену – за человека при том не считая.

За счет женщины, за счет всего женского рода, низведенного на самую низкую общественную ступень, самоутверждались в прошлые века многие мужчины. Хотя и тогда была уже на свете любовь, она оказывалась все же редким исключением. Женщина – друг, женщина – помощник, женщина, понимающая душу мужчины, выпадала на долю немногих, избранных судьбой. А большинство мужчин встречало на своем пути непонимание, ограниченность женских интересов, кокетство и вдобавок еще непонятную неустойчивость женских эмоций и настроений. Мужчины считали женщину от природы глупее себя и от нее, дурочки, ждали одного – быть способной вызывать и поддерживать сексуальные эмоции мужчины. Глупой женщине предписывалось признавать в мужчине его достоинства, преклоняться перед ним, как перед богом, и в ответ на преклонение выслушивать от властелина признание в своей женской привлекательности. А в целом от женщины требовалось оставлять мужчину в покое и в душу его не заглядывать. Мужчины-поэты воспевали женские плечи, женскую грудь, женский тонкий стан, но пугались, когда женщина открывала рот – красная мышь могла выскочить изо рта красавицы.

Приняв разрыв между прекрасным женским телом и не очень прекрасной женской душой за

незыблемую закономерность женской сущности, многие мужчины XVIII – XIX веков закрывали себе доступ к гармоничной любви.

Пережив жестокий кризис любви из-за разрыва между душой и телом своей любимой, великий Гейне жаловался в стихах:

Ах, тело я еще хочу,
В нем свежесть розы не увяла.
А душу? В гроб ее снесу, –
Души у самого навалом.
/перевод В.Шелике/

Из патриархата, из мужского мира, в котором господствовало неравенство женщины мужчине, достались в наследство и нашему времени идеалы сексуальной связи, обходящие обмен душами за тридевять земель и строящиеся на союзе двух тел. Из прошлого пришло и трагическое ощущение мужчины быть обреченным любить неравных себе.

Но и женщины тоже не были готовы дарить свою душу и редко стремились постичь духовный мир своих мужей или любовников. Женщины в те времена не были в любви страдающей, обиженной стороной, какой они зачастую воспринимают себя. В мире господства и подчинения, в отношениях, разъединяющих мужчину и женщину на северный и южный полюсы, многие женщины мстили за угнетенность, вырабатывая в себе такие качества, какими больнее, как можно больнее можно было ранить душу мужчины. Привязать к себе слабостью, приковать болезнями, обрезать крылья вкусными обедами, сражаться детьми, хитрить и притворяться, научиться управлять мужчиной без его ведома, суметь сделать свое желания его собственными, но – незаметно для своего повелителя. Вкрасться в душу мужчины нежным котенком и царапаться там как взбесившаяся рысь – всему этому научились многие женщины, и, в общем-то, наследуют это искусство и по сей день.

Прочтите "Пятнадцать радостей брака" – сочинения французских авторов XIV – XV веков, изданные издательством "Наука" в 1991 году и вы многое узнаете из того, что и сегодня мучает сознание мужчины, размышляющего о женской душе. Не каждого мучает, но многих.

Но что в этом хорошего? По существу, и у женщин, готовых овладеть душою мужчины без взаимного обмена на собственную, у женщин, мечтающих господствовать в любви при помощи тяги к ее телу, установка тоже ориентирована только на отношения сексуальной связи – легкой для себя и нелегкой для мужчины. Такие установки иная женщина тайно тащит и в брак, а потому горько рыдает, когда мужчина противится навязываемому плену.

Женщины тоже часто боятся отдавать свою душу мужчине.

У Аннеты из романа Ромена Роллана "Очарованная душа" даже есть на эту тему своя песенка:

Я дарю тебе свое сердце –
Я дарю тебе свою жизнь.
Но душу свою я тебе не дарю,
ибо сокровище это не принадлежит мне.

Из-за боязни открывать свою душу в отношениях легкой связи, а также в браке без любви не возникает глубокое понимание друг друга, хотя трезвость взгляда позволяет узреть реально существующие черты характера. И нет того волшебного понимания, которое возвышает человека, дарует ему счастье признания, делает его значительным в глазах любимой, заставляет становиться лучше, добрее, человечнее.

В легкой связи важно, чтобы было притяжение тел, а влечения душ не требуется.

Формула пятая: "Я – это ты, ты – это я"

Так мы подошли к самой загадочной области человеческого общения – к потребности человека в сексуальном контакте, в таинстве сексуальных радостей любви.

В обыденном сознании наличие сексуальных чувств и эмоций зачастую принимается за единственный критерий любви. Вызывает женщина или мужчина любовное желание, значит – любовь, не вызывает, значит – не любовь. Так рассуждают тысячи из тысяч. И если вторая половина утверждения верна, нет любви, если и поцеловать человека не хочется, то первая далека от истины. Сексуальная жизнь не однозначна, она – целый мир внутри человека, со своими ямами и вершинами. И не каждое желание есть любовь, да и желать можно, не любя.

В течение многих веков христианская мораль западного мира обходила сексуальную потребность человека суровым молчанием, безоговорочно объявив ее грехом, проклятым богом, постыдным животным инстинктом. Отчуждать дух от тела, поднять душу до высот небесных, низвергнув тело в грязь и мрак – вот что требовалось от человека. Но и тогда не удалось превратить человечество в сплошное облако в штанах, и люди, разорвав единство души и тела, все же предавались "греху" и не вымерли. В книге "Вкус запретного плода" [изд. "Молодая Гвардия", 1991 г.] Игорь Кон обращает внимание на разрыв между официальной и бытовой культурами в средневековой Европе, где первая презирала секс, а вторая разрешала людям наслаждаться почти всеми радостями секса на карнавалах, деревенских посиделках, в куртуазных песнях трубадуров. Так что разрыв между душой и телом и в те века не был абсолютным, а реальная жизнь не такой уж аскетически целомудренной. И это утешает, Тем не менее души людские та мораль поисковеркала вдосталь, души, что жили в теле и стыдились греховной оболочки. И стыдятся порой и сегодня.

И не все, пока еще не все, скользят по строкам о сексуальной жизни человека с открытой душой, с любовью к тайнам человеческого тела, которыми одарила людей природа, одарила на радость, на счастье, для жизни.

Двое, что любят друг друга гармоничной любовью, знают, как счастливо бывает им друг в друге, несказанно, неповторимо. Но говорить об этом вслух? Какая профанация, бестактность, сколь разрушителен словесный анализ – так ощущают тысячи из тысяч.

И я снова готова положить ручку на место, я опять боюсь вторгнуться, разбить. Может быть, поэзия поведает о чуде, а анализ ума – прочь, ибо плод, что ты хочешь познать, запрещен.

Но и поэты редко касались скрытых от людских глаз подводных течений в море любви. Смел касаться скрытых струн любви великий поэт, многоцветный певец любви – Лорка. Однажды открылся и Пушкин:

Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, вясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!

О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда склоняясь на долгие моления,
Ты предаешься мне, нежна без упоенья,
Стыдливо – холодна, восторгу моему
Едва ответствуешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом все боле, боле –
И делишь, наконец, мой пламень поневоле!

Но если даже поэты предпочитают молчать, то как же посметь открыть рот и начать писать эту страницу любви?

Так стереотип прошлого против моей воли накладывает лапу запрета и на меня, сегодняшнюю.

Не хочу!

Все-таки надо писать. К тому же я не первая. Есть медики, есть ученые, есть молодая отрасль науки – сексология, достижения которой необходимы многим людям, чтобы быть счастливыми в любовных объятиях. И, люди уже читают такие книги. И были и есть писатели. Даже в средние века храбрый Бокаччио бросил в лицо монахам целую пригоршню озорных рассказов о сладостях человеческого тела. А сегодня кинематографисты уже радуют и сердят зрителей на экране эротическими радостями любви. Мы учимся земной основе любви. Но повторять то, что есть в специальной литературе по сексологии – не моя задача. Мне – по логике предшествующих страниц – надо выявить формулу любви, отражающую удовлетворение потребностей жизни при сексуальном контакте, и определить, чем разнятся сексуальные радости в отношениях любви, легкой связи, браке без любви.

Давным-давно, в далекой древней Индии, неведомый автор "Ветви персика" попытался понять, что такое любовь. "У человека три источника влечений: душа, разум, тело – так начал древний свои рассуждения. – Влечение души порождает дружбу, влечение ума порождает уважение, влечение тела порождает желание. Соединение трех влечений порождает любовь". К такому пришел он выводу. Простая мудрость древнего индуса удивляет и сегодня. Он в те далекие времена уже ведал о различиях сексуальных переживаний людей, находящихся в состоянии любви, и людей, идущих на связь без любви: "Сношение ради удовлетворения желаний отличается от любовного наслаждения как завтрак бедняка от княжеской трапезы" – писал индус. Неизвестный автор дал тогда и определение любовной близости: "Соединение – вершина любви и ее цель, объединяющая наслаждение души, разума, тела". Не отделил мудрец тело от души и разума, а объединил их в одно, слитое, сплавленное вершиной любви чувство. И был бесконечно прав.

И не случайно свою первую книгу о любви Ю.Рюриков так и назвал "Три влечения", подарив поколению, для многих из которого плод был и запрещен и охраняем партийными организациями, достаточно смелые тогда рассуждения о любви, человеческой и свободной от партконтроля.

Искусство любви древних индусов оказалось за семью печатями у средневековой Европы.

И только в XX веке многие европейцы честно признались себе: кое-что мы не умеем, не все бывают столь счастливы в любовных объятиях, как представляется людям в их грезах.

Образованное поколение современных мужчин ринулось в книги и трактаты о сексуальных проблемах и спешит не отстать от сексуальной революции. Ранее скованные, теперь вслух обсуждают тайное, делятся прочитанным, рассуждают о сексе. Я не против. Пусть учатся. По женским телам бродяг теперь опытные руки, в заданной последовательности касаясь и губ, и плеч, и стана, честно заботясь о том, чтобы женщина достигла вершин наслаждения. Но как холодны все же бывают порой объятия, как черствы ладони и как пусты слова. Ибо начитанные часто находятся только на станции "Желание", от которой никак не сдвинуться в сторону "Любви".

И иной честный с самим собой мужчина, наконец полюбив, горестно признается: "Оказывается, любимую ласкать труднее, чем нелюбимую". Труднее! Его полюбившая душа ловит настроения любимой, чувствует малейшее движение ее женской души, и неожиданно иного мужчину это не вдохновляет, а отвлекает, перебивая поток его собственной чувственности, которую он прежде привык черпать из самого себя, и не вдвоем с любимой. Полюбивший горестно двоится в объятиях любимой.

Душевный источник сексуальных чувств, в коем бьются ключом, переливаясь, настроения, трепещут эмоции, живет сама душа любящего, из которого только пить бы да пить, этот кладезь разнообразия и постоянного обновления сексуальной жизни, в коем и ум, и чувства, и настроения – все перемешано, не открыт еще многим мужчинам и многим женщинам. Княжеская трапеза все еще заменяется завтраком бедняка, хотя блюда стали и разнообразнее, и богаче.

И многие женщины, столь жаждущие любви, преподносят своим возлюбленным тысячу и

одну загадку о том, как разбудить их замороженные тела. И сами бы женщины рады загореться, но вековая вереница запретов встает между ними и любящими, и гонит женскую чувственность на верхние этажи психики, в голову, в сознание. При таком разрыве, сексуальные эмоции нередко прорываются наружу в заколдованном облике – то потоками слез, то лавиной русалочьего смеха, за которыми прячется монастырский холод женской фригидности.

О распространенности среди людей разрыва между верхними этажами психики и их эротическими переживаниями приходится говорить потому, что как ни печально, но немало еще людей не способно выразить свою любовь в сексуальном объятии. Тело у них бастует, оставаясь в плену страхов и запретов.

А между тем, природа подарила человеку необыкновенную, великолепную, животворную Чашу, пригубить и испить из которой – радость и счастье, воплощение грез и мечтаний.

Двое, что любят гармонично и жаждут слияния своей эмоциональной и духовной жизни, защиты и понимания, только здесь, на уровне удовлетворения потребностей в сексуальном контакте оказываются в состоянии воплотить желаемое, достичь омовения, постигнуть воскрешение и обновление, перелива одного в другого, полного растворения, слияния с другим. "Я – это ты, а Ты – это я", "Нет между нами никаких границ, мы полностью перелились друг в друга" – таково ощущение и воплощение полного счастья любви, которое дарует Эрос в минуты высшего блаженства, если стал он союзником любви.

На всех остальных уровнях потребностей у каждого любящего всегда остается заповедная зона, свои, порой для себя самого не открытые, тайники души, свои противоречия эмоций и неполнота понимания себя и другого. И только растворившись друг в друге как две тающие снегурочки, до полного исчезновения одного в другом, любимые достигают столь лелеемого ощущения безграничного доверия, абсолютного понимания, подлинной защиты. И наслаждения. "Ты – это я, я – это ты".

Но это искусство – выразить телом свою любовь и ощутить любовь другого, искусство, что может и не сразу прийти к любящим.

Искусство любви потребует творчества души и тела и, надо сказать, потребует и определенного навыка. Искусство любви трудно, но постижимо. Не моя задача учить навыкам сексуальной гармонии, об этом много пишут в брошюрах и книгах. И читать их надо. Врачи и психологи многое изучили из того, что веками было покрыто мраком запретности. Нас же интересует различие эротических чувств при наличии или отсутствии любви.

Когда двое соединены гармоничной любовью, их наслаждение друг другом становится средством выразить свои душевные состояния, выразить свою любовь. Именно это знал Бальзак, когда подчеркивал, что в любви близость – средство, а в страсти – цель. Поэтому в любви близость объединяет любящих, питает бесконечное чувство двоих, развивает его, а в страсти сексуальная близость – разъединяет, поскольку цель оказывается достигнутой и страсть удовлетворенной.

В любви верхние этажи психики питают, поддерживают эротическое чувство, укрепляя его длительность наперекор непостоянству человеческих влечений. А в страсти верхние этажи психики включаются лишь в качестве воздушных замков иллюзий, временно возведенных над желанием и которые рушатся, как только желание удовлетворено. Отсюда страсть – стихия непостоянства, ее подъемы и спады зависят зачастую только от ритма полового желания. Шаткое, сладостное, мучительное основание у страсти – это открыли многие.

Мечта о чуде слияния, о негасимой любви и страсти заложена, наверное, в каждом человеке. Но многие, изведав первые разочарования, узнав горечь страдания, вкусив от незрелых плодов любви, отказываются от попытки поймать неведомую жар-птицу и волшебная животворная Чаша перекачивается из реальности в мир искусства, фантазии и грез. Это грустно. Награда любви, этой баловницы судьбы, достается не каждому смертному.

Строптивая любовь, и она мстит, если чашей ее пренебрегают, если пьют из других сосудов, не волшебных. Мстит депрессиями, душевной опустошенностью, слезами и агрессивностью. Наказывает выселением из рая душевного равновесия, наделяя отступника чувством безграничного одиночества.

Колдунье-любви надо, чтобы любящие не пренебрегали ни одним из ее даров, ни одной из потребностей личностного общения человека. Все вплести в один узел, все влить в золотой слиток любви, суметь сотворить гармонию, где "Я – это ты, а ты – это я!" – вот что ждет любовь от двоих. И тогда в минуты высшего счастья она торжествует, тогда награждает и берет влюбленных под свое столь лелеемое волшебное крыло.

Навечно? Не знаю. Ю.Рюриков, например, полагает, что у каждой любви свои сроки. Наверно, как кому отмерится, на что кого хватит, или не хватит. От многого зависят сроки любви. Гарантий на вечное блаженство Независимая не выдаст никому, как ни умоляй. Потрудишься, и можно откопать крупинцы золотого песка счастья, а то обрести и целый самородок. А можно найти и потерять, сразу потерять, и уплывет неведомо куда золотая рыбка желаний, и даже не спросит – "Чего тебе, надобно, старче?" Уйдет в пучину моря, даже если ты бульдожьей хваткой схватишь за жабры свое счастье – выскользнет из рук, уж будь уверен.

На то она и любовь, чтобы загадывать нам загадки, умирать и воскресать, когда вздумается ей, а не нам. Она свобододлюбива, та, которую мы пытаемся удержать.

Сексуальная жизнь человека не терпит насилий. "Где нет свободы, там нет любви" – напоминает Кармен очень нелегкое правило. Защищая свой неизменный девиз – "Свободу!", Любовь, как истинная ведьма, здесь, на уровне сексуальных потребностей, сама же и выставляет ловушку. Ей – свободу, любящему – несвободу, такой вот парадокс.

Без абсолютно свободной возможности плыть по течению ощущений любви, по волнам нарастания и затихания страсти, без права поступать соответственно переживаемым состояниям, человек не может быть счастлив в объятиях другого. Свобода, доверие, способность быть самим собой разрывают оковы, коими человек обуздывает себя при людях, на работе -не ночью.

Вместе с тем, заданность ситуации, обязанность испытывать именно в данную минуту желание целовать может заморозить чувственность и даже испортить настроение. Свобода – условие любви. Без свободы не пригубить из волшебной чаши. Но не испить ее и без желания в крови. Между тем, большинство людей не живет в состоянии постоянного сексуального желания. Оно приходит внезапно и уходит непредсказуемо. У желания свои законы, и об этом уже написаны специальные книги учеными-психологами. Из них можно узнать, что стрелы Амура попадают в нас только тогда, когда мы эмоционально, пусть и не осознанно, к этому готовы. Радость, нарастающая от возбуждающей музыки, чувство счастья жизни, рождающееся в танце, душевный подъем от творческого успеха – это то поле эмоций, на котором прорастает и расцветает цветок эротических желаний. Но и чувство страха, вызванное неожиданной опасностью, будит спящую чувственность, усиливая потребность в защите. Сколько писателей заставляли влюбленных прикинуть друг к другу в первом поцелуе под раскаты грома и сверканье молний! И были правы. А вот в скучающего человека Амур не целится, а от депрессивного бежит, как от огня. И это несмотря на то, что именно депрессивный более всего нуждается в любви как своем спасении. Но любовь вольна свободно выбирать, кого желать, кого миловать, а главное лишь тогда, когда сама она того пожелает. Депрессивного она не жалуется. Но, вместе с тем, если не жалуется ее самое, то сама тоже загоняет в депрессию. Попробуй, поймай загадочную Жар-птицу! Нет, только свободная спустится любовь с небес и одарит сверкающим наслаждением земной любви. Ибо любовь свободна!

Болгарский философ К.Василев в солидной книге "Любовь" обозначает это свойство любви как неподкупность, ибо нельзя принудить любить – ни себя, ни другого.

"Любовь чахнет под принуждением; самая ее сущность -свобода, она несовместима с повиновением, с ревностью или страхом," – отмечал и П.Шелли. "Любовь быть хочет жертвою свободной," – писал и Ф.Шиллер.

Но как много в любви из-за этого противоречий!

"Любовь свободна!" И человек отстаивает право любить свободно, право не насиловать стихию своих желаний и ... поступает в соответствии с данным ему правом – остается, например, дома, вместо того, чтобы спешить к жаждущей его любимой. Любовь жива и никуда не делась, но у человека сегодня не то настроение. И он прав, следуя за своим состоянием.

Но ведь чувство любви – чувство вдвоем, а не тет-а-тет с самим собою. Тут и

обнаруживается ловушка, ибо ненасилие над собой может обернуться насилем по отношению к другому, в эти часы жаждавшему любовных лобзаний.

Кто-то устал, а кто-то рядом полон сладостной неги и жаждет пригубить вкуса губ и пить их, наслаждаясь. Нельзя? Надо себя сдерживать? Но ломки прекрасных состояний ведь тоже дорого стоят, они тоже могут заморозить, лишит уверенности, способности свободно отдаваться другому.

Вообще сотворить гармонию свободы двух тел дело вовсе нелегкое. И можно понять, если кто-то досадливо махнет рукой и предпочтет уйти в объятия легкой сексуальной связи, где хоть одно очевидно – если не хочу приходить, то и не приду, никто не предъявит никаких претензий. Свобода!

Свобода! Как часто она иллюзорна, однако, и в легкой связи, где радость одного становится страданием для другого. Легкая связь по названию – легкая, а в реальности заранее заданное непостоянство, оговоренное право на несоблюдение верности и отсутствие ответственности за судьбу другого, на самом деле нередко требует от глубоких и преданных людей сверхусилий, дабы избежать страданий.

И вообще, я хотела бы попросить поднять руки тех мудрецов, коим легкие связи всегда удаются как легкие. Не в литературе, а в жизни. Пусть скажут – с кем у них это получается? Только честно.

Пусть каждый ответит себе сам.

Но я думаю, что люди, бегущие от страданий любви, все же не уходят от страданий и в легких связях, и если научаются избегать своих собственных мук, то уж почти обязательно причиняют их другим – невниманием, своеволием, пресловутой свободой. Так и захлопывается ловушка. Свобода оборачивается несвободой – так, или иначе.

Но без свободы действительно нет любви! Вреднейший яд, от которого любовь падает замертво – это победившее ее страдание, страдание человека, цепляющегося за другого человека, в другом, и только в нем ищущего своего спасения. Утонувший в страданиях неспособен дарить радость, мертва его чувственность, да и щедрость души проваливается в тартарары, и ничего, кроме мольбы о тепле, и обиженных слов не способны произнести уста. Страдающий невольно ориентирован только брать, а если и дает, то одни стенания и плохое настроение, но не радость слияния. Парадокс и в том, что попавший в капкан страданий становится ненасытным, неутолимимым и слепым к проявлениям любви, обращенной на него. Всего страдальцу мало – и доброта не утешает, и поцелуи не греют, и признания в любви не успокаивают, будто разверзлась бездна, где все белое превращается в черное. Устает в конце концов человек от себя самого, но устают от него и те, кто рядом. И тогда уставшим от чужих страданий зачастую выбрасывается флаг капитуляции любви, флаг спасения своей нервной системы. "Свобода!" – начертано на том знамени. Свобода...

И не ведают двое любящих, что убивали любовь вдвоем. И хотя громко стонал, быть может, только один, и вслух не страдал другой, оба потеряли способность дарить любовь. И она умерла, зачехнув за тюремной решеткой обоюдной несвободы, лишившись эротических радостей.

Да, любовь свободна... И страданиями расплачиваются люди за требовательность, поправшую свободу, и за свободу, пренебрегшую требованиями любви.

Люди хорошо знают, какое счастье или несчастье в поисках сексуальных радостей таит в себе любовь и даже легкая связь. А потому порой бегут от любви не только в объятия необязательных отношений, в которых действующими лицами все же являются два живых человека, – а где живое, там разве предскажешь, что происходит в душе другого? Нет, есть бегство и к самому себе – есть любовь, хранимая для себя, любовь, что остается тайной даже для того, кто вызвал чувство любви. Любить, не общаясь с любимым, не держа его в объятиях, любить образ, тень, фантазию и испытывать сладость любовного желания, радость от случайного взгляда, от силуэта, мелькнувшего на улице. Любить и писать стихи о любовном чувстве, про которое любимый знать ничего не знает, от которого ему ни жарко, ни холодно, – ни радостей, ни страданий, ни помощи, ни помех. Ничего! Такая вот любовь – любовь в себе, любовь без сексуальных контактов.

Такую любовь в себе воспевают не кто-нибудь, а Петрарка. И сколько поэт доставляет нам, читающим его сонеты, наслаждения! Какое возвышенное находим мы сердце, сколь глубока психологическая насыщенность его чувства, и главное -как Петрарка постоянен. Ничто не мешает Петрарке любить -ни бесконечные беременности Лауры от ее законного мужа, ни появившаяся прядь седых волос, ни отяжелевшая походка. Более того, даже смерть не властна над соловьем любви. Нет Лауры, а Петрарка продолжает любить и петь о любви.

А я взяла и подумала – хотела бы я быть Лаурой? Хотелось бы, чтобы любили меня так, как Петрарка любил Лауру? Нет! Я не хотела бы быть Лаурой. Такой далекий воздыхатель, который мне и гвоздь в стенку не вобьет, не то чтобы прийти и повесить на него свой плащ, и утешить в беде или закружить мне голову земным сладким поцелуем, оставляет меня, так горячо им любимую, одну-одинешеньку на всю мою долгую жизнь. Что мне его стихи, если я мертва и прожила свою жизнь без него, не согретая им, не любимая им в плоти моей. Зачем мне его бессмертная слава, коль я не одержимая тщеславием, а простая смертная, жаждущая понимания, защиты и любовных радостей, живая женщина – Лаура? Не пришел он ко мне, хотя и пел о любви ко мне. Не стал он моим и не стала я его.

Право, больше было радостей многим женщинам от раскомплексованного, любвеобильного Гуляки Ж.Амаду, чем одной-единственной Лауре от пронесенной через века любви Петрарки. Любовь Петрарки – непарная форма общения и сродни менее романтической любви престарелых девиц и несчастливых жен к телу Иисуса Христа.

И позиция Петрарки, при всем ее очаровании, не безобидна. Пожизненная привычка любить не женщину из плоти и крови, а лишь плод фантазии, дает любящему заманчивую возможность в мечтах повелевать возлюбленной, заставлять ее вести себя так, как снится мечтателю соответственно его ожиданиям и его чувствам. Но оставьте такого влюбленного хоть раз наедине с реальной Лаурой, и ничто на свете не обеспечит Петрарке поведения Лауры, соответствующего его сто раз проигранному в мечтах сценарию. Она ведь женщина живая, со своими представлениями, своими ожиданиями, со своими привычками, а главное – мечтателя совсем не знающая. И какие тогда возникнут сложности! А их еще и преодолеть надо, храня любовь.

Нет, не зря Петрарка не искал встреч с Лаурой. Он, возможно, их даже боялся. Погруженному в любовь-мечтание страшен диссонанс между реальностью и иллюзией, неведомо творческое созидание живых отношений. И Петрарка предпочел стихи и – параллельно – объятья, грешные и горячие, с другими, более доступными ему женщинами. А иные одинокие мечтатели уходили в монастыри. Гармоничной любви на таком основании людям не создать.

Но, конечно, не виноват Петрарка, несчастный и счастливый поэт средневековья. Он ведь весь в том времени, когда чувственную любовь гнали из жизни людей, и в такое время пел ей славу, возвеличивал ее радости, пусть не разделенные с любимой, но радости оттого, что он, Петрарка, сам любил. И не иссякал в поэте источник любви даже в старости. Любовь Петрарки наполнена состраданием к Лауре, восхищением Лаурой, принятием ее такой, какой она была и становилась, красивой, старой, мертвой. Душа поэта узнала радости и печали любви, чувства Петрарки проникнуты любовной эротикой, но счастья слияния в любви гармоничной Петрарка не узнал. Не мог он сказать: "Ты – это я, я – это ты".

Такую любовь, вернее, такое направление в защиту любви, диктовало Петрарке его время, презирающее тело как вместилище адских сил и дьявольских козней. Петрарка и воспевал любовь как радость духовную, как источник жизни и творчества, как счастье и горе, пронизывающие его душу. И поэтому поэт современен, поэтому он и восхищает, мы находим в сонетах Петрарки воплощение переживаний, сомнений и веры и любовь, присущие человечеству.

И все-таки любовь Петрарки не идеал. Любовь поэта, во мраке восставшего в защиту любви, искорежена средневековыми запретами. Любить как Петрарка – это счастье, но не счастье вдвоем. Петрарка испил не все радости из чаши любви. И поэтому не надо портить себе жизнь подражанием Петрарке, возведением его в ранг великих магов любви. Не маг, а счастливый несчастный – вот кем был Петрарка.

И еще. Любовь как у Петрарки к Лауре – лишь один из этапов любви двоих. Это благодатный, счастливый первоначальный этап вынашивания собственной любви, период ее

созревания, пока не заполнит любовное чувство все существо человека, всего его, каждую его клеточку. Миновать этап любви в себе, когда достаточно еще только того, что есть на свете любимая и большего не нужно – значило бы лишиться свое чувство времени, нужного ему, дабы набрало оно питательных соков, подвергнуть его опасности недозревания и преждевременного увядания. Но оставаться навечно в начале любви, не сделать свое чувство чувством вдвоем – значит исказить любовь.

Где-то я прочла: слишком быстрая отдача друг другу убивает любовь. Автор, наверное, прав. Но и "неотдача" друг другу тоже убивает.

О таком очень печальном исходе истории любви двух влюбленных поведал однажды Джек Лондон в великолепном рассказе "Когда боги смеются". Помните – юноша и девушка пожелали обмануть природу и самих себя и продлить до бесконечности свое сладостное желание в крови и потому не отдавались друг другу. Но в одно прекрасное печальное утро они проснулись с пустыми сердцами и холодом в теле. Любовь умерла голодной смертью, не поддержанная живительным напитком из волшебной Чаши.

И еще. Человек, превративший любовь "в себе" в привычное отношение к любимому и не находящий путей к любви вдвоем, подвергается опасности закрепить в себе разрыв между мечтой и реальностью, может лишиться себя способности к любви земной.

А кто не испытал иных разочарований – шел на свидание, полный любви, в предвкушении счастья, а дошел – и все погасло? То, что было в душе и теле, умерло в присутствии другого – любимого.

Вот и может показаться, что хранить в себе состояние любви на воспоминаниях порой сладостней, богаче эмоциями, чем новая встреча. Разве так не бывает? Вообще найти себя друг для друга, отыскать дорогу в царство волшебной Чаши -не из легких задач.

Нужен труд души, разума и тела, нужна любовь как творчество на всех уровнях потребностей личностного общения. Нужно творчество вдвоем, друг подле друга, ради сотворения гармоничного "Мы". Нужно сотворчество и двух тел – талант любви.

Уметь разговаривать не только глазами, не только голосом, а стихией своей крови, кожей своей, волнами каждого движения тела – вот чего ждет любовь от двоих, как доказательства их приверженности к лику познавших ее тайну.

Я не думаю, что кому-нибудь поэма любви, дается легко и сразу.

На этом пути тоже много препятствий выставила людям колдунья. Отсутствие опыта и груз прошлого опыта одинаково могут мешать расшифровывать язык тел, сделать глухими к своей и чужой симфонии души, звучащей в теле. Немым может быть тело, редко от рождения, чаще от тысячи маленьких и больших комплексов, вариации которых у каждого свои, личные. И сбросить свои вериги нет ни желания, ни сил, поскольку верными опорами они порой представляются людям. А ведь талант – всегда свобода, свобода быть самим собой. Но кто определенно скажет, что знает себя, знает свою душу или знает свое тело?

Страшно?

Иной, давно распроставшийся с мечтой о любви и пользующийся наслаждениями легкой связи, скажет лениво: "Канительно!" Он привык жить по принципу: "Пришел, увидел, победил... ушел, если не нравится". Что еще надо, а?

Легкая сексуальная связь не бывает глубокой привязанностью именно потому, что главный источник ее питания -сексуальные желания, не выросшие до моря любви. Само появление желания в легкой связи порой вовсе не результат присутствия данного партнера или воспоминания о нем лично, а лишь следствие физиологической игры гормонов, что гонит людей на поиск друг друга по трубному зову полового инстинкта, раскрепощенного, вдобавок, еще и винными парами. Те люди, что сознательно идут на подобные отношения, зная им цену, может быть, умеют отряхиваться как уточки и любить свои легкие радости. Но – свидетельствует жизнь - немало мужчин и женщин все же расплачиваются за свою всеядность моральными муками, упреками, дурным настроением, недоверием и презрением к людям другого пола. Редко кому удастся не ожидать от другого большего, чем он предлагает сам.

Человечество каким-то образом решит эти проблемы. Бокаччио, Рокуэлл Кент, Жоржи Амаду уже в прошлом и настоящем весьма жизнелюбиво расширяют спектр сексуальных радостей и предлагают не осуждать легкие, как воздушный шарик, отношения. Но многим это пока не очень удается.

Идти в объятия мужчины и ждать только пламени, горения крови и исхода страсти в криках и столах, зная каждой клеточкой, что все же он чужой, что "я – не ты, и ты – не я"? Разве легко тогда полное растворение друг в друге, сладостное чувство умирания и воскрешения в другом человеке? А что потом, когда схлынуло обоюдное желание? Чувство благодарности? Или равнодушие к чужому телу, повернутому спиной и уже погрузившемуся в сон, не приведи бог, еще и с храпением? Или легкое чувство освобождения от сексуального гнета и на этом "спасибо, мой друг"? Разное чувствуют люди, связанные легкой связью, ибо различны они. Одно, все же, верно для всех – не дарует легкая связь того сплава радостей любви, той абсолютной близости, того блаженства полного слияния, которое присуща любви. И в этом различие.

О трудностях секса, к которому мы не научились еще относиться с любовью, с озорной откровенностью пишет Николай Козлов в книге "Как относиться к себе и другим, или практическая психология на каждый день" [изд. Новая школа. М. 1994 г.]. Автор предлагает читателю освободиться от целого ряда моральных установок нашей современной культуры, которые мешают наслаждаться и дарить наслаждение в сексуальном общении. Автор уверяет, что легкая сексуальная связь необходима людям в жизненном пути, по крайней мере в начале взросления, для познания себя и других. Она обогащает людей, ибо позволяет отведать разные блюда сексуального пиршества. Читатель узнает много интересного о психологии сексуального общения, много такого, о чем стоит задуматься или с чем стоит поспорить, если хочешь, чтобы жизнь стала радостней и счастливей. Автор повествует о тайном открыто, с симпатией и юмором. И по-доброму.

Такие книги полезны, ведь в жизни не только легкая связь, но и брак нередко строится на неустойчивом фундаменте сексуального желания, не питаемого любовью к человеку в целом, строится на стремлении обеспечить постоянного, доступного сексуального партнера. Люди не всегда в этом признаются, а часто и сами не знают, что гонит их к брачному ложу. В браке без любви отношения легкой связи, главное назначение которых удовлетворение потребности в сексуальном контакте, приобретают юридическую оформленность, с прибавлением ведения общего хозяйства, со всеми заботами и тревогами. А потом рождаются дети.

Супруги, искавшие друг в друге удобных сексуальных партнеров, не объединенные взаимной любовью, не всегда легко стыкуют свою ранее свободную жизнь с новыми хозяйственными и прочими обязанностями. И часто молодой муж бежит из дому к друзьям. А женщина, одна вынужденная нести львиную долю всех тягот и забот домашнего быта, теряет порою радость жизни, а с нею и сексуальные желания.

Вместе с тем, брак накладывает на мужа и жену обязательства верности друг другу, чего нет в отношениях легкой связи. И потому, если брак заключается без любви, верность становится проблемой номер один, тяжким бременем, взваленным супругами на свои плечи. Сексуальная жизнь с нелюбимым партнером скоро становится скучной и однообразной, превращаясь в привычку или обязанность. Нет в ней праздников.

Хорошо, если все-таки случится чудо и в дом войдет любовь, или, по крайней мере, появится устойчивая привычка и уважение друг к другу. Иначе слишком зыбким оказывается основание брака без любви, построенное на зыбучих песках уходящих и приходящих сексуальных желаний. Ух, какие тут случаются качки на волнах жизни. Что там море с его штормами...

Кто хочет узнать, к чему приводят браки без любви, пусть прочтет "Воспитание по доктору Споку" В.Белова.

СОЗВЕЗДИЕ ЧУВСТВ, ЖЕМЧУЖНАЯ РОССЫПЬ ПОСТУПКОВ

Итак, что такое гармоничная любовь?

Она идеал любви, но она и реальность. Она мечта, но она и действительность. Она чувства, она же деяния. Гармоничная любовь порождается удовлетворением ведущих потребностей жизни в личностном общении двух людей – мужчины и женщины. Она живет в самой маленькой ячейке человеческой формы общения – всего двое участников. Но, вместе с тем, в ней незримо присутствует все общество и вся природа. Она космическая по своему измерению, объединяет небо и землю, смерть и бессмертие. Любовь – вершина человеческого общения.

Созвездие чувств, жемчужная россыпь поступков – вот что такое гармоничная любовь. На каждом уровне удовлетворения потребностей жизни светит своя звезда. Удовлетворенная потребность в безопасности создает глубокое чувство защищенности. "С тобой мне ничего не страшно" – под этим девизом у любящего удесятерятся жизненные силы. Любовь для него – источник радости и счастья, а потому – доброты и энергии. Любящий любит мир и готов его защитить во имя любви. Потребности в эмоциональном контакте, удовлетворенные в любви, создают безграничную близость двух людей -чувство, что найдена "моя половинка". Теперь человек чувствует и действует не только за себя одного, но сразу за двоих -радости и горести другого становятся его собственными. Человек разрывает свою эмоциональную замкнутость и становится способным чувственно объять окружающий мир и любя заботиться о нем ради счастья своего и другого. И это тоже удесятерит силы любящего. Гармоничная любовь удовлетворяет и потребность в самовыражении и признании, ибо любящий взаимно понят другим человеком и сам понимает другого как самого себя. Он не одинок, он нужен другому, принят другим человеком таким, какой он есть, и принимает, понимая другого, сам. "Ты меня понимаешь!" – ликуют любящие. Обретя уверенность в себе, понимая себя и другого, любящий обретает способность понять мир людей в его сложности, многообразии и несовершенстве и это дает ему новые силы для жизни, для деятельности во имя счастья своего и других людей на земле.

Радости удовлетворения сексуальной потребности рождают в часы любви неповторимое чувство слитности одного человека с другим – "Я – это ты, ты – это я". В этом чувстве нежность и упоение, восторг и умиротворение, наслаждение и мгновения полного растворения в мире, – словом, счастье чеканки самой чистой, самой высокой пробы. Ради такого счастья стоит жить вечно – это знают любящие. В гармоничной любви любящие, сливаясь в любовном единении, продолжают род человеческий и научаются находить в другом человеке самого себя, относиться к другому как к самому себе, – но-человечески. И так поступать в каждодневности. Любовное слияние – вершина любви, небо, в котором ярко вспыхивают все светила созвездия гармоничной любви.

Чувства любви переливаются одно в другое, мерцают всеми цветами радуги, их сочетание неповторимо, неожиданно, бесконечно. Созвездия чувств находятся в вечном движении, и в каждом уголке бескрайней галактики человеческих душ светят любящим светом интимности. Интимность – то чудо, которое свойственно гармоничной любви. Интимность – - самое глубокое, пронизывающее все и вся в любовном союзе мужчины и женщины, превращающее отношения между двумя людьми, между ОН и ОНА в новое – МЫ. Интимность – это, как сказал бы философ, – то системное, интегрирующее качество, которое определяет существование и развитие любви как целостной системы. И делает поступки во имя любви естественными, приносящими радость.

А сколь богата палитра чувства интимности! Доброта и доверие, терпимость и понимание, сочувствие и сострадание, уважение и жалость, забота и защищенность – все теплые тона, все оттенки тепла, излучаемые от меня на тебя и от тебя на меня, просветляют души любящих, вдохновляют на светлые деяния, делают любовь святой. Интимность – та путеводная звезда любви, которая светит любящим в их священнодействие во имя сохранения и развития любви в направлении – Вечность.

Именно от того, что гармоничная любовь это созвездие чувств и богатейшая палитра

протрут глаза
 внуки и правнуки.
 Заполнит комнату запах
 лесной
 прелой
 травы...
 В женщине,
 спящей рядом со мной,
 дремлете
 вы!
 В женщине этой
 затеplилась
 завязь
 вашего
 века!...
 В сером окне,
 к стеклу прикасаясь,
 выгнулась ветка...
 Каждому в мире
 имя
 отыщется.

Дело
 найдется...
 Но в котором из тех,
 кто рожден
 в трехтысячном
 кровь моя
 бьется?
 Кто же он –
 родственник мой
 шальной
 в вашей стране...?
 Женщина,
 спящая рядом со мной,
 стонет во сне.
 Тени –
 от пола до потолка.
 Хочется пить...
 Мы будем жить на земле
 пока
 будем любить!

Мне будто плаванье
 кораблю
 слово "Люблю!"
 Строки
 медлительные
 тороплю –
 Люблю!
 Глыбищи
 каменные
 Люблю!
 Лунный луч

О КРИЗИСАХ ЛЮБВИ

О головастиках и солнечном зайчике

Они сидели напротив, мужчина и женщина, не глядя друг другу в глаза, но каждый – ощущая присутствие другого. Он курил, по-мужски серьезно уйдя в себя, в какие-то думы отдыхал, умиротворенный, сытно накормленный старательно приготовленным обедом. "Как в лучших ресторанах Вены" – говорил он, если она спрашивала, вкусно ли было. Отвечал так, хотя никогда и не бывал в той Вене.

Она, как и все женщины, любила минуты, когда любимый мужчина был сыт, доволен и курил. Спокойным он был красив. И мужские, резко очерченные скулы были при нем, как надлежит сильному мужчине, и мягкие, самые мягкие на свете волосы, и добрые, очень добрые, все понимающие глаза. Красота мужская не менее притягательна, нежели женская, – она знала это и любовалась близким, родным для нее мужчиной. И нежность прокралась в ее ладони, губы, глаза.

– О чем ты думаешь? – тихо спросила она.

– О головастиках – ответил он без малейших теплинки в голосе. И ... стал без особого энтузиазма пересказывать содержание статьи из "Науки и жизни" о борьбе головастика за существование. Неуместно и неинтересно, как ей показалось.

Женщина дисциплинированно проглотила на десерт ненужную ей информацию, и была разочарована. Она ждала не "про головастика" – нежности.

Подобных историй каждый может вспомнить из своей жизни множество. А название у них одно – кризисы любви. Они могут быть мимолетными, почти смешными как ситуация с головастиками, и – застарелыми, огромными, страшными. Веселые недоразумения или трагические непонимания, улыбки и слезы, все в них перемешано, в кризисных ситуациях общения двух любящих.

И сколько бы любящие ни кляли черных воронов беды, сколько бы ни обещали себе и другому, что голубок и горлица никогда не будут ссориться, все равно возникают недоразумения, непонимания, ссоры и несчастья.

Отчего?

Да, наверное, оттого, что кризисы заложены в самой природе любви, как это ни печально с точки зрения поиска в любви абсолютного, неизменного, вечного. Заложены кризисы, ибо общаются двое – человек с человеком, живые и противоречивые, – две личности, которые предъявляют друг к другу самые высокие, до неба, притязания. Высокая шкала ожиданий и притязаний и отличает любовь от других парных форм общения лиц разного пола, но в этой высоте истоки и кризисов.

Что из того, например, если сын думает о головастиках, когда мать им любит? Да ничего. Материнское сердце этим не ранишь. Пусть себе думает, о чем ему вздумается – хорошо уж, что спокоен, здоров и сыт.

А любимый? Ты рядом с ним – чувствуешь теплоту его щек, нежность шеи, а он тебя не чувствует, он – с головастиками, не с тобой в такую добрую, ласковую минуту. Будущими лягушками занята его голова. Бр-р-р! Мороз по коже пробежит, хоть и победишь себя, не подашь, быть может, виду. Или засмеешься, но – все равно больно, чуточку, но больно.

В любви люди вольно или невольно ожидают постоянной гармонии эмоционального настроения, совпадения душевных состояний, тождества переживаний. Но это дается любящим только в награду, как величайшее счастье и лишь в часы безграничной близости.

Возможно, что именно из-за высокого уровня притязаний, который возникает между любящими, брак по любви, по мнению Ю.Рюрикова, подвержен гораздо большим опасностям и разочарованиям (да и развод здесь более частый исход любви), чем брак, заключенный без любви. В браке без любви притязания просты, часто они сугубо житейские, и ужиться двоим легче. Люди заключившие брак по рассудку, не пережили любви, но зато достаточно трезво взглянули друг на

друга, – не через волшебное зеркало, – и сразу увидели друг друга такими, какими любящие разглядят себя только когда пройдет ослепление любви. Они постарались избежать иллюзий друг о друге и иллюзий о своем союзе. Помогает мужу и жене избежать бурь и катастроф львиная доля исходного добродушного равнодушия, которое жених и невеста принесли в такую семью в качестве приданого.

А в любви – все беспокойство.

И тут пора заговорить о солнечном зайчике, или еще об одном свойстве любви, которое, если о нем не знать, может причинять любящим много страданий.

Дело в том, что у любви есть странная (а может быть и прекрасная) особенность – она не любит стоять на месте и постоянно движется по этажам уровней потребностей общения, от одного к другому. Любовь скользит и пляшет как солнечный зайчик от зеркальца озорного мальчишки. Солнечный зайчик любви то светом ударит прямо в глаза и ослепит так, что единственный выход снова стать зрячим – это зажмуриться, а то сердце прожжет лучиком солнца столь неистово, что рану выжжет палящее и больно.

Меняется не только радуга ощущений любящих, – нет, по теории солнечного зайчика, как мы назовем рассматриваемое свойство любви, постоянно изменяется содержание и форма общения двух любящих. Вызвано это тем, что любящие в разные периоды своей любви удовлетворяют разные потребности общения и вовсе не ежесекундно в их отношениях взаимодействуют все уровни одновременно. В истории каждой любви бывают периоды, когда стремление удовлетворить один из уровней потребностей общения достигает такой интенсивности, что на время вытесняет остальные, или по крайней мере приглушает остроту проявления и восприятия остальных потребностей общения.

В отношениях любви, как в сложной системе ЭВМ, вспыхивают огоньки и сигналы в кажущемся беспорядке. Солнечный зайчик заставляет загораться то одно, то другое световое табло. Вот он задел ненароком витальную потребность. И тогда как сирена зазвучит сигнал тревоги: "СОС! СОС! СОС!" Уходит любимый, и вслед ему погибает от отчаяния женщина. Непереносима разлука. Жизнь не вдвоем теряет смысл.

Тревога могла быть мнимой. Никто уходить не собирался. Черные, незрячие глаза ревности заставили увидеть несуществующее. Но витальная потребность уже родила жгучее чувство "Без тебя я не могу жить" – и вытеснила все остальные потребности, определяя поведение любящего, разумное или неразумное – это уж как у кого получится.

А потом бегающий зайчик надолго задержится на уровне потребностей признания ж самовыражения. И хоть убей, не захочет сдвинуться с места. "Поймешь? Не поймешь?" – вопрошают друг друга двое любящих. И нет для них ничего важнее.

"Осторожно, идет экзамен" – такая надпись загорается тогда на световом табло.

А порой теплому, веселому зайчишке лучше всего понежиться на уровне сексуальных потребностей. Он искрится там счастливый, долго и неутомимо. Какой он тогда прекрасный, солнечный зайчик. Благодарно и боязливо берегут те двое искрометную счастливость.

"Счастье" – светится на световом табло.

Но на то он и солнечный зайчик, чтобы убежать и оттуда, и спрятаться теперь уже на уровне потребностей безопасности, отдохнуть от веселья и радостей, одарить любящих чувством защищенности и покоя.

И не могут двое поймать своего солнечного зайчика, как ни будут стараться, он будет бегать, куда вздумается ему, ибо чувство любви на то и чувство, чтобы быть стихийным, стихией. И потому даже самым любящим любовь, их собственная любовь кажется неподвластной. "Законов всех она сильнее" это отлично знала Кармен, чувствовала она честно и верно.

Ну, а если солнечный зайчик у одного на одном уровне, а у другого – на другом. Как быть?

Вот та женщина, в начале главы, была полна нежности, а он думал о головастиках. Ей ли было ломать прекрасное в себе, ему ли поискать в себе круплицу ласковости. Строить или разрушать? Подчиняться или подчинять? Защищаться или искать защиты? Понимать или быть понятным? Откликаться на зов другого или ждать огня только в себе?

Сколько вопросов, проблем, недоразумений, обид, тревог таит в себе любовь – и во время

общения, и в воспоминаниях о любимых. Сколько невысказанного и не услышанного, сколько упущенных радостей, обманутых представлений, несозвучий, дисгармоний таит в себе Любовь-обольстительница, манящая нас и не ведающая покоя.

И каждый любящий будет искать выходы из кризисных ситуаций соответственно своему характеру. Одному, альтруистически настроенному и сангвинически сотворенному, легко ориентироваться в любви на другого, дарить свои прекрасные настроения в ответ на тоску, и терпеливо, без трагичности, ждать, когда сменится настроение у любимой.

Другому – холерику или меланхолику – трудно проявлять терпение и ждать милостей от другого. Альтруистическая установка стоит любящему с таким складом характера борьбы с самим собою, преодолений своей взрывчатости или плаксивости. Холерическому влюбленному легче любить, если приспособляются к нему.

А если кризисы любви предстоит преодолеть двум эгоистам? Пожалуй, истинные, стопроцентные эгоисты, если таковые существуют на свете, не в состоянии любить вообще. Их любовь разбивается как только эгоистам перестают давать, как только давать приходится и им самим. Ведь этого они не умеют.

Добавим к сказанному, что ни один человек не подходит ни под одну классификацию человеческих типов. В каждом есть нечто от того или другого типа высшей нервной деятельности, установки на жизнь, характера. Кроме того, люди в процессе своей жизни меняются – альтруист может перейти на позиции эгоиста, холерик из состояния взрывчатой веселости перейти к взрывоопасной тоске. Да и с одними людьми человек ведет себя так, а с другими иначе.

Психологи сегодня все глубже проникают в специфику психологического склада людей, обнаружив разные полюса – экстраверт и интроверт, синтоник и дистоник, пылкий и нервический, генитальный и невротик, находящийся под воздействием Марса или подчиненный Венере. Между полюсами располагаются материи характеров большинства людей – каждый со своим очертанием, своими подводными течениями и громоздящимися горами-препятствиями. Ю.Рюриков в новой книге "Мед и яд любви" предлагает читателю интереснейшие варианты о совместимости и несовместимости разных характеров людей в отношениях любви. Прочтите эти страницы, можно даже самому заполнить анкету, приведенную в книге, предложить ее возлюбленной и поразмыслить о своих согласиях и разногласиях и о своей взаимной дополнительности. Но важно не пугаться открывающейся сложности параметров собственного психологического склада и того, что вся какофония черт характера и психологических свойств отражается на любви одного человека к другому, определяет развитие отношений каждой конкретной любви и способы выхода из кризисов. Ведь человек меняется на протяжении жизни, меняется и наука о человеке. И тот, кто ищет гармонии любви, не учитывая происшедших изменений в любимом, не ощущает развитие ближнего и пытается применить сегодня средства, которые годились лишь вчера, – обречен на кризисы в любви.

Но и тот, друг или советник, который думает выработать всем одновременно годящиеся рецепты спасения от кризисов любви, и щедро раздает советы направо и налево, притом из самых добрых побуждений, тоже обречен на поражение. Ибо что помогло одному, не пригодно другому.

И как развивается каждый из любящих, так развивается и их любовь.

Развитие – правда любви. Остановка – путь к смерти любви.

Кризисы любви – так названа эта глава. На каждом уровне потребностей они могут возникнуть. А на каждом – своя беда.

На витальном уровне потребностей общения любящие чувствовали: "Без тебя я жить не могу". А если приходится – жить без тебя? Война ли разлучает, смерть ли отнимает, или сам человек уходит – все равно приходится жить без тебя. Сохранится ли любовь упрямой силой в том, кто остался один, или погибнет в неравном бою с обстоятельствами, доводами рассудка, жизнерадостностью, или легкостью характера? Кто знает? Но – опасность ее конца возникает, ибо человек, оставшись "без тебя", чтобы сохранить способность не только жить, но и радоваться жизни, вынужден преодолеть свое: "Без тебя я жить не могу" – преодолеть одну из основ любви. Сегодня такая борьба человека с самим собой дается очень нелегко.

Тысячи условностей, установки окружающих, да и собственные ожидания от себя самого,

кинофильмы, повести и рассказы так часто ратуют за отчаяние "до неба", за страдание до сумасшествия, за верность умершему до собственного гроба, что выходить из состояния "без тебя я не могу жить" людям не просто.

Общественным установкам часто более всего соответствуют люди, верные мертвым. Кажется красивым, возвышенным, идеальным, если встретив новую любовь, вдовец или вдова не сумеют преодолеть памяти сердца, не сумеют снова полюбить полнокровно и отринут новое живое чувство любви. Прославляя любовь, пронесенную через смерть, нелегкую победу мертвой любви над любовью живой, мы как то не очень задумываемся над тем, что за романтикой любви после гроба немало, по существу, человеконенавистничества, заправленного львиной долей средневековых гонений на любовь. Нравственные установки умирать вдовами и вдовцами – разве это любовь к человеку, гуманизм?

В жизни, в реальной жизни, вдовы и особенно вдовцы, исправно выходят замуж и женятся вновь, рожают детей от второго брака. Но поступать им так не всегда легко, часто они ощущают себя нарушителями общественного табу.

Те, что преодолели свое "Не могу без тебя жить" во имя готовности снова жизнелюбиво стать счастливым, сумели проделать немалый труд души. Они не оказались в плену идеалов досужих кумушек, их души не ленились, не боялись ломки устоявшихся стереотипов.

Откровенно и неожиданным ракурсом поворачивают проблему преодоления "Без тебя я не могу жить" авторы фильма "Романс о влюбленных". Живая, жизнедышащая девочка попала в капкан страданий – погиб ее жених. И девочка окаменела. Но как вытаскивает мать (Ия Савина) дочь из заколдованного круга! Мать месит тесто, произнося заклинания жизни. Мать требует от дочери сил на новое чувство, на новое счастье, - требует, а тесто так и ходит под ее руками, сильными, ловкими руками женщины и неожиданно получает удар: раз! – Ия Савина бьет, бьет наотмашь, с ненавистью, бьет податливое тесто, снова месит и снова бьет, подкидывает, бросает на стол – сильная, сражающаяся мать, не сумевшая, сама не посмевающая победить собственную память сердца. И в эту отчаянную минуту страха за дочь мать себя ненавидит, проклинает как это проклятое тесто, что ходит у нее под руками. Она – вся протест: Нет, нет и – нет! Ее дочь не посмеет повторить ее собственную материнскую судьбу. Живи и снова люби! – таков приказ матери.

И дочь, к великому зрительскому разочарованию, не являет трогательного образа молодой невесты, до седых волос ждущей мертвого жениха. Нет, девочка выходит замуж, быстро и решительно, а главное счастливо.

В фильме торжествовала любовь к людям, любовь к жизни, любовь к любви.

Если мертвого любимого, без которого жизнь кажется невозможной, мы часто призываем чтить и не забывать во веки веков, то иначе, совсем иначе обычно складываются отношения в другой ситуации кризиса любви – тогда, когда не умирает, а уходит один из двоих, уходит не в смерть, а к другому человеку.

Когда смерть – мы ратуем за продолжение любви, а если разлюбил – на помощь призывается ненависть, часто лютая, неудержная, самозабвенная, а главное – мстительная. Женщина иногда даже говорит: "Уж лучше бы он умер". И это, к сожалению, понятно. Когда уносит любимых смерть, несчастье приходит извне и можно проклинать судьбу, но любить и любить, пока любовь сама не уйдет. А в этой ситуации тот, без которого жить невозможно, причиняет невероятную, невыносимую боль. Разве с таким несчастьем можно справиться? И содрогаются сердца, охваченные обидой, мечется разум, неспособный понять истоки чудовищной несправедливости. И в судорогах злобных, чернящих мир чувств, начинается агония любви.

Переход из огня любви прямо в пламя ненависти, резкая смена оценки любимого – человечески понятный выход из кризиса любви. Но он и опасен для принимающего ненависть за лекарство от неразделенной любви.

В глазах, наполненных ненавистью, исчезает человеческое видение другого человека. В сердце, наполненном ненавистью, погибают доброта, доверчивость, вера в людей другого пола.

И, наверное, стоит готовить молодых и немолодых не только к любви и браку, но и к умению без трагических невосполнимых потерь и обеднения своей души переходить от чувства "Без тебя я

не могу жить" к позиции "Без тебя я и жить могу, и даже быть счастливым".

На уровне удовлетворения потребности в безопасности тоже может возникнуть кризисная ситуация любви. На этом уровне любящие ощущают свое чувство как защищенность. "С тобой мне ничего не страшно", – такую мы выбрали формулу для выражения этого состояния.

Может случиться, что ощущение "С тобой мне ничего не страшно", умножающее жизнестойкость любящего, обернется в душе и обратным "Мне страшно без тебя", превратится в лишение человека той самостоятельности, тех жизненных сил, которыми он обладал, пока не любил. Тогда возникает тягостная зависимость от другого, чувство потерянности в мире. Тот, кто сдается зависимости, становится рабом любимых, даже если рабства никто не добивался. Рабская зависимость рождает унижительное чувство невладения собой, и на этом фоне возникает опасность болезненных реакций, неоправданной требовательности, ревнивого чувства собственности, и борьба за право полностью распоряжаться личностью другого, от которых этот другой теперь готов бежать куда глаза глядят. Удовлетворение подобных притязаний в конце концов всегда оказывается нереальным и человек, попавший в зависимость, либо вечно воюет со своим душевным напряжением, молча и тягостно для себя, чтобы не выдать постыдного груза собственной несвободы, либо требовательно, но тщетно пытается утолить свою ненасытную жажду быть подле, ощущать поддержку, защиту, что, в свою очередь, начисто лишает партнера способности защищать. Зависимый человек – нервный до крайности субъект, и любить его трудно. Он обидчив, несправедлив, резок.

Однако, определенной доли психологической зависимости друг от друга не избежать в любви. Та боль, что возникает в сердце от одной только мысли об утрате любимой – надежная цепь, которой Афродита приковывает двух любящих друг к другу.

Не случайно М. Цветаева определяет чувство любви именно как боль:

ЛЮБОВЬ

Ятаган? Огонь?

Поскромнее, – куда как громко!

Боль, знакомая, как глазам – ладонь,

Как губам

Имя собственного ребенка.

Зависимость, ставшая неутолимой страстью, превращает общение любящих в сплошную нервотрепку. Тогда кризис и может перейти в умирание любви.

Я думаю, что большинство людей, полюбив, узнают и теневую сторону любви: И не у всех после такого периода мрака снова проглядывает солнце. Многие мужчины и женщины, один раз побывав в пропасти безвластия над собой, дают себе зарок на всю оставшуюся жизнь больше никогда никого не любить и принадлежать только себе самим. Последняя часть вывода не столь уж и плоха, а вот первая, думаю, – зряшный обет.

Выбираются люди из тягостных состояний, преодолевая их в себе и в другом, с твердостью и мягкостью, подключая на помощь ясную головушку.

Немало кризисов любви неизбежно ожидает любящих и при удовлетворении потребностей в эмоциональном контакте.

Есть на уровне удовлетворения потребностей в эмоциональном контакте опасность для любви пострашнее, чем просто несовпадение настроений. Дело в том, что одним из свойств человеческой психики является способность к адаптации, к привыканию к постоянным, даже очень сильным, раздражителям. И двое, наконец, привыкнув общаться друг с другом, неожиданно в один прекрасный день могут оказаться равнодушными друг к другу. Вспомните знаменитое Онегинское:

Я, сколько ни любил бы вас,

Привыкнув, разлюблю тотчас.
 Судите ж вы, какие розы
 Нам приготовил Гименей
 И может быть на много дней.

Онегин страшится мук, возникающих именно от необходимости постоянно общаться с человеком, который неизбежно станет в конце концов вызывать не радость и не печаль, а только скуку и скуку.

Так тоже будет – скучно будет рядом с любимым, иногда.

Отчего?

Психологи бьются сегодня над истоками возникновения и умирания человеческих эмоций и уже, пропагандируют открытия в печати, предлагая целый набор формул, раскрывающих механизм возникновения гнева, страха, горя, радости. Ищут и основной закон возникновения эмоций и их исчезновения. Как и все на свете, эмоции тоже имеют источник зарождения и причину умирания. Положительные эмоции, а следовательно и чувство счастья, возникают не тогда, когда полностью совпадают потребность и средства ее удовлетворения. Надевая от холода шляпу, человек не испытывает никаких эмоций, хотя налицо и потребность, и средство ее удовлетворения. Радость возникает только тогда, когда шляпы, скажем, вообще не было и голова мерзла, а теперь шляпа есть, а к тому же еще и модная, и красивая. По законам, открытым психологами, получается, что люди становятся счастливыми в любви, если то, что они получают от любимого, превышает их ожидания, и если в том, что им дают, у любящих есть потребность. А разочарование в любви возникает соответственно тогда, когда получаемое оказывается меньше ожидаемого. Видимо, людям не стоило так уж усердно стремиться к совпадению желаемого и действительного, ибо это прямой путь к адаптации, ведущей к равнодушию. Свои отношения в любви имеет смысл строить так, чтобы всегда оставалось нечто, еще не отданное. Это нелегко. Ибо разве возможно завести аптекарские весы и взвешивать на них щедрость, доброту, понимание друг друга? Придется любящим выдумывать, находить свои пути к творчеству счастья.

Когда психологи полностью откроют законы возникновения эмоций и распространят среди людей научные знания, любящим станет легче любить друг друга, а главное, легче сохранить радостную сторону любви.

А пока подчеркнем, что, имеет смысл не ожидать от любви сверхъестественного, стоит научиться не предъявлять к любимым самых высоких притязаний, как это часто случается. Своим любимым надо давать возможность легче дышать рядом с собой, жить, как им того хочется. Суметь бы только...

А вообще не надо бояться и периодов равнодушия друг к другу, нужно лишь находить в них зерна развития любви.

Стать на время равнодушным и тому, кто вызывал пока лишь одно очарование. Спокойно посмотреть – истинны или мнимы достоинства, которое нарисовало воображение. Разве не полезно?

Разве не ждут любящих тогда и новые открытия, новые источники "очей очарования", новые периоды влюбленности как результат и преодоления периода равнодушия?

Порой, правда, нужно, чтобы не сам любящий, а другой открыл красоту любимой, благородство любимого, некогда потрясшие тебя самого. И человек неожиданно снова замечает, что вовсе не надоело, что по-прежнему нет ему счастья, если не будет рядом любимого существа. Так умирают и возрождаются эмоции, умирает и воскресает, правда, не всегда любовь.

Но если заикнуться в отношениях на ровном спокойном равнодушии друг к другу, и – ни радостей больше, ни печалей, то – прощай, Любовь! На таком эмоциональном фоне Волшебница зачахнет. Ибо равнодушие – антипод любви, прямая ее противоположность. "Без размолвок недолго длится любовь", - такой парадокс заметил Овидий.

А сколько скрыто опасностей для любви там, где любящие ждут друг от друга признания, возможности полностью выразить себя!

Наверное, это самый опасный для любви уровень общения. Уже на эмоциональном уровне может возникнуть равнодушие, а оттуда оно может обернуться потерей и интереса друг к другу: не интересно станет знать, о чем думает любимая, неважно, как оценивает меня, дела мои, поступки. Покажется, будто и я ее, голубушку, давно изучил, все ее реакции наперед предсказать могу, а меня ей все равно не понять, в этом я убедился.

Кризис? Да еще какой!

Кризис может быть и ложный, продиктованный дурным настроением или усталостью. Кризис может быть и следствием притирки характеров или переживаемого душевного перелома. Ложным бывает кризис, если есть понимание и признание, но ощущение понимания ушло.

Но может быть и хуже. Соединит любовь двух людей различных мировоззрений. Соединит, а потом вдруг крутой поворот судьбы – и различия вспыхнут с разрушительной силой.

Не всегда столь драматично, как взрыв, рушится понимание. Иной раз капля точит камень: там не понял, тут не поддержал, потом ненароком исказил облик любимого человека, ударил по самолюбию – и глядь, в один прекрасный день делается открытие – мы разные люди. И пути назад, кажется, ~:уже и нет, не приняли любящие друг друга, и вместо поддержки и понимания перешли к сплошным выяснением отношений на тему: "Кто ты? Кто я? Давай, разберемся". Бесконечные, бестолковые, бесплодные попытки переделать друг друга, перетянуть на свою сторону жизни заполняют общение двоих – наступает война, тихая, изнурительная и часто совсем бесполезная. Плохо тогда людям.

Хотите улыбнуться? Однажды один тридцатилетний мужчина надумал в течение года подсчитать количество упреков своей жены в его адрес. Получилось 1100 упре; в, по три в день по самым разным поводам. То вдруг не нравилась внешность мужа, потом его интеллектуальное развитие – не достаточное по мнению жены, потом его ругали за маленькую зарплату и т.д. и т.п. Каждый день возникала своя причина. Если бы на такой подсчет решилась женщина, то рекордсменами оказались бы может мужчины, они тоже умеют быть нудными и вечно всем недовольными. Пример приведенного выше бухгалтерского подсчета привел Т.Лисовский в книге "Жить достойно". [Колл. авторов. М. 1984]. На таком фоне разве возможно понимание?

В чем источник кризисов понимания?

Их много. Порой кризис заложен в любовном общении двоих, ибо различен потенциал развития, разный уровень богатства душевного заложен в каждом из любящих – она станет актрисой, а он будет квасить капусту, так как в душе хороший хозяин и не больше. Это в будущем. А пока оба играют деревенскую свадьбу, на всю округу наварив хмельной бражки.

Люди ведь всю жизнь развиваются, но не всегда одинаково, хотя и живут рядом вместе, любя. Меняются люди друг подле друга, а врозь.

Другая причина – тот скрытый компромисс, на который сознательно, или несознательно, пошли любящие во имя своей любви.

Вот он, знающий свою любвеобильность и не помышляющий быть верным, спрашивает молодую жену: "Ты ведь не будешь меня ревновать?" А она, лежа в его могучих руках, убаюканная его нежностью, тихо соглашается: "Не буду. Ты ведь меня любишь." Оба друг друга поняли и приняли, так кажется. Но вот она ловит его жаркий взгляд на другую и неожиданно, против воли, в ней взрывается такая тревога и боль, что все благие намерения не просто ведут, а прямо-таки несут ее в ад ревности. А он злится, и кажется ему, что она его обманула, не выполнила свое обещание. Она отнимает у него мимолетные радости. Так обнаруживается, что у обоих были разные, почти противоположные установки на создаваемый любовный союз. У него – иметь жену, не став ее верным мужем, у нее – превратить любимого в нормального, как у людей, мужа, и чтобы нисколько не был похож на гуляку, и чтобы в кино, и на базар непременно вместе, всегда вместе. Обнаруживается, что ни он, ни она не приняли, по существу, жизненных установок другого. И этот подсознательный обман легкой тревогой всегда жил в их сердцах, заглушаемый тем счастьем, что оба дарили друг другу. А теперь, при его взгляде на другую, ее ревность и его разочарование, лавиной нарастая, преграждают обоим путь друг к другу, громоздя упреки и подозрения. Приятия друг друга так и не было, оно только пригрезилось.

Но легко анализировать со стороны. А вот кто сможет сказать себе: "Стоп!. Нельзя целовать

столь прелестное личико, нельзя пить слезы из сердитых глазенок, ведь нам все равно не понять друг друга. Впереди катастрофа". Кто сможет, если влюблен? Да и разве выбирают себе любимых так же, как покупают лошадей – чтобы и зубов полон рот, и копыта на месте?

И кто может знать с математической точностью, что не изменятся двое: то ли она станет Как он, то ли он станет, как хочет она. Кто это знает, если влюблен?

Или, быть может, потребовать от Марютки, чтобы не любила она своего Синеглазика, потому что он, ее Синеглазик, классовый враг? Не любить красивого, доброго, умного, которому она была нужна и с кем стало ей тепло на холодном безлюдном острове?

Нет. Любовь будет торжествовать, поднимая человека до неба, и будет терпеть поражения, валить человека с ног. Она будет умирать, если нарушена ее гармония. Но общих рецептов здесь нет.

Противоречие между сердцем и разумом – одно из самых распространенных источников кризиса любви, воспетое и оплаканное многими писателями и поэтами прошлого и настоящего. "Всякая любовь истинна и прекрасна по-своему, лишь бы только она была в сердце, а не в голове" – заметил В.Г.Белинский. И он же писал: "Сердце имеет свои законы - правда, но не такие, из которых легко было бы составить полный систематический кодекс".

И действительно, разве не бывает так, что любовь свою человек вынашивает только в голове, а в сердце его – мрак и хлад? Не расцветают в холодном сердце хрупкие цветы нежности, не пускает в сердце корни горячая страсть, нет в нем побегов доброты и милосердия. Пустое сердце, а голова шумит: "Люблю, люблю, люблю". Разве с этим мы не встречались?

И наоборот – еще не осознана любовь, еще нет ей места в голове, а сердце уже стучит: "Люблю, люблю, люблю", и замирает, и холодеет, и обдает горячими волнами счастья? Бывает? И так бывает.

Голова и сердце, чувство и разум – их борьба и согласие составляют историю кризисов не одной любви. Но прав Мольер, когда восклицает: "Не рассудок управляет любовью!" Нельзя полюбить головой. Если бы выбор в любви решался только волею и разумом, тогда любовь не была бы чувством и страстью. "Присутствие элемента непосредственности видно в самой разумной любви, потому что из нескольких равно достойных лиц выбирается только одно, и выбор этот основывается на невольном влечении сердца," – писал В.Г.Белинский. И продолжал: "У человека это чувство зависит не от головы, у него оно – естественное, непосредственное стремление сердца к сердцу."

То, что в XIX веке обозначали "сердцем" мы сегодня называем эмоциональной сферой психики человека, в которой из мозаики самых разнообразных эмоций складывается многообразие чувств человека. А "голова" – это сфера мыслительной деятельности человека, очень сложная сфера, со своими этажами, непохожими один на другой – тут абстрактное и образное мышление, весь дух человека.

И любовь, конечно, есть чувство. В этом смысле сто раз прав В.Г.Белинский, когда подчеркивает – без чувств нет любви. Не может любовь быть бесчувственной, на то она и любовь. Но любовь в то же время и не "безмозглое" состояние. Любящий осмысливает свое чувство, оценивает свою возлюбленную и иначе он не может, ибо любовь целостна. Она включает и мысли, и чувства человека, всего его в орбиту любовного полета.

"И любить и быть мудрым невозможно", – полагал Ф.Бэкон, выразив распространенный постулат. Однако именно любовь требует от любящих очень много мудрости. Но мудрость любящих не есть рассудочность в торгашеском смысле, она не умение манипулятора расчетливо продумывать каждый свой шаг как в шахматной партии. Но это и не просто загадочная мудрость сердца, которое верно подсказывает само не зная как, опираясь на интуицию. Наверно мудрость любви есть сплав сердца и разума, мысли и чувства – то, что присуще любому творчеству, что бы не думали о научном творчестве участники давнего бессмысленного спора между "физиками" и "лириками" много лет тому назад.

И более всего мудрость нужна в кризисах любви.

Если сердце и разум в постоянном противоборстве, то любовь существует как негармоничная. Такой она родилась, такой и умирает. Именно в негармоничной любви "как и в

ненависти, могут быть соединены самые разнообразные чувства: и страдание, и наслаждение, и радость, и печаль, и страх, и смелость, и даже гнев и ненависть", – писал К.Д.Ушинский. В негармоничной любви не миновать приступов взаимной неприязни и болезненного выяснения отношений. Но любить "того, кто очевидно нас ненавидит, не в природе человека," – предупреждает Г.Фильдинг. А посему тяжкие часы выяснения отношений, в которых у каждого за пазухой тяжелые камни злобности, не помогают сохранить любовь. И чем чаще наступают периоды взаимной ненависти, тем скорее умрет любовь. Любви нужно тепло и жар сердец, а если это пламя уже похоронено под пеплом недобрых чувств, то любовь уйдет. "Любовь как огонь, – без пищи гаснет," – писал М.Ю. Лермонтов.

И вообще, у любви свои измерения. И время свое, обычному счету не подвластное, и пространство свое, своими мерками измеряемое.

Есть свои измерения и у конца любви, неожиданного и бесповоротного. Любил, любил человек, терпел, ненавидел, сомневался, верил и не верил, доверял и надеялся – и так долгие мучительные годы длится некое состояние невесомости, счастливое и несчастливое, легкое и тягостное, парение между небом и землей. И так каждый день. И содрогалась все время любовь от обид, и ликовала от радостей, а более всего держалась на надежде, на вере, что будет когда-то иначе, лучше, без мук ревности, без периодов непонимания. Такова негармоничная любовь во всем ее многоцветии, где красное и черное – все перемешано.

Долго так длится. И если зараженный негармоничной любовью обратился бы к врачу-невропатологу, тот наверно поставил бы диагноз расшатанности нервной системы. И был бы, возможно, прав. А между тем, лекарство от этого состояния есть, и не химическое – это время, терпение и труд души. Подспудно, сам того не зная, человек все равно идет от большой любви к здоровью, к исцелению от душевного недуга. И хотя кажется ему – смерть его любви это и его кончина, но на самом деле это не так. Умрет его любовь, и воскреснет несчастный снова для жизни, снова для радости, даже для новой любви воскреснет, если, конечно, не скажет себе: все, конец, теперь от любви только бежать и бежать. Умирает любовь и, как правило, навсегда, не воскресить никакой живой водой. Да и правильно это – уж коли любовь родилась негармоничной, той, что счастья полного не дает, а мук зато – в полную меру, да и с избытком. Зачем такая любовь мыслящему, творящему существу, имя которому – Человек?

Я не знаю, насколько любящему удастся самому изгнать из себя мертвящий дух несчастливой любви, но дождаться ее кончины ему под силу. И умрет его беда сама собой, и произойдет это в один прекрасный день, неожиданно и по самому пустячному поводу. Ни громы небесные громкого выяснения отношений, ни всемирные потопа нескончаемых слез и упреков, ни с трудом добытое знание правды, или ее неожиданное открытие, нет, вовсе не такие потрясающие душу состояния или события способны сразу умертвить любовь. И в смерти у любви тоже, свои измерения – только капля, именно капля, неизвестно какая и неизвестно откуда взявшаяся, переполняет вдруг чашу терпения, и любовь стремительно схлынет, мгновенно, вся, капля за каплей, несущиеся единым потоком. И тогда уже не наполнить пустой сосуд живительным напитком пережитой любви. И легко тогда на сердце от этой весенней капли. Легко, освобожденно.

Что же в той капле? Что за яд в ней, мгновенно убивающий многолетнюю больную любовь? Я не знаю, что в ней, но знаю, что, из любви улетучилось. Знаю, чего больше нет в эти освободительные часы в только что еще любившем человеке – нет в нем доверия и нет никакой надежды на ответную любовь. Нет, и все тут.

И тогда глаза, еще миг назад ослепленные любовью, приобретают второе, очень зоркое и очень трезвое зрение. Ничто уже не дорисовывают, ничто невидимое не видят – все как есть, без воображения. И стоит тогда человек, некогда любимый до беспамятства, так что память все никчемное о нем топила в своих пучинах и всплывать тяжелому не давала, стоит он – гол как сокол, видимый во всех его действительных достоинствах и действительных недостатках. Стоит без ореола, без сияющего нимба любви вокруг только что такого прекрасного чела. Стоит рядом он, некогда любимый, в качестве обыкновенного человека, каких тысячи из тысяч, и вовсе он уже не единственный, вовсе уже не неповторимый. Кончился пьянящий сон любви и любивший

человек, наконец, проснулся.

И может быть этих пробуждений будет и несколько, но главное в том, что возврата любви уже нет. Еще можно ревновать, но и это скоро пройдет. Все пройдет, все действительно позабудется израненным сердцем. Голова сохранит, а сердце откажется откликаться на сигналы памяти. Оно не просто бастует, это не саботаж измордованного сердца – это его выздоровление, ибо зарубцевались кровоточащие раны и снова открываться они не собираются – затянулись прочным, вечным рубцом. И памяти ничего уже не поделать с закалившимся, оставшимся живым и во имя жизни отказавшимся любить сердцем.

Хорошие люди, наверное, останутся друзьями, а друзья их будут еще долго воспринимать их дружбу как скрываемую от постороннего взгляда любовь. Но... трезвость знания друг друга, теперь, наконец, наступившее приятие одного другим со всеми его "потрохами", лишило некогда любивших горячего дыхания любви. Этот тайфун, наконец, пронесся мимо, вместе с пониманием и признанием унеся доверие и надежду, захватив все, разрушенное любовью, оставив людей в полном покое друг от друга. Возвращающееся потом доверие приходит к людям уже в ином качестве – это доверие друзей, но не доверие любви.

В общем, когда любящие ждут и требуют друг от друга понимания, приятия себя такими, какие они есть, то, по существу, они ошибаются в выражении своего ожидания, искренне ошибаются. Ибо в любви понимание тоже имеет свои измерения – это понимание всего лучшего, это способность и недостатки перекрашивать в радужные цвета и таким понять человека – осветленным, прекрасным, каким каждому хотелось бы быть. Любовь это умеет. То счастье, что дарит она любящим, и есть та волшебная краска, коей любящие окрашивают образ любимых.

И если кому-то покажется, что на этих страницах я путаю любовь и влюбленность, рисую не гибель любви, а конец состояния влюбленности, то он не прав. Нельзя разграничивать любовь и влюбленность на два полюса или на два периода отношений любящих людей. С влюбленности обычно начинается любовь, а если она началась с дружбы, то появление чувства влюбленности и есть сигнал начала любви. Это действительно так. И любовь действительно не состоит из сплошных состояний влюбленности – так тоже не бывает. Но я уверена: без периодического восстановления сладостных эмоций обоюдной влюбленности также нет любви. Влюбленность – блистающая вершина любовного чувства. Конечно, не каждая влюбленность приводит к любви, но каждая любовь сопровождается влюбленностью, хотя бы периодически наступающей. Иначе какая же эта любовь?

И когда кризис понимания и признания уничтожает влюбленность, то вместе с тем он убивает любовь.

"Мы знаем, что любовь сильна, как смерть; зато хрупка как стекло", – предупреждает Г.Мопассан.

И на уровне удовлетворения сексуальных потребностей любящих тоже поджидает немало тревог и забот. Это только в кино и сказках хэппи энд наступает с первой брачной ночью, после которой жили они счастливо и умерли в один день. А в реальной жизни нередко теперь только все проблемы и начинаются.

Накал желания, что голову кружит и пьянит от одного только предвкушения или воспоминания о пережитом счастье – сохранится ли это пьянящее чудо до конца дней любящих? Если да, то почему не у всех так, а если нет, то как же сметь любить? И если ушло чудо слияния с любимым, то как жить дальше? Снова искать любимого, но уже другого? А если и с ним скоро пройдет? Или дисциплинированно остаться при жене, предоставив ей заботу о доме и о чистых мужниных рубашках, а самому принять жизнь такой, какой ее делают тысячи и тысячи мужчин – искать головокружения у других женщин? Если даже ученые открыли, что эйфория влюбленности охватывает людей не более, чем на 3 – 4 года?

И если путем измен идет не каждый человек, то все же современные люди хорошо знают, что сексуальный интерес друг к другу в любви – величина не постоянная. У чувственности свои взлеты и падения, в зависимости от утра или вечера, зимы или лета, юности или старости, и кто знает, от чего еще. Неизбежны сшибки состояний, противоположности настроений, разница

желаний.

У современного человека есть еще одна проблема, там, на этом уровне потребностей возникающая – проблема беременности. Если детей еще не надо, или их больше уже не надо, как любить гармонично? Страх беременности холодным камнем преткновения ложится поперек дороги к гармонии двух человеческих тел. Спросите об этом молодых, и они расскажут страшные сказки из не сказочного бытия, сказки о тысяче и одной ночи, которые не состоялись.

А комплексы всепобеждающей стеснительности, страх полной раскованности или неумение доверить себя другому существу, все от неопытности, которая может продлиться всю жизнь?

Пресыщение и голод, отдача друг другу по мельчайшей искорке желания и неотдача на самом высоком напряжении страсти – сколько перебитых состояний, спешек или опозданий, очарования и разочарования ожидает человека на воспетои ниве Любви.

Волшебная чаша, если не уметь из нее пить, может наполниться ядом, и сделать человека несчастным, потерявшим способность и желание ощущать сладостный вкус волшебного напитка.

Перечитайте пушкинскую "Сцену из Фауста" и вы увидите в ней один из вариантов неумения с наслаждением пить любовное зелье.

"Мне скучно, бес" – так начинает Фауст сцену у моря. А ведь Фауст только что был на свидании с Гретхен, держал ее в своих объятиях, любил. Казалось бы, Фаусту уж если и умирать, то только от счастья, а ему – смертельно скучно. Мефистофель сперва пытается утешить Фауста общими рассуждениями о скуке вообще. Но Фауст нервничает. Не в том дело – ведь ему скучно любить, и это его мучает. Мефистофель понял, что творится в душе Фауста:

"И знаешь ли, философ мой,
 Что думал ты в такое время,
 Когда не думает никто? Сказать ли?
 Ты думал: агнец мой послушный!
 Как жадно я тебя желал!
 Как хитро в деве простодушной
 Я грезы сердца возмущал! –
 Любви невольной, бескорыстной
 Невинно предалась она...
 Что ж грудь моя теперь полна
 Тоской и скукой ненавистой? ..
 На жертву прихоти моей
 Гляжу, упившись наслажденьем,
 С неодолимым отвращеньем..."

Вот так. Любил, жаждал вкусить, а в результате не Любовь в груди, а отвращение. Другие люди в это время переполнены счастьем, чувством благодарности за радость, пережитую вдвоем, в них рождается новое ощущение бесконечной близости, абсолютного понимания друг друга. А Фаусту скулы сводит от скуки и отвращения.

Отчего так?

Причин может быть много. Во-первых, по словам Мефистофеля, Фауст из тех, кто "думает в такое время, когда не думает никто", а потому Фауст, возможно, и не сумел полностью отдаться волнам своей чувственности, не сумел раствориться в объятиях любимой им Гретхен и не испытал тех вершин блаженства, которые сулило ему его воображение. И в результате – разочарование вместо радости. Так может быть и так бывает. Ведь любви еще надо учиться.

А может быть, пушкинский Фауст в силу своей молодости и неопытности так долго в течение любовной ночи любил тело своей возлюбленной, что не мог не испытать пресыщения? А потому и мучился, сам не зная отчего. И так может быть. Но и это преодолимо.

А может быть, пушкинский Фауст еще не испытывал чуда слияния с Гретхен – то ли из-за ее скованности, то ли из-за собственной неуверенности, и потому заскучал после ночи любви, потеряв уверенность в себе? Так тоже может быть. И возможно, Фауст подойдет отныне по свету

искать ту женщину, которая подарит ему чудное мгновение какого он сам еще не знает. Не с Гретхен будет он стремиться преодолеть свои разочарования, не с первой своей любовью, а с другими, еще неизвестными, покинув возлюбленную недоумевающей и несчастной.

Не с Гретхен, а с Мефистофелем говорит Фауст о своих проблемах любви – и в том его роковая ошибка. Не любимую, а врага человечества вопрошал он о сущности любви. И если не сумеет Фауст довериться возлюбленной, если так и станет метаться, то и оставит такой современный Фауст позади себя горы разбитых женских сердец, а в недавние годы и груды заявлений во всяческие инстанции за свое "аморальное поведение". В XIX веке многие поэты именно такого рода страдания любви и описывали в своих стихах. Ведь счастливые люди гораздо реже берутся за перо, чем несчастливые, а секс в те времена был общественно презираем, что само уже создавало внутренний конфликт как источник подобных проблем. Вот и получилось, что дисгармония в любви уже хорошо известна из литературы, но менее известно, что она – вовсе не норма. И боится теперь иной юноша пригубить из волшебной чаши, чтобы любовь его не стала отвращением, – зря боится, но именно страх загоняет его в тот же капкан.

А в какие капканы попадают женщины, любящие таких скучающих Фаустов! Страдание, страдание и страдание – вот их удел. А когда страдание побеждает любящего, он теряет способность любить. Не любовь, а депрессия царит тогда в его сердце.

Депрессия... Это тяжелое бремя любви, ее теневая сторона, которую познают многие влюбленные. Депрессиями любовь страшит людей, из-за них люди боятся отдаваться любви. Между тем, Б.Рассел предупреждает: "Любви бояться – означает бояться жизни, а кто жизни боится – тот уже на три четверти мертв". Но ведь и депрессивный человек тоже чувствует, что он почти мертв, и мертвым сделала его дисгармоничная любовь, от нее на него такое страдание навалилось – такое, что нет уже сил выносить ни боль свою, ни саму жизнь.

Эту опасность, таящуюся в любви, надо знать. И отнестись к ней без паники, по возможности спокойно. Депрессия – естественная реакция на неудовлетворенность потребностей любви, и в первую очередь потребности в сексуальном контакте. Врачи и психологи уже хорошо изучили механизм возникновения депрессии в ситуациях сексуальной дисгармонии, когда по тем или иным причинам нет радости в любовном объятии. Предупреждают они и об опасностях безответной любви -когда один жаждет нежности, а другой не одаривает теплом, так как не любит. Тут все совершается как в душе ребенка, когда ему не дают или отнимают любимую игрушку. Горе, слезы, несчастье. Но если дети умеют быстро и безболезненно переключаться на новые радости и новые желания, то любящие часто теряют власть над собой и "заклиниваются" на желании достичь недостижимое. А постоянное напряжение любовных желаний без счастливого исхода и создает почву для депрессивных переживаний, "застрывать" на которых – опасно.

Депрессия – враг номер один гармонии любовного союза. Черные тучи обиды и боли, трясина страданий загоняют эротические эмоции на темное дно души, лишая человека возможности радовать собой.

Страдания – тоже источник кризисов любви. В страданиях многосторонне проявляется личность каждого любящего, а потому люди по-разному проявляют себя в качестве страдающего и по-разному воспринимают страдания другого. Но итог обычно один – омертвление чувственности.

Есть любящие, которые прячут свою боль и обиду от любимых, пытаются один на один справиться с тягостным состоянием. И если в подобных установках много благородства и человеческой силы, то, тем не менее, не изжитые до конца обиды и подозрения, не выпущенная на волю злость зачастую накапливаются в человеке подобно ядохимикатам и, порой совершенно неожиданно, накопленное зло громами и молниями прорывается наружу даже у очень спокойных и терпеливых людей, или исподволь, медленно, но верно, отравляют душу любящему.

И общение со страдальцем становится скованным до предела, а близость – экзальтированно-невротической.

И если рядом с любящим, привычно глотающим своих крокодилов, оказывается такой же глотатель своих шпаг, то отчуждение любящих друг от друга можно предсказать со значительной степенью вероятности. Время лечит, но не всегда "в направлении" любви. Ведь каждый так и

остается один на один со своими горестями и становится для другого чужим и неразгаданным, непонятным и неожиданным. Не наступает душевного единения, нет доверия, столь необходимого для любовного слияния.

Есть любящие, которые наоборот, любовь, самую малую обиду или злость раздувают до вселенского пожара с громоподобным выяснением отношений. Не так ступил, не то сказал – и бух в слезы, плач взхлеб, как обиженный ребенок. В таком поведении, может быть, и много искренности, и чувствительного любящего такие сцены до поры до времени кидают к ногам любимых, дабы утешить и пожалеть. А наступающее примирение столь сладостно и светло, что в следующий раз, кажется, имеет самый прямой смысл повторить все сначала.

Но и в не сдерживании отрицательных эмоций, в полном психологическом нагишании друг перед другом также таится опасность потери любви. Во-первых, рано или поздно любящий привыкает к слезливым сценам, которые могут разразиться в самую неподходящую минуту и вызвать лишь досаду и злость. А кроме того, скоро не останется никаких тайн между любящими, никаких загадок, которые столь сладостно разгадывать. Все постоянно выплескивается наружу, – кстати и некстати, – и требует ответной, любовной сексуальной реакции, которую вскоре даже настойчивым потоком слез уже не вызвать.

Как же быть?

Каждый решит сам. Видимо, нужно всегда помнить себя таким, каким человек был в самом начале своей любви, когда вызвал ответное чувство. Человек не был тогда ни зависимым до потери своего "Я", ни потребителем чужой жизни. Так зачем же таким становиться в любви? Зачем делать из жизнерадостного человека нытика, из сильного слабого, из доброго – злого? Из чуда слияния – акт утешения?

Короче, и в страданиях человеку необходимо сохранять себя и беречь обоюдную любовь.

Однако, многие люди привыкли мерить силу своей любви мерой своего страдания. Чем больше страдание, тем больше и любовь – так гласит постулат. Однако, вряд ли он верен. Вряд ли благодатен для любви. Страдание особенно бесконечно и бездонно, если человек сдался обиде, ревности, гневу и становится безвольной добычей отрицательных эмоций. Отсутствие желания выйти из депрессивных состояний загоняет страдальца в невроз. И больной человек измеряет теперь силу своей любви степенью своего невротизма. Но разве это любовь?

Нервный до крайности человек, столь нуждающийся в ласке и успокоении, сам отталкивает от себя и, воистину, оказывается в настоящей ловушке.

Не в этом ли кроется психологический секрет, например, трагедии Чацкого – возбужденного, неврастенического человека, именно невротизмом поведения пугающего Софью? И не в том ли секрет торжества Молчалина – эмоционально уравновешенного, коммуникабельного и любвеобильного человека, солнечностью натуры не давшего умной Софье почувствовать отсутствие в ней глубинного чувства? Возбужденный ум Чацкого в этом поединке оказался не в состоянии победить эмоциональное здоровье Молчалина. Не потому ли случается что женщины не так уж редко, подобно Софье, предпочитают иным умным мужчинам явных дураков, если у последних здоровая нервная система, гарантирующая счастливую сексуальную близость? И не по той ли самой причине мужчины предпочитают иным умным женщинам откровенных дурочек?

Но где же выход? Неужели любовь – западня?

И да, и нет. Еще раз подчеркнем – все зависит от личности любящих, от умения и навыка властвовать собой, управлять своими эмоциями, сохранять психическое равновесие. Но до тех пор, пока в сознании любящих будет царить представление о том, что чем глубже страдание, тем глубже и любовь, у человека будет опасность катиться в беду с неудержимой силой, поскольку сильно любить хочется каждому. "Я так страдала!" – одновременно жалуется и хвастается подруга подруге, повествуя о великой своей любви, что любовью уже и не была, а одной лишь невротрепкой – своей и чужой.

Миновать опасность невротизма в любви – задача обоих любящих. Помочь друг другу, поддержать ослабевающего -обязанность любви. Но в первую очередь каждый из любящих в отдельности имеет четкие обязательства и перед самим собой – не стать тряпкой в руках другого, не потерять способность опираться на самого себя. Таким он вызвал любовь, таким ее может

сохранить.

Возникновению гармоничной любви мешает и установка на то, чтобы строить любовные отношения не на том, что действительно есть и уже связывает двоих в настоящем, а на том, что могло бы быть в будущем, но никогда еще не было. Ожидания людей тогда чрезвычайно велики и светлы. Любимый существует больше в воображении, в сказках сердца, чем в реальной жизни. И поступки от возлюбленных ожидаются не те, что соответствуют их действительному характеру и жизненным позициям, а тому что родило воображение влюбленной. В результате становятся неизбежными катаклизмы несоответствий между тем, что есть, и тем, что ожидается. А поскольку по свету бродит немало людей, готовых поддерживать иллюзии о себе самих, то бедствий в таких отношениях не счесть. Любящие, попавшие в петлю любви, построенной только на ожидаемом светлом будущем, а не на реальном настоящем, часто стремятся в страстных объятиях преодолеть несовпадение желаемого и действительного, пытаются в эротической близости черпать душевное равновесие. Порой сексуальный мост действительно воздвигается между людьми и не сразу даже рушится. Но мост построен над пропастью и рано или поздно это обнаруживается. Но до тех пор – вечные ожидания и редкое их осуществление, постоянное напряжение и считанные минуты отдохновения. Человек вынужден все время думать о другом и в результате принимает свой плен за любовь. А поскольку и в песнях поется, что "любовь все преодолеет", любящие долго барахтаются в пучинах ожиданий и разочарований. А потом порой начинают друг друга ненавидеть за неизбежное разочарование.

В заключение отметим, что кризисы любви могут иметь и еще один источник – неравенство чувств, "обмениваемых" людьми. Один идет навстречу другому с любовью, а другой может предложить только дружбу. Разве так не бывает? Негармоничность общения заложена в таких отношениях. Или – один идет на брак с любовью, другой – без любви, разве и это редкая ситуация? За кем окажется победа в изначально неравном браке? За любовью? За нелюбовью? Кто предскажет? Но в таких отношениях также первоначально заложено противоречие, чреватое кризисами любви.

А разве не бывает, что один относится к связи как к легкой, а другой принимает ее за любовь? И в этом случае кризисов любви не миновать. Да и легкая сексуальная связь имеет множество разновидностей. В чрезвычайно насыщенной сведениями и многосторонней по содержанию книге "Вкус запретного плода" Игорь Кон выделяет несколько видов сексуального поведения: секс, цель которого только разрядка физиологического полового возбуждения, когда, по существу, безразлично кто партнер; секс для чувственного наслаждения, в котором большую роль играет игра и новизна эротической техники, а наслаждение партнера служит средством для увеличения собственного наслаждения; секс ради удовлетворения полового любопытства, когда партнер служит объектом познания; секс как средство самоутверждения, чтобы доказать себе или партнеру свою сексуальную привлекательность; секс как средство для деторождения, тогда в партнере важны его физические или общественные качества, престижные для производства потомства; секс для достижения каких-то вне секса лежащих материальных целей, когда в партнере важны его положение в обществе, мнение о нем окружающих; секс как ритуал или привычка, когда целью секса является подтверждение стабильности отношений с партнером при отсутствии гаммы эротических желаний; секс как компенсаторское поведение с целью, "преодолеть" бедность эмоциональной сферы или свою агрессивность, что, однако, не дает радости и удовлетворения; и, наконец, секс, имеющий целью выход из одиночества через глубоко интимное общение и слияние двоих в единое целое, что, согласно И.Кону относится к половой любви. Так что и в легкой сексуальной связи люди могут "обмениваться" неодинаковым, неравноценным, что тоже чревато кризисами.

К сказанному надо добавить, что отдельные моменты названных разновидностей секса так или иначе могут быть вплетены и в любовное общение, одни в театре любви, другие в периоды кризисов любви. Так злобно ревнующий мужчина может потребовать от любимой женщины удовлетворения его сексуального желания, но в этом акте не будет любви, одно лишь самоутверждение и насилие с целью удержать женщину беременностью. А любящая пара, заметив, что в секс вкралась привычка, вполне сознательно могут устроить себе игру, чтобы

добавить пряностей в княжескую трапезу. Да и в первом любовном объятии неизбежно волнующее познание-открытие друг друга и т.д. и т.п.

А если к тому же учесть, что из дружбы может вырасти любовь, что брак по любви может превратиться в брак без любви, а легкая связь перейти в отношения любви, то общение мужчины и женщины покажется весьма запутанным и более чреватым кризисами, и меньше наполненным искомой гармоничной любовью. Разве не так?

Театр любви

Гармония на чувственном уровне все же не спасает людей от кризисов любви. Любовь ведь чувство цельное, ее нельзя разрубить на кусочки и наслаждаться каждым в отдельности. Все в ней переплетено и перемешано, все связано и взаимосвязано.

В отношениях любви как бы встречаются, взаимодействуют и сливаются две любви – его и ее любовь, которые возникли у обоих, а не только у одного, и которые сплетаются в одну – общую на двоих любовь. Сперва любовное чувство возникает, быть может, и ощущается только как тонюсенькая нить, незримо связывающая двух людей, все ближе и ближе притягивающая одного к другому. У каждого ниточка еще своего цвета, своя собственная, на она уже опутала другого и притягивает обоюдно. Постепенно связующих нитей становится все больше и больше, они протягиваются от одного к другому на разных уровнях человеческих потребностей общения мужчины и женщины, пока не совьются и не перепутаются в такой единый клубок любовных отношений, в котором трудно вычленишь, где твое, а где мое, где твоя любовь, а где моя, чья больше и чья меньше, ибо она одна на двоих, общая любовь мужчины и женщины.

А поскольку каждый человек в чем-то неповторим и всегда многообразен, то двое и создают свой, индивидуальный клубок любви, гармоничную или негармоничную любовь – как у кого получится. Что при этом происходит не простая стыковка и переделка черт характера, выработка общих жизненных позиций и взглядов на себя и других, самоочевидно. И ясно также, что без кризисов любви в этом творческом процессе не обойтись.

Огромную роль в сложных и противоречивых процессах стыковки двух характеров в один, во имя создания одной общей – для двоих любви, играет то ролевое поведение, которое каждый привносит в свою любовь и ожидает от другого.

Дело в том, что любовь – отношение деятельное, активное. Она включает поступки, требует действий двух любящих людей по отношению друг к другу и каждый выражает свою любовь через целый комплекс поступков, соответствующих той роли, которую он играет или готов сыграть в любовном союзе.

Здесь как в театре: хочешь – не хочешь, а свою роль, которую тебе дали, сыграй. Редко любящие, как и артисты в театре, выбирают свои роли только сами. Роли предопределяются обществом, их придумывает семья, их сочиняют друзья, их исполняет каждый из любящих. И сегодня существует немало любовных ролей, которые изначально чреваты кризисами любви, таят в себе опасность ее смертельного исхода.

Рассмотрим ряд отношений любви, которые чреваты кризисами в силу неравенства ролей двух любящих друг друга людей.

Опасность кризисов ожидает любовь, когда мужчина или женщина проявляют свое чувства как постоянные, беспощадные к себе и другому исследователи.

Полюбив, исследователь ежесекундно наблюдает себя и любимую, ставит эксперименты над собой и ею, узнает – как поведет она себя в ссоре, как в радости. Он не ссорится взахлеб, не радуется бездумно, не отдается полностью в близости – он вечно анализирует свою и чужую души.

Такая позиция имеет несколько корней.

Она может быть вызвана любопытством жизнелюбивого человека, которому надо не только чувствовать, но и знать, жить не только сердцем, но и умом. В этом смысле исследовательскую

роль берет на себя каждый из любящих и она всегда присутствует в гармоничной любви.

Хуже, когда естественное стремление к анализу своих состояний превращается в исследовательский зуд, вызванный эмоциональной пустотой, омертвлением сферы положительных эмоций.

В этих случаях начинающий любить непрерывно анализирует свои и чужие состояния, дабы работой ума компенсировать эмоциональную глухоту и оживить чувства.

Позиция исследователя также может быть порождена чрезмерным неудовлетворенным тщеславием, потребностью постоянно самоутверждаться в собственных и чужих глазах, для чего и служит исследование своих и чужих состояний, дабы найти путь к господству в любви.

Наконец, исследовательская позиция в любви, при которой человек больше анализирует, чем чувствует, часто встречается у людей, неуверенных в себе, наделенных определенными чертами комплекса неполноценности, что ведет их к вечному самоанализу и вечному сравнению себя с другими, наблюдающими их.

В чем бы ни таились истоки исследовательской позиции в любви, результат всегда один и тот же – человек, любящий таким способом, постоянно трагически раздвоен на живущего и наблюдающего жизнь. И если это качество в целом в определенной мере присуще всем людям и без него человек не человек, то анализатора раздвоение лишает цельности в проявлениях своей любви, мешает раскованно плыть по течению чувств к эмоциям. Не любовь, а сплошной анализ и выяснение отношений. Рядом с таким мужчиной женщина вскоре обнаруживает, что ежесекундно находится под микроскопом. И если наблюдательность родного сперва и покажется проявлением чуткого интереса к ней, то постепенно женщина все же устает от той наблюдательной вышки, которая всегда присутствует при общении с дорогим ей мужчиной, и с высоты которой анализируется – в уме или вслух – каждый ее шаг, каждый вдох и выдох. Вместо полной раскованности общения двух близких людей появляется психологическая напряженность, приводящая в конце концов к скованности-перескованности обоих любящих. Однако, как правило, интерес друг к другу не исчезает, – он даже может нарастать, – общение продолжается, хотя встречи все реже становятся счастливыми.

А исследователь продолжает свое дело. В редкие минуты душевной и телесной близости он, подобно браконьеру, прокрадывается к самым заветным тайникам и слабинкам чужой души и, вернувшись на свой наблюдательный пост, пережевывает там свои открытия. Каждый новый тур общения оставляет все меньше и меньше неизведанного, включает все новые и новые области сознания и подсознания любимого в открытое общение вслух. Однако, углубленное проникновение в дебри чужой души на каком-то этапе осуществляет только сам анализатор, свою же душу он постепенно закрывает на тысячу замков, дабы не лишиться преимуществ исследовательской позиции в качестве стороннего наблюдателя.

Но себя бедолага-исследователь наедине с самим собой тоже постоянно разлагает, хотя и не вслух, но в уме – непрестанно. Такие мужчины и женщины подобны ребенку, которому, дабы наиграться, надо так взглянуть внутрь игрушки, что приходится ее ломать.

Разрушив, наконец, все опоры, которые жизнь возвела в женщине, чтобы не рухнула она под бременем забот, тревог и несчастий, исследователь неожиданно держит в объятиях уже не живое существо, а груды обломков. И как ребенок, сам сломавший свою игрушку, громко плачет и требует, чтобы ее немедленно починили, так и анализатор приходит в отчаяние, что снова, в который уже раз, женщины, даже самые умные и самые красивые, тонут в потоках слез и оказываются истеричками.

Выход все в том же – нельзя давать себя ломать, а уж ежели сломался – изволь собрать себя заново, никто за тебя делать эту работу не обязан, да и не сможет. И извлеки уроки. Уж коли разобрали тебя на составные части – восстанови себя в лучшем варианте. И не думай, что тот, кому ты позволил себя разрушить, теперь обязан тебя воссоздать. Оставь эту иллюзию. Строить такой человек не умеет. И не, научится. А вообще, можно даже поблагодарить за науку, ведь в руках исследователя ты лучше узнал себя – себя для себя неожиданного. И помни, мастер-ломатель сам один из самых несчастливых людей на свете, которого ты тоже не сумел вернуть к его цельности, а он именно этого искал, сопротивляясь. Полюбив, он тайно предложил тебе

совершить за него труд его души, и -ушел, обиженный и разочарованный твоим бессилием. Но ты-то уж знаешь – подвиги перестройки своей души каждый обязан совершать сам. А он этого еще не открыл, а если и открыл, то еще не умеет делать.

Но одна ниточка – тонюсенькая – может быть вплетена и из таких отношений в клубок гармоничной любви. Ибо анализировать себя и любимого необходимо каждому человеку. Но любящим надо знать меру.

Нередко двое любящих начинают строить общую любовь как отношения типа "няня" и "беспомощное существо". "Няня" берет на себя все проблемы создания психологического комфорта любовного общения, а "беспомощный" нежится, согретый заботами, или начинает капризничать, выдвигая все новые и новые требования перед любимым. До поры до времени такое распределение ролей многое дает любящим: один отогревается и оттаивает в лучах постоянной заботы о нем, а другой избавляется от одиночества через чувство своей нужности другому человеку. Отношения могут длиться долго, даже всю жизнь, и дарить любящим счастье любви, если обоим, в силу их характера, опыта жизни и многого другого такое распределение ролей устраивает.

Однако, такие отношения чреваты и кризисами. "Няня" может так избаловать "беспомощного", что последний действительно уже не в состоянии жить без няни, потеряв способность самостоятельно справляться с дурными настроениями и жизненными неприятностями, с болью, невольно причиняемой любимым. Со своей стороны "няня", будучи всего-навсего человеком, тоже может когда-то устать, сама нуждаться в заботе и психологической поддержке, к которой "беспомощный", однако, не приучен или от которой отучен. В результате в ситуациях, когда двум любящим требуется поменяться ролями, один или оба не выдерживают непривычных ролей поведения и возникает кризис. Каждый чувствует себя ограбленным – один лишенным сил, другой – лишенным права и способности на слабость. И оба – лишенными своей любви.

Особенно сложна ситуация кризиса в любви "няни" и "беспомощного", когда оба любящих, взяв на себя такие роли поведения, по существу к ним не подходят. "Беспомощный" оказывается доведенным чужой любовью до годовалого возраста, хотя он – взрослый человек вовсе и не стремился к этому, а "няня" постоянно ожидает и требует от себя сил на двоих и такой "сверхчеловечности", что подрыв сил оказывается неизбежным.

Возникающий кризис причиняет любящим много неудобств и страданий и мешает выстроить гармоничную любовь.

Однако, одна ниточка, связывающая двух любящих, может и в гармоничной любви быть сплетена из таких отношений.

Распространено в любовном общении, особенно в начале любви, и распределение ролей на "охотника" и "дичь". Любовь каждого в этом варианте – сплошная игра. Охотнику положено догонять и покорять, дичи – убегать и сдаваться. Игра любящих может оказаться очень увлекательной, с веселыми розыгрышами, нарочитыми опозданиями или не приходами на свидания, извечным "нет", когда хочется сказать "да" и т.д. Но только на таком игривом обмене душами и сердцами прочную, гармоничную любовь вряд ли можно построить. "Охотник" и "дичь" не друзья, а скорее противники, их понимание друг друга – понимание соперников, а не единомышленников; их любовь – не слияние, не доверие, а покорение и подчинение. Прекратив охоту, двум любящим приходится переходить на иное ролевое поведение, и уже сама необходимость смены ролей чревата кризисами любви.

Однако, в гармоничную любовь нередко вплетена и эта нить, и если она не единственная, то любящих она связывает, нарушая единообразие и изгоняя скуку.

Порой любящие выражают свою любовь в ролях "садовника" и "деревца", где садовник выращивает последнее до нужной ему высоты и с им задуманной кроной. Такое распределение ролей предполагает за садовником право обрезать лишние – с его точки зрения – ветви, а за

деревцем – покорность перед совершаемыми над ним операциями. Один активно переделывает другого, с согласия или без оно, беря на себя право и обязанность воспитывать любимого; другой, в свою очередь, обратным правом по отношению к садовнику не обладает. "Садовник" и "деревце" – не та ситуация, что в "Пигмалионе" Бернарда Шоу, где Элиза своими поступками тоже "перевоспитывала" собственного воспитателя. Нет, речь идет об отношениях любви с односторонней установкой на воспитание одним другого, но не наоборот. Такая установка, мне кажется, часто существует у любящих.

Однако, педагоги предупреждают даже родителей – не только вы воспитываете своих детей – они тоже воспитывают вас, возвращая вам утерянный рай детства, мир, когда деревья были большими. Не сопротивляйтесь, говорят педагоги родителям, – дети в состоянии обогатить ваши души, если внимательно отнестись к их взглядам на вещи. И дети не деревца, они живые человеческие существа.

А вот в любви иной мужчина серьезно полагает, что ему положено и удастся вырастить из любимой именно то, что он задумал. И лучше всего в его планы подругу жизни не посвящать. Да и женщина часто хранит за семью печатями точный проект того существа, в которое она намерена превратить любимого мужа.

Подобные отношения мало пригодны для создания отношений гармоничной любви и чреваты кризисами.

"Перестань меня вечно воспитывать!" – кричит в кризисных ситуациях любящий, которому очередной раз попытались обрубить нужные ему ветви, и которому надоело быть не человеком, партнером, а подопытным растением.

Вместе с тем, нужна ли гармоничной любви педагогика?

Конечно нужна, но только в качестве обоюдного, добровольного, сознательного процесса педагогического сотрудничества двоих любящих, в котором активным воспитателем себя самого является каждый любящий сам, при поддержке другого, но не под его диктатом. Ведь садовники скоро обнаруживают, что деревца все равно норовят раскидать свои ветви по-своему. Хорошо, если садовник найдет более прекрасную крону, чем было задумано, и влюбится, быть может, с новой силой. Но увидев, что деревце выросло и кривым, и хилым, садовник в бессилии опускает руки и в гневе берется за топор, чтобы срубить негодное дерево под корень. Но зачем было вносить невыполнимые планы в отношения любви, в которых двое любящих, ради создания гармоничной любви, в первую очередь должны были бы принять друг друга такими, какие они есть?

Иногда дисгармония в любви возникает оттого, что двое любящих предполагают создание отношений типа "отец" и "ребенок", "мать" и "ребенок", которые они уже пережили в родительской семье. Мужчина ищет в любимой самоотверженности своей матери, материнской, по существу, любви, а женщина ищет в муже отца, его сильной руководящей руки. В западной литературе эти установки рассмотрены психоаналитиками в самых разных направлениях, вплоть до попыток односторонне свести все кризисы любви к неизжитой в детстве дисгармонии в отношениях родителей с детьми. Безусловно, отношения в родительской семье воздействуют самым прямым образом на установки любящих, но влияния эти, наверное, все же не фатальны, а главное не единственны. Люди воспитывают и самих себя, они подвергаются влиянию друзей, художественной литературы, коллег на работе. И все богатство общественных отношений, а не только отношений родительской семьи, люди привносят в свою любовь. Потому и пишут писатели книги о любви, чтобы стать соавторами любви своих читателей, помочь разобраться, поделиться собственными проблемами.

При установках на роль "отца" и "матери" по отношению к любимым как к "детям", долго, порой всю жизнь, могут держаться счастливые любовные отношения мужчины и женщины, если избранные роли соответствуют характеру любящих. Один нуждается в постоянной опеке и вечном руководстве, а другой любит опекать и не устает руководить. Разве не встречаются такие любовные союзы, в которых каждый именно так живет, соответственно себе самому? И если люди так становятся счастливыми, то стоит ли им мешать, убеждая их в том, что они играют не в том

спектакле?

Хуже обстоит дело, когда оба любящих просто не умеют иначе, чем по-матерински или по-детски выражать себя в любви. Может оказаться, что в любовном союзе встретились два "ребенка", каждый из которых ожидает от другого роли матери или отца. Тогда неизбежны кризисы и невозможна гармония любви. Может случиться и так, что "ребенок" по мере развития, в силу взросления, перерастает свою роль в любовном союзе, а "мать" или "отец" не в состоянии поменять стиль своего поведения. Тогда возникают кризисы любви.

Вместе с тем, и эта ниточка со своими узелками тоже вплетается в отношения гармонической любви и, особенно если она не единственная, то обогащает любовь уже пережитым опытом неполовой любви.

Ролей в любви между мужчиной и женщиной можно выделить много. Это и отношения "собственника" и его дорогой "куклы", и отношения "покупателя" и "продавца", при которых каждый "бережно торгуется, все боится передать", и отношения "раба" и "господина", и многие другие. Читатель сам дорисует недостающие звенья цепи.

Важно, однако, напомнить, что все роли, которые любящие берут на себя в любовном общении, суть социального происхождения и задаются любящими на выбор обществом в качестве определенных общественных стереотипов, в которых перемешаны традиции прошлого, настоящего и тенденции будущего. Из всего многообразия социальных ролей, предлагаемых любящим, двое вольны выбирать то, что близко именно им. Но на этот выбор влияет и их собственное социальное положение, и та социальная общность, которая служит им референтной группой и на одобрение которой рассчитывают любящие. То, что при этом могут быть противоречия и не совпадения, очевидно. Так подчиненный по службе мужчина нередко компенсирует свое унижительное положение именно в любви, присваивая себе роль "господина", даже деспота в любовных отношениях. А общественно признанной волевой женщине в любви может импонировать роль "беспомощной" – таким образом она подтверждает свою женственность в рамках соответствующих общественных стереотипов.

Стоит помнить и то, что социальные роли в отношениях любви суть исторического происхождения и меняются из эпохи в эпоху, вытесняя одни, прежние представления о поведении в любви – иными, новыми. Что и при этом у любящих могут быть задержки или забегания вперед, тоже очевидно. Гармоничная любовь в каждую эпоху имеет свои, преобладающие в ней черты и формы, соответствующие господствующим в обществе поведенческим моделям, ролям любящих людей.

И сегодня так занимающая современных женщин проблема – куда исчезли рыцари и что такое настоящий мужчина – из той же области. Меняются люди, меняются стереотипы любовных ролей, меняются отношения между людьми. И во всей этой свистопляске корчится в муках современная любовь, так и не знающая, какую же роль отвести мужчине и какую женщине в современном театре любви.

И надо сказать, что никто за нас эти проблемы не решит. Найти себя в гармоничной любви – дело каждого из любящих. И наверное сегодня любящим придется испробовать самые разные роли, чтобы найти себя и свою действительную половинку. И счастливы те, кому это удастся на протяжении всех действий одного спектакля с одним и тем же партнером по игре. А многим сегодня приходится менять и пьесу, и даже труппу, чтобы обрести счастье в любви, если оно оказывается возможным.

Немного о ревности

Невозможно, рассуждая о кризисах любви, не упомянуть и ревность. Люди хорошо знают, что даже одна всего капелька яда ревности способна отравить весь любовный напиток.

Чудовищем с зелеными глазами назвал ревность У.Шекспир, и этот образ неслучайно стал

символом ревности. Она действительно чудовищна. И нет на свете мудреца, которому было бы по душе злобное чудище, пожирающее любовь. Страстные строчки, предостерегающие любящих от зла, таящегося в ревности, оставил могучий Джордано Бруно:

О, ревность, злой тиран, чью плеть терпеть невмочь,
 Ниспровергающий людское счастье в ночь...
 Жестокий суховой, что косит без препоны
 Цветы моих надежд и их уносит прочь;
 Зверь, ненавидящий и самого себя;
 Вещунья горестей, не знающих исхода;
 Боль, наводняющая сердце, все губя;
 О, если б у тебя отнять ключи от входа!

"Ревность, – еще раз возвращается Джордано Бруно к той же теме, – иной раз есть не только смерть и разрушение любящего, но часто убивает самую любовь, – особенно когда порождает негодование; ведь Ревность настолько раздувается этим своим детищем, что отталкивает любовь и начинает пренебрегать объектом, и даже вовсе перестает считать ее своим объектом". Так писать мог только человек сам казнивший себя на эшафоте ревности.

Нет любящих, которые любили бы ревновать. Ревность осуждают, ее жаждут изгнать из рая любви.

И все-таки люди ревнуют. Почему?

Часто возникновение ревности объясняют эгоистическим себялюбием любящего, относящегося к любимой как к своей собственности. Так полагал, например Д.Дидро, гневно осуждавший ревность как "страсть убогого, скаредного животного, боящегося потери; это – чувство, недостойное человека, плод наших гнилых нравов и права собственности, распространенного на чувствующее, мыслящее, хотящее, свободное существо..."

Короче – гони ее, ревность проклятую, если ты человек.

Все это так. И все это не только так. И если В.Белинский был уверен, что ревность в качестве мелкой тирании существа, стоящего на ступени животного эгоизма, "невозможна для человека нравственно развитого", то все же не надо кидаться в крайность и, попав в сети ревности, казнить себя за безнравственность. Ревность присуща человеку. И нападает она и на добрых, и на сильных, и на доверчивых, а не только на отпетых эгоистов, заставляя терзаться всеми издавна известными терзаниями. Ревность неразумна и глупа, но стрелы у нее похлеще, чем у Амура.

От ревности, как от сумы и тюрьмы не стоит зарекаться, но полностью отдавать себя во власть этой пагубно-злобной страсти тоже не стоит. В этом смысле мне лично ближе всего позиция А.И.Герцена: "Ни слез о потере, ни слез ревности вытерпеть нельзя и не должно, но можно и должно достигнуть, чтобы они лились человечески, и чтоб в них равно не было ни монашеского яда, ни дикости зверя, ни вопля уязвленного собственника".

А чтобы ревновать по-человечески, уж коль скоро мы грустно признаем, что любящим ревность присуща, надо попытаться разобраться, что же она такое и откуда в нас берется? И может быть тогда найдется и какое-то средство против этой змеи подкожной, жалящей любящих?

Так что же ревность – еще один кризис любви?

И "да", и "нет".

Кризис любви – дело двоих, он временное затмение солнца любви, и только им двоим и дано (не без помощи друзей, если так уж необходимо) разобраться в том, что же с ними на самом деле происходит.

А ревность, конечно, тоже кризис любви, но в нем задействованы не только двое, связанные когда-то, а возможно и в данное мгновение, любовью, но есть и третий – совершенно лишний для одного, и ставший необходимым для другого. И не важно, существует ли третий на самом деле или он только плод разгоряченного воображения ревнующего, но он присутствует в общении

двоих, явно или незримо.

Только на почве уже возникшего кризиса любви, иногда при его, не каждым увиденных зарницах, и возникает почва для прорастания ростков ревности.

Гармоничной любви ревность не присуща. Еще Ларошфуко заметил, что бывает "такая любовь, которая в высшем своем проявлении не оставляет места для ревности". В гармоничной любви нет причин для ревности – все потребности любовного общения удовлетворяются сполна, человек рядом с другим счастлив и черпает в любви силу и радость бытия. Все в гармоничных отношениях построено на взаимопонимании и доверии, на ощущении незыблемости любовного "Мы", в котором нет места чужому, лишнему. Ярые противники ревности черпают свои аргументы именно из опыта гармоничной любви, и в этом смысле истина, конечно, на их стороне.

Но живая любовь не всегда гармонична, да и любят люди не только взаимно и счастливо. И в гармонии, еще вчера казавшейся вечной, завтра могут появиться тревожные сигналы дисгармонии. Кризисы любви переживает и самая надежная, самая идеальная любовь, в чем признаются многие семейные пары, дожившие до золотой свадьбы. Кризисы любви один из законов любви, а их преодоление – источник роста и развития любви.

Ревность отличается от неизбежных кризисов любви. Последние редко охватывают сразу все уровни общения двух любящих, а вот ревность запускает свои щупальца спрута сразу во все, протискиваясь через самую малую брешь. Опутав неопытную душу, ревность становится всеохватывающей, как и гармоничная любовь, но под противоположным знаком. В отличие от любви под знаменем ревности в душе несчастного разворачиваются самые грозные, самые острые, самые неодолимые отрицательные эмоции. Кризис любви ревность превращает во всеобщий. А потому она – боль невыносимая. И ревность может убить любовь.

Ревность можно противопоставить формулам гармоничной любви, в ней все наоборот.

"Ты можешь без меня жить!" – кричит в страхе и гневе ревнующий, полный обиды и подозрений. Ревнующий ощущает себя ненужным тому, кто более всего нужен ему самому – для жизни, для счастья. И вместо чувства радости жизни, вместо прилива сил и душевного равновесия, в ревнующем одно сплошное горе, тревога, неуверенность в себе и другом, такая какофония страдания, что порой оно превышает эмоциональные возможности человека, толкая его к роковой черте нежелания жить. "Я не могу без тебя жить!" – в отчаянии издает крик о помощи ревнующий и верит, что действительно не может. Ревность может убить не только любовь.

Пропадает у ревнующего чувство защищенности и безопасности. Теперь ему страшно, он потерян, обманут в надеждах, безмерно одинок, ибо покинут (в воображении или в действительности) именно тем, кто дарил и от кого ожидалось чувство защищенности. "Мне страшно без тебя!" – еще один крик о помощи ревнующего, вытолкнутого из-под теплого крыла любви в холодный и враждебный мир – так ему кажется. А более всего страшно не то, что отнято, а то, что другому теперь дарят защиту и любовь. ДРУГОМУ!

Если по-честному, то в чувстве ревности присутствует большая доля зависти, рядящаяся в чужие одежды.

Ломается в душе ревнующего и камертон, чутко и безошибочно улавливающий сладостное, естественно возникающее созвучие эмоциональных состояний с любимым человеком и вместо него воздвигается разрушительный барьер взаимного непонимания. Теперь у двоих в душе – все разное. Один в горе, во власти ревности, другой в сетях досады, ибо портят ему настроение. Один то и дело утопает в слезах, другому до ужаса надоело взирать на слезные потоки. Один ждет, нет, требует любви, а другой не может ею одаривать, ибо ощущает себя пленником. Чувства ревнующего иные, чем у любящего. Ведь любовь светла, а ревность темна как ночь. Любовь радостна, а ревность горестна. Любовь – счастье, а ревность – несчастье. Разве могут такие противоположные чувства создать гармонию любви?

Общение с охваченным ревностью тяжкий труд. Он видит невидимое очами, слышит неслышимое ушами, его восприятие слов и поступков обострено и искажено, утешение временно. Он во власти не любви – божественного дара, а во власти ревности – дьявольского наваждения. Одержим ревностью – так говорят в народе. Общение, в которое вкралась ревность, несет двоим одни разочарования, наполнено сплошным выяснением отношений, назойливым копанием в

тайниках чужого сердца, отданного – в воображении или наяву – другому. Недоверие, недоверие, и еще раз недоверие – рефрен слов и поступков.

И уже любимый – не моя половинка, не все во мне понимающий, не тот который видел во мне самое хорошее, порой скрытое от других. Нет, теперь он мучитель, стреляющий в меня стрелами направо и налево, он злой, а не добрый, глупый, а не умный и т.д. и т.п. Так чувствует ревнующий, а часто и тот, на кого направлена ревность, когда у обоих разбивается волшебное зеркальце. "Ты не хочешь меня понять" – стонет ревнующий и уверен, что его страдания – высшее проявление любви, которую незаслуженно не оценили и которую предали. "Предатель!" – звучит вдогонку уходящему к другой. Не каждый произносит такое страшное слово-обвинение вслух, но чувствуют так многие.

Но если по-честному, то в самой ревности много предательства – себя, другого, любви.

И что удивляться, если ревность лишает безоблачности любовное объятие. Тучи подозрительности закрывают небо любви, и вместо солнечно-яркого "Ты – это я, я – это ты", мрачно-подозрительное, черное, неблагоприятное: "Признавайся, и сейчас ты в мыслях своих не со мной". Человек не только сам себя отравляет ядом ревности, но угощает пагубным зельем еще и любимого. Так и шагают любящие к кладбищу своей любви.

Ревность целая какофония чувств и эмоций, причиняющая ревнующему тяжкие страдания. Если попытаться вычленить стержневые чувства, вокруг которых аккумулируются обида, гнев, недоумение, злость, разочарование, унижение, жажда мести и многое другое, то, наверное, это страх и ненависть, страх за себя или за другого, ненависть к себе или к другому.

Ревнующий боится потерять любовь другого, подсознательно надеясь, что потери еще можно избежать. Ситуация, в которую он попал или сам себя загнал, еще не имеет для него решения, выход не найден, он блуждает по лабиринту. Ревнующий в постоянном состоянии раздвоенности, неуверенности, с желанием что-то предпринять и боязнью все испортить, он раздираем противоречиями между надеждой и неверием, обидой и жаждой мщения – любимому или сопернице. Ревность снайперски метко целится в душевное равновесие человека, чтобы отравить душу страхом, ослабить волю, лишит разума.

Везет тому, кого укол ревности пронизывает только на мгновение. Тогда он может быть воспринят как сигнал об опасности, требующей срочных мер для спасения любви. Но страх, ставший второй натурой, превратившийся в навязчивое состояние и есть то чудовище с зелеными глазами, которое может сделать человека больным. И это надо бы знать. Нельзя бездумно предаваться ревности, растить и лелеять в себе страдание, перманентно боясь быть покинутым, стать одиноким, разлюбленным. Из замкнутого круга страданий можно выйти, как удалось это миллионам людей, попадавшим в капкан ревности, но не сдавшимся ей и не позволившим лишиться их жажды жизни. Не для того дана человеку любовь, чтобы становиться бессильным и мечтать о смерти. Не для того.

У многих ревнующих страх соседствует с ненавистью за причиненную боль. Ненавидя, ревнующий ищет виновника своих страданий и находит его – либо в любимом, либо в сопернике. Поиск виноватого дело не хитрое, особенно если руководствоваться подсказками ревности. Ловко, в мгновение ока она превратит некогда любимого полубога в исчадие ада, в обладателя всех пороков, которые существуют на земле. Но поскольку ненавидеть любимого нелегко, если не хочется разрушать в себе сладостное чувство любви, то безопаснее возненавидеть соперницу. В ней найти своего врага, в ней средоточие всех пороков, если бы не она...

Ревновать по линии "поиска врага" проще простого, поскольку сие излюбленный метод решать проблемы, не решая их, способ требовать от других, не требуя от себя. Люди нередко прибегают к "поиску врага", и не только в любви. В состоянии ревности – это путь к желанию убить – его или ее.

"Бурная ревность совершает более преступлений, чем корысть и честолюбие", – предупреждал Вольтер. И это тоже стоит знать.

И именно оттого, что в ревности таятся и болезнь и преступления, человечество осуждает и прокликает ее. Ревность – ад для любящих.

Но хорошо говорить. А если любящего человека разлюбили? И теперь все понимание, все

наслаждение, все, без чего ты жить уже не можешь, у тебя отнято и – о, ужас! – отдается другой! Как тут не ревновать, как не впасть в страх одиночества?

Нам советуют, не относись к любимому как к своей собственности. Хороший, правильный совет. Но ведь

Еще вчера в руках держал,
Равнял с китайскою державою.
Враз обе рученьки разнял,
Жизнь выпала копейкой ржавою.
/М.Цветаева/

Как тогда дальше жить? И было ведь, было чувство – "Я – это ты, ты – это я"? И шептали губы счастливые "Ты мой!", и вторили губы счастливые "Твой!" И вдруг не мой? Есть в любви эти мгновения чувства обоюдной принадлежности друг ДРУГУ, полного слияния? Есть! Так как же тогда не впасть в отчаяние, как не искать хоть соломинку надежды, как не твердить себе "Неправда, неправда – ты мой, не ее!" – как?

Может быть, зная какое зло ревность, попытаться управлять ею, не дать ей вырасти до чудовищных размеров и не бояться своей ревности? Ведь ты человек, и эмоциями своими обычно владеешь. А немного, вернее недолго поревновать может быть даже полезным, как ни странно. "Пройдет любовь, пройдет и ревность" – писали когда-то барышням кавалеры в альбомы стихов. И были правы. Ведь ревность – при всей ее горечи еще и лекарство от любви, данное людям для выздоровления от любви неразделенной. Только принимать его надо не лошадиными дозами.

"Ревнуй душа! Ты на пути к свободе!" – так даже можно улыбнуться себе, поощряя на бегство из плена безответной любви. Ибо ревность, если ей не покориться, покажет тебе, что многое, что ты ждешь от любви, тебе в сложившихся отношениях недоступно. К сожалению. И ничего злиться и нечего ненавидеть.

Разве невозможно, чтобы нас разлюбили? Невозможно, чтобы мы разлюбили? А если это так, то не относись, действительно не относись к любимой как к своей собственности. Признай за любимым право любить и право разлюбить. И пусть ревность, если ты разлюблена, и которую тебе, как и всем почти людям, не избежать, поможет быстрее встать вровень с возлюбленным: он разлюбил тебя, ты тоже его разлюби. И встретитесь свободными друг от друга, как два добрых товарища, которых никакие страсти больше связывают и не тяготят – ни страсть любви, ни страсть ревности. Сколько тогда тепла еще можно найти друг подле друга, сколько защиты, сколько понимания – уже не любовного, зато дружеского. И разве дружба не ценность, не нужна тебе в жизни?

Но нужно быть честным с самим собой. Догоняя любимого на собственной ревности, придется оставить надежду вернуть чужую, уходящую любовь. И осознай – черная птица ревности несет и тебя к концу собственной любви. Ибо ревность уже не любовь. "В ревности больше себялюбия, чем любви", – прозорливо заметил Ф.Ларошфуко. Ревнуя, я больше люблю саму себя, чем любимого. Но такое право у меня есть, более того, в любви, ставшей неразделенной, любить себя даже моя обязанность. Ибо хочу я выбраться из страданий целой и невредимой, возродиться для жизни – своей и близких мне людей. Ведь я человек, наделенный волей и разумом, и стучащим сердцем.

Прочитавшему эти строчки и решившему "Все, раздуваю в себе теперь пламя ревности как лекарство от любви!" стоит, однако, напомнить слова того же Ф.Ларошфуко: "Существуют разные лекарства от любви, но нет ни одного надежного". Можно пройти через горнило ревности, прожить годы свободным от своей несчастной любви, и вдруг, как удар молнии среди ясного неба – все начинается сначала – и вера, и надежда и любовь. Любовь ведь стихия, и убитая, она сама иногда неожиданно воскресает, совершенно не спросив на то разрешения. Мы же помним – "Законов всех она сильней."

Но чаще всего ревность все же уносит любовь, хотя маленькие ее уколы бывают даже полезными – избавляют любовь от скуки, от привычки в сером течении будней. Но только

маленькие! Гармонично любящие, не скучающие друг подле друга остерегутся вызвать лютую ревность. А уж коле жало этой гремучей змеи невзначай успело капнуть капельку яда в душу любимой, то любящий губами отсосет смертельный яд, чтобы жила и расцветала его и ее любовь.

А потому все же правы те мудрецы, которые предают ревность анафеме.

друг друга, как не скучать вдвоем. Прочтите такие книги.

А мы, в свою очередь, отметим, что поскольку гармоничная любовь охватывает все уровни человеческих потребностей межличностного общения и процесс ее развития осуществляется по закону солнечного зайчика, то очевидно, что кризисы любви не начинаются сразу на всех уровнях общения одновременно, а чаще всего вспыхивают сперва на одном, и лишь потом перекидываются на другой. Осознать противоречие, возникшее, например, на уровне понимания и признания, или на уровне сексуальных чувств и эмоций, любящий человек вполне в состоянии, если не отмахивается от первых признаков недовольства собой и другим. Не стоит вытеснять сигналы боли, иначе исподволь отрицательные эмоции в конце концов овладеют всеми уровнями потребностей. Честно увидеть беспорядок и суметь исправить частичную дисгармонию, опираясь на еще исправно действующие уровни общения – вот один из путей преодоления кризисов любви.

Активно и сознательно двое любящих возводят тогда друг к другу новые мосты, еще более искусные, если рухнули старые. И осуществляется строительство именно целенаправленными, сознательными поступками, а не пассивным ожиданием.

Сознательное действие любящих может включать, конечно, и молчаливо-терпеливое ожидание, пока улягутся страсти разъединения, или пока созреет чувство в другом, или просто пока пройдет обида. Однако, такое ожидание – не бездействие. Оно активно, осознанно, оно – молчаливое действие навстречу-любимому, в котором участвует и сердце, и разум, принявшие решение поступать именно так. Важно понять, что в любви существуют две стороны – и стихийное течение чувств, царство

свободного солнечного зайчика, и рациональное осознание происходящего между тобой и мной, царство воли и разума. Человек ведь существо разумное и его отношения любви не могут быть отлучены от разума, поскольку чувство любви – человеческое.

В подключении разума к делам любви нет прагматизма, нет деляческого подхода. Ходячий стереотип о том, что любовь разуму не подвластна, имеет смысл пересмотреть и уточнить.

И думаю я так вот еще по каким соображениям.

Как-то прочла я книгу С. Соловейчика "Учение с увлечением". В ней речь шла об отметках, об учебнике географии, о любимых и нелюбимых школьных предметах. Можно ли полюбить нелюбимую географию, спрашивает автор, а если можно, – а ведь и нужно, – то как это сделать? И на удивление юных и не юных читателей автор предложил в общем-то не очень хитрый механизм преодоления нелюбви к какому либо незадававшемуся предмету, механизм, основанный на современных открытиях психологической науки. Читая, я думала, – а не таится ли секрет неувядающей любви между двумя людьми, любви, длящейся до самой смерти, в том, что какими-то неведомыми путями двое познали эти секреты взращивания своего чувства также и в периоды "нелюбви"? И если можно научить себя (а сотни читателей и книга Соловейчика это подтверждают) любить какой-то доселе нелюбимый школьный предмет, то, быть может, люди научатся любить любимых, когда один из любящих оказывается в положении нелюбимой географии? Научатся люди сознательно преодолевать возникшее отрицательное чувство, станут растить любовь своей волей и разумом, лелеять ее стихийные порывы, вкушая их как естественные плоды, взращенные трудом разума, души и тела? Научатся, я думаю.

Читателю, конечно, интересно узнать, что предлагает Соловейчик. Но я хотела бы, чтобы каждый прочел книгу сам. Однако, для самых нетерпеливых рискну коротко пересказать идеи автора.

С.Соловейчик сопровождает свои рассуждения рисунком, на котором изображены по одну сторону ученик, а по другую -стол, на котором лежит пресловутый учебник географии. Как поступает обычно человек, если ему что-то очень не хочется делать? – спрашивает Соловейчик. И изображает на рисунке стрелу, направленную человеком против самого себя. Обычно человек напряжением воли пытается в самом себе преодолеть свое нежелание учить географию, всячески себя заставляет, ругает, осуждает, а по существу к уже имеющимся отрицательным эмоциям добавляет новые, тоже отрицательные, ибо насильничает над собой. А так делу не поможешь, пишет С.Соловейчик, и рисует стрелу, направленную к столу, к учебнику географии. Надо, советует автор, поискать в себе хоть крупицу того, что сделает приятным изучение географии. Ну,

хотя бы вспомнить, что нужна пятерка, дабы выправить двойку. Или что мама порадует, увидев сына за учебником. Это все равно, что найти в себе положительного, но найти надо. А найдя, можно двинуться в сторону учебника, все время опираясь на предвкушение своей радости, не на свою нелюбовь. Так отрицательные эмоции, мешающие любить географию, постепенно вытесняются положительными, первоначально к географии отношения не имеющими, но радостно поворачивающими человека к нелюбимому предмету. А потом обнаруживается, что география вовсе и не столь противна, более того, даже иногда интересна, – да нет, не иногда, а все чаще интересна. И приходит, наконец, учение с увлечением.

Разве не таков и путь к увлечению своими любимыми, уж коль скоро они на самом деле были и интересны, были и любимы, но их положительное видение скрылось за тучами отрицательных эмоций, нарастающих под воздействием угрызений совести, самобичевания и волевых усилий заставить себя снова полюбить "нелюбимого"?

Сознательное овладение такими позитивными механизмами человеческого общения требует активного подключения усилий разума, пока навык "полюбить нелюбимую географию" не войдет в привычку.

Художественной литературе предстоит познакомить людей не только с кризисами любви, кои многократно исследованы писателями, но и с реальными способами сохранения и возрождения любви.

А пока художественная литература чаще всего еще ратует за неведомые, подземные течения чувства любви, неподвластные разуму, и уповаает на них.

И уже мчится бунинский Арсеньев, расставшийся с Ликой, не думавший о ней, весь в свои собственные проблемы ушедший, неожиданно для себя самого мчится на вокзал, столь же неосознанно покупает билет и едет в город, в котором молча, не написав ни одного письма, страдает ожидающая его Лика. Арсеньев все в том же бессознательном порыве женится, наконец, на Лике, потом так же неосознанно, сам не зная, отчего, начинает Лике изменять и, наконец, покидает ее. Разве так не бывает? Бунин глубоко раскрыл драму человека, живущего в любви, как в неподвластной людям стихии, превращающей отношения двоих или одного в настоящую беду, от которой уже ни радостей, ни счастья любящим нет. Арсеньевское чувство – чувство негармоничное, неустойчивое и искать в себе подобных порывов как истинных, якобы, признаков настоящей любви, означает ждать от себя душевной дисгармонии.

Я думаю, что литература XIX века часто была склонна отображать любовь почти как болезнь и реже как жизнеутверждающее, жизнерадостное чувство. Лермонтовский Печорин, герои Достоевского и Чехова, бунинский Митя, толстовский Нехлюдов, отец Сергей, действующие лица "Крейцеровой сонаты" – все они так или иначе подвластны любви как демонической силе, от которой либо бегут, либо умирают, либо которой болезненно поддаются. Этих героев хорошо знает любой школьник.

Жизнелюбивого Боккачио, современного Жоржи Амаду – певцов светлой и легкой любви в школьной программе не изучают. А отсюда, в частности, представления о любви и у образованных современников все еще формируются на образцах любви, неподвластной разуму. Гармоничная, счастливая любовь сказочной феей снится в волшебных снах юности, но редко встречается наяву. А когда попадает навстречу, то чаще всего оказывается не узнаваемой. Когда ищут в себе любовь по митиной безысходности, но арсеньевским порывам и по многим другим ее признакам, описанным в литературе, то трудно увидеть земную любовь на грешной земле, в глазах располневшей, доброй матери семейства и в улыбке ее лысеющего мужа, в любви двух доброжелательных и счастливых друг с другом людей, воплотивших чудное мгновение в свой каждодневный семейный быт.

Правда, современные писатели уже открывают завесу над простой любовью земной, но традиции прошлого вовсе не без боя покидают наше воображение. Вот почему любовь не как стихия в нас и над нами, а как подвластное нам самим творческое созидание своих любовных отношений кое-кому покажется прагматизмом, непоэтичным отношением в поэзии чувств.

Но людям все же предстоит постигнуть любовь земную, узнать ее такой, какой она делает людей счастливыми, чтобы самим приблизиться к счастью в своей собственной любви.

Я понимаю, что иной читатель может приставить нож к моему горлу с требованием сказать, что же делать лично ему с его несчастливой любовью. Общие рассуждения его не устроят, ему нужен рецепт по воссозданию гармонии его индивидуальной любви.

Но этого я не могу.

Каждая любовь настолько самобытна, столь своеобразна, что выдать общие рецепты для конкретного личного счастья в любви невозможно. Любовь потому и деятельность, потому и творчество, что требует от любящего, чтобы он сам разрешал вместе с любимым человеком противоречия своих отношений. И это я хочу еще раз подчеркнуть. Конечно, можно и нужно искать совета, надо знакомиться с опытом других людей, читать книги о любви, но выходы из своих тупиков придется находить вдвоем, без посторонних. Именно в смысле истинны слова Кармен о любви:

"Законов всех она сильнее!"

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. ЛЮБОВЬ КАК ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К МИРУ

Разгадывая загадки любви мы искали ответ на вопрос "Что такое любовь?" у гармонично любящих. В идеале любовь предстала в виде ряда "формул", словесно выражающих чувства, возникающие при удовлетворении любящими всеобщих потребностей личностного общения.

Затем мы обратились к кризисам любви. Тогда любовь обернулась в виде определенной деятельности любящих по преодолению противоречий любовного общения, суть которой – творчество. Без обоюдного творчества не состоится любовь.

А теперь, в заключительном разделе, взглянем на любовь как определенное человеческое отношение к миру – к миру людей и к миру природы, составными частями которых является каждый человек, в том числе и полюбивший.

Надо сказать, что многие философы, пытающиеся найти всеобщие определения любви, начинают с того, чем мы собираемся завершить наши рассуждения. Любовь определяется как природное и общественное отношение одного человека к другому, при котором для одних авторов определяющим в любви является эстетический подход людей друг к другу по формируемым обществом законам красоты; для других главенствующим представляется сексуальное желание людей, данное им природой ради продления рода человеческого; для третьих – любовь является просветленным путем к богу, а для четвертых победой дьявола и прямая дорога в преисподнюю за грехопадение.

Позиции различны. Но то, что у любви два крыла – природное и общественное, так или иначе признано. Вот только отношение к крыльям разное – одни ратуют за преобладание в любви природного начала, другие – общественного; одно крыло кажется чуть-чуть или очень грязным, другое очень чистым; одно – принижающим любовь, другое ее возвышающим. И что удивляться, если при таком неравенстве подъемной силы обоих крыльев, птица любви обречена барахтаться на земле, а если и взлетает, то совершает самоубийственные воздушные петли и заходит в штопор.

Короче – соотношение природного и общественного в любви науке о человеке предстоит изучать и дальше ради достижения гармонии в любви. Без физиологов, химиков, психологов, обществоведов, историков, философов не открыть законы любви.

Но ... уже сегодня нашими учеными сделаны удивительные открытия, рассекреченные в последние годы, открытия о природе наших чувств. "Химически точные чувства" – так озаглавлена статья А.Никонова, повествующего о том, что каждому чувству в организме человека соответствует определенное химическое вещество, которое вырабатывается организмом в соответствующей ситуации – например, опасности. Это химическое вещество можно выделить и ввести другому человеку – и он тоже испытает страх вне пугающей ситуации! Можно ввести и уже вводили. Открытые вещества относятся к пептидам. Известны пептиды, ответственные за творческое озарение, уже применяют пептиды "сексуального голода", чтобы преодолеть затруднения любовного акта. Уже можно улучшать память. И, наконец, наши ученые готовы работать над пептидами "хорошего настроения, благодушия и любви к миру" – то, что нам надо. Но пока не хватает, как всегда, денег.

А может быть хорошо, что не хватает? Не то перейдем от ворожбы и приворотных зелий, от дорогостоящих модных консультаций у экстрасенсов к обыкновенному укольчику пептидами любви, даже не обязательно в сердце, и готово – влюбился? Мнда...

Но существует, на самом деле существует природная основа любви, и ученые до нее добиваются.

Есть еще одно открытие, которое кое в чем неожиданно ложится в русло наших рассуждений о любви. Оно многое объясняет, вместе с тем и печалит.

В США ученые открыли химические вещества, вырабатываемые человеческим организмом и вызывающим состояние влюбленности. Их назвали амфетамидами. Эти природные вещества вырабатываются, однако, только в течение определенного времени, поскольку через 2-3 года организм приспособляется к ним и перестает реагировать на них эйфорией влюбленности. А

отсюда ученые выводят закономерность, что у большинства людей страсть проходит через 3-4 года супружеской жизни. Проходит стадия влюбленности по вполне природным, химически констатируемым причинам. И уже: "Я могу без тебя жить". Увы...

Но те же ученые утверждают, что с другой стороны постоянное присутствие партнера постепенно увеличивает выработку в организме других химических веществ, называемых эндорфинами. Их наличие в организме вызывает чувство спокойствия и безопасности, которое любящие даруют друг другу дольше, чем чувство безудержной страсти. Этот химический элемент, как видно, ответственен за формулу любви, которую мы обозначили словами "С тобой мне ничего не страшно!".

И, наконец, есть вещество окситоцин, которое побуждает мужчин и женщин искать эмоциональный контакт через касание друг друга. "Найдена моя вторая половина!" – вот за что, скорее всего, отвечает это вещество в организме любящих, вызывая чувство безграничной близости, глубокой интимности общения.

Нетрудно предположить, что у разных людей эта фабрика по производству химических веществ работает по-разному, у кого с высокой производительностью и бесперебойно, а у кого на грани банкротства в тисках сплошных неплатежей и задолженностей. И это сказывается на индивидуальных возможностях и проявлениях любви одного человека к другому.

К тому же не будем забывать, что есть у человека, есть! – это сегодня тоже получает все большее научное признание – у каждого свое биополе – у кого побольше, у кого поменьше. И через биополе люди посылают своими биоволнами друг другу информацию о своих чувствах, своих желаниях, о тяге друг к другу или взаимном отталкивании, о приятии и неприятии человека таким какой он есть, прочитанный в азбуке биотоков. Тоже природа, космическая. И мало изученная.

Короче природное крыло любви – могучее крыло, и пре-'небрегать им, принижая его, опасно для любви, и в теории и на практике, право же.

И крыло общественное не менее сильное. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что на сегодня оно более всего изучено. Есть исследования изменений представлений о любви и их реализации в разные периоды истории человечества – от первобытных людей до наших современников. Из них явствует, что идеал любви менялся из эпохи в эпоху и что сегодня мы находимся на крутом повороте истории любви – ломки прежних стереотипов, создании новых, при том, что старые отношения еще не ушли, а новые еще не утвердились. И все это на фоне новой беды человечества – эпидемии СПИДа.

Общество все еще бьется в силках многочисленных дилемм – например, признавать или нет двойную мораль сексуального поведения – одну для мужчин, предоставляющую им свободу, вплоть до внесения в Думу законопроекта о многоженстве, другую для женщин, состоящей из сплошных табу, и, конечно, без предложения параллельного законопроекта о многомужестве. Общество все еще ратует в идеале за любовь пожизненную для женщины, и в идеале за верность мужчин семье, правда, одновременно при праве, если закрыть глаза, последним иметь любимых "на стороне". "Измена" мужчине прощается как естественная для него шалость, женщине -очень редко, только на основе сказочного великодушия.

А стремление иного мужчины к лидерству в семье любой ценой – разве это не общественный стереотип, мешающий сегодня иной деловой женщине найти свою половину? А постулат о том, что женщине быть умной некрасиво, разве не мешает он любви доброго, душевно мудрого мужчины к своей более умной, более талантливой половине? Правда согласно социологическим опросам сегодняшние юноши почему-то поставили ум девушки на первое место среди достоинств, которые их привлекают. Это сдвиг в общественном сознании, или форма протеста против прошлого, согласно которому у молодежи сперва все должно быть наоборот? Не знаю. Но знаю, не так легко преодолеваются стереотипы, веками впитывающиеся через устное народное творчество, через литературу и искусство, и оформленные в правовые нормы на протяжении жизни не одного поколения. И если не все любящие подчиняют свою реальную жизнь господствующим моральным принципам, то в душе, в качестве идеала они все же живут у очень, очень многих, создавая нередко внутренний конфликт между общественным и индивидуальным

поведением любящего.

Да что там стереотипы! Разве они одни вмешиваются в любовь двоих? А неготовность нашего общества предоставить любящей паре отдельное жилье – ранее недоступное из-за нескончаемости очереди, а сегодня из-за отсутствия денег? А дворы в многоэтажных застройках, начисто лишённые укромных уголков и даже отдаленно не напоминающие заросли садов дворянских гнезд, где герои любимой литературы XIX века переживали свои первые любовные радости и страдания? Современные дворы, которые гонят шестнадцатилетних и семнадцатилетних в тусклые подъезды и грязные подвалы, ибо потребность в уединении – естественная потребность этого возраста, – разве эти дворы не общество, втоптывающее ростки первой любви бог (или черт?) его знает куда? А неподготовленность большинства учителей, вернее учительниц со встречей с первой любовью своих учеников? Разве это не общество, бдительно запрещающее любить, когда любовь нечаянно уже нагринула?

Добавим к сказанному, что у разных народов и у нас и в других странах, на Западе и на Востоке – разные, нередко противоположные общественные установки на любовь, отличающиеся правилами морали, неодинаковые законы и брачные обязательства любящих друг по отношению к другу. Различен даже взгляд (и закон!) на возраст, когда можно начинать любить. Различны условия жизни. Вместе с тем люди сегодня не только из книг и кинофильмов узнают о дивных нравах заморских стран, но и путешествуя по миру, а также по осуществленным в наши дни попыткам на просторах родины чудесной жить и по законам шариата, и по праву казачьей общины, и по православным законам, и по западным и по восточным образцам. Отсюда, как будто бы, каждый мог бы выбрать себе то общественное крыло любви, которое ему по нраву и сделает его счастливым. Но человек не живет один одинешенек на необитаемом острове, куда нежданно занесло и его возлюбленную. Человек живет среди людей, и потому редко кто из родителей, друзей, знакомых, сослуживцев, да и просто соседей по дому не сочтет себя в праве и даже обязанным подрезать общественное крыло, если оно заносит не туда, поскольку влюбившийся отпрыск не следует правилу "делай как я".

Вообще общественное крыло любви не такое простое, как возможно, хотелось бы. Но оно сильное, иногда оно сильнее любящих.

Надо сказать, что общественную и природную стороны любви на самом деле можно разделить только в воображении. А в живой, реальной любви воедино слиты отношения любящего человека к другому человеку как части общества и части природы. И именно в этом смысле любовь и является одним из видов человеческого отношения к миру – каждое из которых есть единство отношений людей к людям и отношений людей к природе.

Знаю, для многих сегодня немодно ссылаться на Маркса, но как бы читатель не относился к философии марксизма – и это право каждого относиться по-своему к выработанным разным теориям, все же приведу длинный, вовсе не простой для беглого чтения отрывок из труда молодого, двадцатилетнего, страстно влюбленного Маркса, которого вопросы любви занимали не меньше, чем читателя данных строк. К.Маркс писал в "Экономическо-философских рукописях 1844 года":

"Непосредственным, естественным (natuerliche, т.е. природным. В.Ш.) необходимым отношением человека к человеку является **отношение мужчины и женщины**. В этом **естественном** родовом отношении человека к природе, непосредственно заключено его отношение к человеку, а его отношение к человеку есть непосредственным образом его отношение к природе, его собственное **природное** предназначение. Таким образом, в этом отношении **проявляется в чувственном виде**, в виде наглядного **факта** то, насколько стала для человека природой человеческая сущность, или насколько природа стала человеческой сущностью человека. На основании этого отношения можно, следовательно, судить о ступени общей культуры человека. Из характера этого отношения видно, в какой мере **человек** стал для **себя** **родовым существом**, стал для **себя** **человеком** и мыслит себя таковым. Отношение мужчины и женщины есть **естественнейшее** отношение человека к человеку. Поэтому в нем обнаруживается, в какой мере **естественное** поведение человека стало человеческим, или в какой мере

человеческая сущность стала для него естественной сущностью, в какой мере его **человеческая природа** стала для него **природой**. Из характера этого отношения явствует также, в какой мере потребность человека стала **человеческой** потребностью, т.е. в какой мере **другой** человек в качестве человека стал для него потребностью, в какой мере сам он, в своем индивидуальном бытии, является вместе с тем общественным существом." [Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т.42, с.115-116].

При осмысливании сказанного, становится очевидным, сколь важное место отводил К. Маркс отношениям мужчины и женщины – они выступают для него мерилom культуры каждого человека, мерилom того, насколько отношение одного человека к другому человеку – как природному и общественному существу, действительно есть человеческое, **человечное** отношение.

Любовь предстает как элемент человеческой культуры, являясь **человечным отношением человека к человеку** как составных частей природы и общества.

Каждое отношение человека – будь то к цветку или к звездам, к любимой или к врагу, к рождению или к убийству -осуществляется им через определенную деятельность. Любя или ненавидя, созерцая или уничтожая, будучи равнодушным или влюбленным, относясь определенным образом человек совершает поступки – в воображении или в действительности: человек срывает цветок и радостно вдыхает его аромат; глядит на звезды влюбленными глазами или пылливо изучает их через телескоп; нетерпеливо мчится к любимой на свидание или хладнокровно убивает соперника; счастливо справляет свой день рождения или голосует против смертной казни в Государственной Думе и т.д.

И любовь тоже возникает и существует как отношение, создаваемое любящими в процессе определенной, для любовных отношений характерной деятельности. Это может быть и любование любимой, и разговоры с ней, и совместные походы, и мытье посуды вдвоем поздним вечером и многое, многое другое, что перечислить просто невозможно. Даже кража невесты может быть поступком любви, хотя и не обязательно.

Ну, а поскольку любовь отношение, создаваемое в процессе деятельности, то, естественно, что деятельность в отношениях любви подчиняется всеобщему "механизму" любой человеческой деятельности.

Рассмотрим любовь в ведущих узлах механизма деятельности.

Любая человеческая деятельность, кроме того, что она всегда – скрытно или открыто, – опосредованно или непосредственно направлена одновременно на природу и на людей, что мы уже рассмотрели выше, разглядывая два крыла любви, -всегда характеризуется двумя направлениями – на себя и от себя. Это единство "овнутрения" и "овнешнения", или интериоризация и эксториоризация, как выражаются психологи, относя последние, однако, более всего или даже исключительно только к психологическим процессам.

"Овнутрение" есть та сторона любовной деятельности, в процессе которой любящий воспринимает на себя сигналы от предмета своей любви: присутствие любимой, ее слова, ее взгляд, ее наряд, ее движения, ее прикосновение и т.д. вызывают внутри любящего, например, радость от присутствия, счастье от слов, восторг от взгляда, удовольствие от наряда, желание целовать от кокетливого поворота головки или нечаянного прикосновения и т.д.

"Овнешнение" в свою очередь есть та сторона любовной деятельности, которая исходит от любящего на предмет своей любви: любящий подходит к возлюбленной или в смущении бежит от нее; что-то говорит ей или застывает как соляной столб; отвечает страстным взглядом или скромно опускает глаза; делает комплимент ее знанию моды; "замечает" или "не замечает" случайное прикосновение и т.д.

Реакции "овнутрения" и "овнешнения" будут, естественно, самые разные, соответственно тому, как различны люди. Различны люди, различны и их поступки в качестве любящего человека. "Овнутрение" и "овнешнение" – каждое в отдельности и оба вместе всегда осуществляются согласно индивидуально-природным и индивидуально-общественным характерам любящих, или иными словами соответственно природе каждого и жизни в обществе каждого из любящих.

По существу оба любящих "вбирают в себя" чужую природу, чужую жизнь и "выражают во вне" свою природу, свою жизнь.

Совершенно естественно, что такой сложный процесс, включающий индивидуальность каждого из любящих не может не быть полным противоречий.

Во-первых, сложность состоит в том, что для того, чтобы выразить себя, свою жизнь, свое отношение к любимому вовне в виде поступков, соответствующих тебе самому и твоей жизни, необходимо постигнуть самого себя и вести соответствующую жизнь. А постижение самого себя для каждого человека является делом всей его жизни. Так что выражение вовне себя и своей жизни неизбежно Чревато ошибками в силу трудностей самопостижения, не говоря о других противоречиях, коренящихся в способах жизни человека, и вынуждающих его поступать порой в противоречии с самим собой. Речь пока идет о неизбежном разрыве, который всегда существует в каждом человеке в процессе познания самого себя, о несовпадении между тем, что человек уже знает о самом себе, и тем, что ему самому еще неизвестно и предстоит еще узнать.

Человек, например, может представить себя весьма сильным и уравновешенным, поскольку в кризисных ситуациях никогда еще не был – не был разлюблен, не был в беде. А в сложной жизненной ситуации неожиданно для себя он оказывается столь впечатлительным и неуравновешенным, что взятая на себя роль спокойного, уравновешенного, мудрого человека создает ему постоянное внутреннее напряжение и порождает разочарование в себе самом. В этом случае прежнее любовное выражение себя вовне, на котором строилась ответная любовь к нему, как к опоре, перестает соответствовать настоящему. "Опора" сама проявляет слабость и малодушие, сама нуждается в поддержке. Не каждая любовь выдерживает такую смену поведения.

Кроме того, иной человек может и вполне сознательно выражать вовне себя, свое отношение к жизни неадекватно истинному положению. Такое поведение может быть обусловлено робостью, неуверенностью в себе, недовольством своей жизнью, что полюбивший пытается преодолеть подчеркнутой самоуверенностью, экстравагантностью поступков, чтобы скрыть ранимость своей души. Страх, пережитые обиды диктуют тогда такое усложненное выражение вовне своей любви, что догадаться об истинных чувствах не так-то легко.

Такой разрыв – большая беда для любви гармоничной, ибо все время вносит в отношения любящих напряженность, нервозность, если истинно переживаемое состояние, тщательно скрываемое, не угадано любящим. Но есть в таком характере и свое очарование, ибо именно скрытие от самого себя своих истинных чувств, непризнание самому себе в том, что стрела Амура уже попала в сердце, делает поведение такого любящего весьма загадочным, даже парадоксальным, и тем самым надолго сохраняет таинственность в любви. Постоянное разгадывание загадок, вечное гадание "любит – не любит", к которому вынуждает такая противоречивая натура, питает и развивает ответное чувство.

Есть к тому же и вовсе противоречивые натуры, у которых, как выражаются психологи, нет строго субординированной иерархии мотивов поведения и весьма лабильно эмоциональное состояние. Такой человек сегодня выражает свою любовь безграничной готовностью помогать любимой, а завтра он оспаривает простейшую просьбу сходить за хлебом. Вчера от твердо знал, что любит беспредельно, и нет для него ничего важнее, чем ответная любовь, а послезавтра он не находит в своей жизни ничего важнее своей работы или скачек, а любимая вовсе перестает для него существовать. Понятно, что овнешнение таким человеком своей любви в виде поступков весьма противоречиво и непоследовательно.

Противоречивым может быть для иного, очень неуверенного в себе человека и овнутрение им ответного чувства своей любимой – сегодня он верит, что любим, завтра погибает от мук ревности, послезавтра твердо знает, что разлюблен. Навести порядок в своей растрепанной душе ему трудно, а потому хорошо, если любящая оказалась терпеливой и мудрой. А если нет?

Добавим к сказанному, что в отношениях любви выражают себя вовне не один, а оба любящих, и не у одного, а у обоих в поступках может выражаться разрыв между представлениями о себе и своим действительным "Я", противоречивость натуры, противоречия собственной жизни. Становится ясным, что противоречия любви пугающе богаты в своем многообразии, запутаться люди могут в своих любовных отношениях, запутаться так, что покажется гордиев узел детской

головоломкой.

Обратим внимание и на то, что выражая вовне возникшее чувство, один поступает соответственно своей природе, своей жизни, а второй, реагируя на внешние проявления любви, овнутряет их согласно своей природе, своей жизни. И оба эти процесса, чтобы породить гармоничную любовь, должны каким-то образом совпадать по существу, соответствовать друг другу, дополнять один другой. А то, что это одна из сложнейших задач, которую приходится решать двум влюбленным, -понятно.

По существу любящие в процессе овнутрения и овнешнения осуществляют обмен двумя жизнями соответственно природе и жизни каждого из любящих. И при том необходимо, чтобы моя жизнь была принята тобой, а твоя жизнь – мною. Неслучайно так велика потребность любящих все-все рассказывать о своей жизни, поведать о себе, о своем прошлом, о своем детстве, о своих родителях, об испытанном и пережитом. Но ведь нет ни одной жизни, которая, была бы копией другой, или готовой, уже созревшей дополнительностью другой жизни. Внимая рассказам любимого, словесно отдающего свою жизнь, девушка может проникнуться состраданием, готовностью согреть неприкаянного, поднять оступившегося. Но когда от рассказов и взаимных заверений любовные отношения переходят к совместной жизни вдвоем, то то, что было уже известно и многое, что обнаруживается только теперь, может настолько не соответствовать жизни девушки, что молодая жена купается не в счастье разделенной любви, а в море тревог и забот, уносящим в свои пучины ее горячее чувство любви. Не состыковались две жизни в одну общую жизнь двух любящих. Не обязательно, конечно, так грустно, но все же и не так редко происходит именно так.

Итак, еще одно противоречие, которое присуще каждой любви, и которое предстоит преодолевать, если это возможно, это противоположность, неодинаковость жизни каждого из любящих, прожитой до возникновения любовных отношений и ее неодинаковость, продолжающаяся во время зарождающейся любви. При этом следует осознавать, что жизнь обоих любящих и не может быть одинаковой, каждая из них исходно различны и должны быть различными и в дальнейшем, если каждый сохраняет свою индивидуальность. Но различия должны быть совместимыми, дополнительными, а не антагонистическими.

Как правило, когда уже в первых, словесных обменах пережитым обнаруживается диаметрально противоположность жизненных установок, противоречащая взглядам, чувствам, нравственным принципам одного из начинающих любить, любовь погибает. Сложнее, когда неодолимое различие обнаруживается не в начале любви, а гораздо позже, иной раз после нескольких лет счастливых совместных будней, когда жизнь неожиданно поставила любящих перед сложным моральным выбором, и решение, принятое одним, не соответствует природе, жизни другого.

Вместе с тем, в этой противоречивости любви и много прекрасного, ибо в ней один из источников ее вечного развития и обновления. Ведь жизнь каждого поистине неисчерпаема, она всегда богата новыми поворотами, необходимостью все снова и снова решать жизненные проблемы, постигать природу и жизнь друг друга. А потому путь познания в любви друг друга тоже неисчерпаем, и на этом зиждется вечность любви.

Не каждому дарована любовь до гроба. Многие, пережив первые разочарования, клянутся себе, что "никогда больше в жизни" не будут любить. Но несмотря на отступничество, люди продолжают любить, и не так уж и редко – счастливо.

В чем тут дело? Как люди находят выход, как преодолевают противоречия любви, неизбежно присущие ей как одному из видов человеческой деятельности?

А дело в том, что каждое человеческое отношение к миру, в том числе и любовь, осуществляется не только в процессах овнутрения и овнешнения своей природы, своей жизни, но одновременно представляют собой единство еще двух сторон – "деятельности" и "наделения деятельностью". Иными словами, каждый любящий не только действует определенным образом, выражая вовне свою любовь и вбирая любовь любимого человека, но одновременно в процессе этой деятельности наделяет другого своей деятельностью, и тем самым преображает себя и любимого.

Это легко понять, если обратиться к началу возникновения любви, например, у юноши, воспринявшего облик девушки таким образом, что в нем начало зарождаться чувство любви. Но девушка могла ведь вовсе не обратить внимания на данного юношу, даже не взглянуть в его сторону, не выделить его среди толпы в автобусе, не заинтересоваться им на студенческой вечеринке. Она его еще не начала любить, он для нее не существует в качестве возлюбленного. Но вот охваченный чувством возможного счастья юноша выражает вовне свои ощущения. На вечеринке особенно выразительно поет любовный романс, обращая взором прямо к ней, в автобусе заботливо ограждает от толчеи, в аудитории остроумно и вдохновенно делится соображениями по спорному вопросу, особенно внимательно следя за ее репликами, за ее позицией. Эти поступки выделения одного среди множества других нарастают, становятся, наконец, заметными для девушки и она обращает на юношу внимание. И если дальнейшее выражение во вне зарождающегося чувства юноши соответствует характеру девушки, ее природе, ее жизни, то в ответ и в ней может зародиться ответное чувство любви. Эту схему зарождения любви кто-то из психологов назвал типично женским зарождением любви, когда чувство именно ответное.

Но что все-таки происходит в этом варианте? На самом деле юноша наделяет девушку своим чувством любви, наделяет через свою деятельность. Не любившая девушка начинает любить.

Конечно, инициатором любви может выступить и женщина, а не только мужчина. Своими, женскими проявлениями любви женщина выщает свое зарождающееся чувство и привлекает к себе внимание мужчины. Многие современные мужчины вообще считают, что скрытым инициатором любви всегда является она, а не он. Он – только откликающийся, хотя и делает вид, что завоевывает сам. Не стану спорить кто тут прав. Скорее всего бывает и так, и наоборот, и даже еще запутаннее.

Важно понять, что по существу любящие наделяют друг друга и чувствами своими, и взглядами на жизнь, и поступками друг по отношению к другу, своим опытом жизни, своим мировоззрением, короче наделяют друг друга своей жизнью. А это значит, что любящие переделывают друг- друга во имя и посредством своей любви, приспособляясь друг к другу, преодолевают свои противоречия.

Например, прячущий свое чувство, робкий мужчина по теплыми лучами ответной терпеливой любви расцветает и поет о своем чувстве теперь во весь голос, в бессмертных стихах, отдавая свою любовь ей и всему человечеству.

А эмоционально лабильная женщина, у которой семь пятниц на одну неделю, и от скачки настроений которой окружающие готовы бежать за тридевять земель в тридесятое царство, под влиянием любви обуздывает свой нрав и на глазах изумленного света превращается в укрощенную строптивую.

И все это во имя любви.

Но не всегда процессы наделения деятельностью имеют такой счастливый конец. Случается, и не столь уж редко, юноша, несмотря на проявление любви оставляет любимую холодной как лед, равнодушной к чужому чувству, которое ее не греет. Тогда не возникает гармоничной, разделенной любви, а родившаяся любовь одного – не счастье его, а несчастье. К.Маркс писал по этому поводу: "Каждое из твоих отношений человека к человеку и к природе должно быть **определенным**, соответствующим объекту твоей воли **проявлением твоей действительной индивидуальной** жизни. Если ты любишь, не вызывая взаимности, т.е. если твоя любовь не порождает ответной любви, если ты твоим жизненным проявлением в качестве любящего человека не делаешь себя **человеком любимым**, то твоя любовь бессильна, и она – несчастье." [Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2-ое изд., т.42, с.151].

Важно подчеркнуть, что процессы наделения своей деятельностью, своим чувством, своим отношением – обоюдны, оба, а не только один – участники этой стороны любовной деятельности. И при этом оба ведут себя отнюдь не одинаково.

Поступки любящих вовсе не похожи как две капли воды. Скорее наоборот, они иной раз даже диаметрально противоположны – один проявляет любовь в словах, другой молчанием; один борется за ответное чувство постоянными приходами, другой вечными уходами; один обижается,

другой прощает и т.д. Важно, однако, понять, что оба и действуют и воздействуют, часто вольно, еще чаще невольно друг на друга, наделяя друг друга своими чувствами и вызывая ответную взаимную любовь, или не вызывая ее. Оба переделывают друг друга.

А отсюда каждый из любящих сам и активное начало отношений любви, субъект, наделяющий другого своей любовью, и каждый из любящих и пассивное начало любви, ее объект, воспринимающий воздействие на себя любви другого.

Конечно, и в этом процессе возможна дисгармония, поскольку и здесь не обходится без вечных противоречий. Одно из самых характерных противоречий любви является то, что каждый, отдавая другому свою любовь, "обменивает" то, что присуще ему самому – свой вид любви – эгоистичной или альтруистичной, ветреной или глубокой, безответственной или ответственной, а получает то, что соответствует характеру, темпераменту, нравственным установкам другого. Пылкого мужчину его возлюбленная пытается наделить своей рассудочной любовью, в которой больше житейского расчета, чем страстного чувства, а он, влюбленный до беспамятства, пытается зародить в ней страсть, на которую она, быть может, и не способна в силу своего характера. Противоречие? Еще какое!

Писатели, а сегодня уже и психологи занялись выявлением видов любви, пытаются определить, какие из них совместимы, взаимно дополнительные, а какие взаимно исключают друг друга. Очень интересно и много пишет об этом Ю.Рюриков в уже упоминавшейся книге "Мед и яд любви", к которой я и отсылаю читателя. Хочу обратить внимание на его мысль о том, что вид любви в значительной мере зависит от характера, темперамента, психологических свойств личности любящего. И в этом смысле ничего тут не поделаешь, люди имеют право любить по-разному, а любящим, наделяющим друг друга своей любовью психологи, может быть, сумеют вскоре подсказывать, что окажется приемлемым, а что нет, каждому полюбившему. А сегодня люди еще разбивают друг другу сердца, ломают жизнь, пока опытным путем не устанавливают, что наделить другого возможно лишь тем, что для того приемлемо. И не стоит биться головой об стену, если в ответ на страсть тебя одаривают только нежностью. Будь счастлив или найди другую, нет иного выхода. А впрочем?

Чувству любви приходится преодолевать немалые противоречия, заложенные в каждом человеческом отношении. И хотя на каждом витке очередного кризиса любви она может погибнуть, все же многие люди распутывают самые сложные отношения, преодолевают самые непреодолимые кризисы любви. И помогает им в этом то, что существует еще одна особенность человеческих отношений к миру. Дело в том, что возникшие в результате определенной деятельности отношения, сами становятся **условием** для возникновения дальнейших отношений.

В любви это означает, что двое, полюбивших друг друга людей, строят теперь свои любовные отношения на основе своей любви. Любовь как бы становится силой над и внутри людей, уже и независимо от них самих, диктуя свои условия взаимоотношений. Это нетрудно понять, если напомнить, что у каждой любви есть не только настоящее, которое еще подвластно любящим, но и прошлое, которое не изменить, но с которым приходится считаться. Уже пережиты счастливые часы вдвоем и их нелегко стереть из памяти, есть опыт преодоления первых разногласий или даже серьезных жизненных невзгод, родились дети, свито семейное гнездо. Любовь уже состоялась – счастливая или не очень счастливая, но она уже присутствует в жизни двоих, и не только в душе, но и вполне материально. И попадая в ситуацию кризисов любви, наталкиваясь на ее противоречия, каждый из любящих в отдельности или оба вместе могут опереться на уже реализованные отношения любви как условия своей дальнейшей жизни, как условия продолжения и развития своей любви и поступать соответственно. Могут спасти любовь, переходя от одного ее этапа в жизни любящих к другому, новому, еще не познанному и не пережитому.

Могут, но не всегда так поступают в силу неопытности, характера, взглядов на жизнь и по многим другим причинам.

Одна из сложностей преодоления кризисов любви, опираясь на любовь как условие жизни, состоит в том, что прошлая любовь сформировалась при определенном стиле поведения каждого

из любящих и этим она жива. Но люди меняются, меняются условия их жизни, меняется их поведение. И новыми люди снова ожидают друг от друга понимания себя, приятия таким, каким он стал. По существу, быть может, соответственно и должна бы возникнуть новая форма любви. Но прежняя форма любовного общения может в таком случае оказаться вовсе не спасательным кругом для всплывания на поверхность из омутов кризисов любви, а наоборот, тяжелым камнем преткновения, тянущим на дно. Именно в противоречии между прежней и новой формой любви и кроется целый комплекс конфликтов, который может обрушиться на влюбленных после, казалось бы счастливого конца – вступления в брак по любви. Ожидания в новых условиях жизни прежних отношений, прежних поступков, соответствовавших иной форме любви, иному ее этапу, могут стать источником жестоких разочарований.

Так, например, молодой влюбленный мужчина мог до поры до времени несколько отодвинуть в сторону свои занятия, свою работу, дабы побыть лишнюю минуту подле любимой, и молодая женщина чувствовала себя бесконечно желанной и неотделимой. Но мужчину такое положение дел все же несколько тяготило, хотя он, охваченный страстным желанием ежедневно видеть возлюбленную, вполне сознательно жертвовал служебными делами. Но теперь, после женитьбы, отношения постепенно входят в новое русло. Уверенный в свидании с любимой каждый вечер у себя дома, молодой муж снова отдается работе, задерживается иногда по вечерам, ночью садится за письменный стол. Он счастлив и спокоен. Но юная жена может принять новые отношения за угасание любви к ней и попав в капкан страха потери любви, перейти к бурным сценам. Так прежние отношения, засевшие в памяти, мешают развиваться новым отношениям. И помочь обоим может только сама же любовь – любовь как творчество, любовь как человеческое отношение, любовь как условие развития любви.

И, наконец, чтобы понять любовь как человеческое отношение к миру, еще раз обратим внимание на то, что человек всегда действует одновременно как отдельный индивид, которому присущи индивидуальные органы чувств, свой взгляд на мир и как член общества, сообщества, сквозь призму которого он воспринимает мир. А это значит, что когда любящий, например, глядит на любимую, то смотрит он своими собственными глазами, но одновременно он глядит глазами и той социальной общности – круга друзей, сослуживцев, родственников – которые незримо, быть может вовсе неосознанно, присутствуют на тайном свидании двух любящих. Строго говоря любящий глядит на любимую и неведомым оком всего общества, в котором он живет, всей исторической эпохи, к которой принадлежит, глядит, конечно в индивидуальном преломлении общественных установок, господствующих в обществе. Взгляд любящего человека на любимую выражает весь предшествующий опыт его индивидуальной жизни, вобравший в себя и опыт предшествующих поколений.

В любви участвует весь человек – и как неповторимая индивидуальность и как типичный представитель своего времени, своей социальной группы, своей нации, своей культуры.

В этом диалектическом единстве существуют свои противоречия. Так, например, в любви может возникнуть несоответствие между индивидуальным видением и видением через призму той общности, к которой принадлежит любящий человек, и образ жизни которой до сих пор определял и определяет его индивидуальную жизнь. Ведь любимая, наделяя своей любовью любимого, делится с ним своей жизнью, своими привычками, своими взглядами, своим мировоззрением. И этот взаимный обмен может так изменить любящего, что он принимает теперь за прекрасное то, что его семья, его друзья считают ужасным. Противоположными могут быть понятия о здоровой пище, красивом жилье, удобной одежде, не говоря уже об отношениях к 'близким, друзьям и обществу в целом. Кто кому передаст свое восприятие мира, кто из двух любящих, встретившись как Ромео и Джульетта из двух враждующих кланов, победит? Это решат любящие, это продиктует им их любовь. Во всяком случае каждому из них предстоит привести в соответствие индивидуальное и общественное восприятие мира самим и своей любимой.

Напомним, что разрешение данного противоречия усложнено и тем, что не так уж редко общественные установки на любовь мешали и мешают любящим любить гармонично. При господстве, например, христианской морали любящий человек, как правило, должен

воспринимать кипение в крови как смертный грех, как вселение в него дьявола, и всячески пытаться изгнать дьявольские наваждения из своего тела. В средние века общество стесняло проявление природных, индивидуальных свойств любви средневекового человека, особенно если давал он обет безбрачия, посвящая себя богу. А последнее считалось высшим проявлением человечности! Но и в те времена, знаменитые поэты любви, такие как Бокаччио или Берне, проклинаемые церковью, сохраняли свой индивидуальный голос любви, выступая против общественной морали.

В мире любви двоих всегда, порой незримо, присутствует все общество в целом.

И хочет того любовь или нет – но она всегда по существу отношение общественное, отношение, в котором и мужчина и женщина, любя друг друга, выражают свое отношение к другим людям – ко всему племени мужскому и женскому, к своим родителям, к своим детям, к своему народу, своей культуре и в чем-то и ко всему человечеству.

И те потребности, которые гармоничное чувство любви удовлетворяет на всех уровнях потребностей личностного общения человека, всегда выражаются в конкретно-исторических формах и во многом зависят от общественной ступени развития, от исторического пути, уже пройденного человечеством.

Думаю, что противоречие между индивидом и обществом в отношениях любви и сегодня еще не сняты человечеством. Не моя задача исследовать данные противоречия, но полагаю, что и в этом таится целая совокупность причин, которые мешают мужчинами и женщинам сегодняшнего поколения любить гармонично.

И если человечество ни в одном уголке земного шара еще не сумело создать человеческое, гармоничное общество, и люди все еще угнетают и убивают людей, то что удивляться, что гармоничная любовь часто умирает, не успев родиться. Удивляться скорее надо тому, что любовь все же существует и люди не перестают к ней стремиться, а главное действительно любят, и даже счастливо.

Любовь действительно одно из человеческих отношений к миру, со всеми присущими ему противоречиями, снимая которые, любящие уже сегодня могут создавать отношения человеческие, основанные на гуманизме.

И если человечество не обречет себя на самоуничтожение, у любви прекрасное будущее.

Методологию данной, заключительной главы автор построила на определениях К.Марксом "человеческих отношений к миру". Читателя, которого интересует данная тема, отсылаю к монографии В.Ф.Шелике. Исходные основания материалистического понимания истории (по работам К.Маркса и Ф.Энгельса 1844-1846 гг.) Бишкек. Изд. "Илим", 1991г. гл. Человеческое отношение к миру как исходное отношение материалистической теории истории, стр. 5-57.